САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2014 Том 14
ISSN 1814-733X
ISSN 1818-9601
Издается с 2001 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Гусев В. В. Монопрофильные поселения (моногорода): зарубежный опыт решения социальных проблем 5
Голуб О. Ю. Коммуникации в кризисных ситуациях: модели интернет-присутствия 9
Русанов В. А. Средний класс на Западе и срединный в России 18
Ситникова С. В. Аксиологические аспекты здоровья современного горожанина 23
Скворцова А. А. Теоретические подходы к исследованию интеллигенции как социальной группы 29
Шабанов В. Л. Факторы и причины сельской бедности в современной России 31
Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф. Факторы, определяющие риск бедности населения в современном российском обществе (региональный аспект) 36
Макаров С. Н. Экспертные системы в моделировании управленческой деятельности 40

Слово молодым социологам

Ершов Д. О. Социальные потребности как компонент механизма совершения социального действия 44
Поликарпов П. Б. Социальные проблемы ретрансляции здоровьесберегающего поведения школьников 47
Шедловская М. А. Эволюция дружбы как социального явления: социологический дискурс 52
Монтаев А. Б. Характер трудоустройства по специальности выпускников Казахстана: гендерный срез 55

Политология

Вилков А. А. Политические аспекты обеспечения продовольственной безопасности в России в современном обществоведении 60
Шестов Н. И. Субъективный фактор продовольственной безопасности в современной России 67
Мирошниченко И. В. Открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления: российский опыт 71
Галихузина Р. Г., Марданшин М. М. Религиозный экстремизм на почве ислама в Приволжском федеральном округе 78
Казаков А. А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок 85
Суслов Ю. П., Толкалов А. С. Особенности формирования политического имиджа Вацлава Гавела на начальном этапе исполнения им полномочий Президента Чехословакии (1989–1993 гг.) 90
Бударин Г. А., Магомедов А. К. Проблема локальной идентичности в постсоветской России в контексте эволюции региональных исследований: старые сюжеты и новейшие дискуссии 96
Головченко А. В. Инверсии либерального патриотизма в современной России 98

Слово молодым политологам

Концыбовская М. Н. Особенности политической субъектности региональных общественных палат (на примере Приволжского федерального округа) 102
Калинин В. А. Националистический дискурс в деятельности КПРФ в современной России 107

Приложения

Хроника 112

Сведения об авторах 122

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Зарегистрировано в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36016, раздел 41 «Философия. Социология. Психология. Религия»
Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 10.12.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 14,18 (15,5).
Тираж 500 экз. Заказ 63.

Отпечатано в типографии Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2014

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в раздел Хроника (научной жизни). Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (8–16 стр.).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта –14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы и документы:

– текст статьи в электронном виде;

– сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты;

– «внешнюю» рецензию, заверенную в установленном порядке.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал рецензии и договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziopolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

Gusev V. V. Monoprofile Settlements (Monocities): Foreign Experience Solving Social Problems 5
Golub O. Yu. Communications in Crisis Situations: Internet Presence Models 9
Rusanov V. A. Middle Class in the West and Central in Russia 18
Sitnikova S. V. Axiological Aspects of the Health of a Modern City Dweller 23
Skvortsova A. A. Teoretical Approaches to Intellectuals Research as Social Group 29
Shabanov V. L. Factors and Features of Rural Poverty in the Modern Russia 31
Kosharnaya G. B., **Karimov L. F.** Factors Determining the Risk of Poverty of the Population in Modern Russian Society (Regional Aspect) 36
Makarov S. N. Expert Systems in Modelling of Management Activity 41

A Word to Young Sociological Scientists

Ershov D. O. Social Needs as a Component of Social Activity Mechanism 44
Polikarpov P. B. Social Problems Relay Health Saving Behavior Pupils 47
Schedlowski M. A. Evolution of Friendship as a Social Phenomenon: Sociological Discourse 52
Montaev A. B. Character of Employment of Graduates by Specialty in Kazakhstan: the Gender Section 55

Politology

Vilkov A. A. Political Aspects of Food Safety Supply in Russia within a Framework of Modern Social Sciences 60
Shestov N. I. The Subjective Factor of Food Security in Modern Russia 67
Miroshnichenko I. V. The Open Mechanisms of Social Networks Incorporation to the System of Public Administration: the Russian Experience 71
Galikhuzina R. G., **Mardanshin M. M.** Religious Extremism in the Soil of Islam in the Volga Federal District 78
Kazakov A. A. Framing in Media Stories as a Tool of Influence on the Audience: Review of Widely Spread Interpretations 85
Suslov Yu. P., **Tolkalov A. S.** Features of Formation of Vaclav Havel's Political Image during the First Period of His Presidency of Czechoslpvakia (1989–1993) 90
Budarin G. A., **Magomedov A. K.** The Problem of Local Identity in Post-soviet Russia in Context of Development of Regional Studies: Old Issues and New Debates 96
Golovchenko A. V. Inversion of Liberal Patriotism in Contemporary Russia 98

A Word to Young Politological Scientists

Koncybovskaya M. N. Features of Political Subjectivity of the Regional Public Chambers (exemplified by the Volga Federal District) 103
Kalinin V. A. Nationalist Discourse in The Activities of the Communist Party in Modern Russia 107

Appendices

Chronicle 112

Information about the Authors 120

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор
Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)
Заместитель главного редактора
Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Ответственный секретарь
Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)
Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)
Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)
Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)
Balash O. S. (Saratov, Russia)
Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)
Danilov V. N. (Saratov, Russia)
Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)
Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)
Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»

Главный редактор
Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Заместитель главного редактора
Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)
Ответственный секретарь
Бегинина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аникин Леонид Сергеевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Маркович Данило Ж., академик Сербской академии образования (Белград, Республика Сербия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES. SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)
Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anikin L. S. (Saratov, Russia)
Itchison B. (London, Great Britain)
Butterfield G. (Kalamazoo, USA)
Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)
Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)
Komkova G. N. (Saratov, Russia)
Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)
Markovich D. Zh. (Belgrade, Republic of Serbia)
Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)
Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.34/35

МОНОПРОФИЛЬНЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ (МОНОГОРОДА): ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В. В. Гусев

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. Саратов
E-mail: vladgus2006@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы российских монопрофильных поселений с учетом зарубежного опыта реформирования подобных территорий. Анализируется опыт диверсификации моногородов Германии и Великобритании и возможность его применения в российских условиях.
Ключевые слова: моногород, занятость, государственно-частное партнерство, сфера услуг, индустриальный парк, плотность населения, предпринимательство.

Monoprofile Settlements (Monocities): Foreign Experience Solving Social Problems

V. V. Gusev

This article discusses the Russian single-industry communities, taking into account international experience of reforming such areas. The experience of diversification monocities Germany and the UK, and the possibility of its application in the Russian context.
Key words: one-industry town, employment, public-private partnerships, services, industrial park, population density, entrepreneurship.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Говоря о современных проблемах российских моногородов (монопрофильных поселений), необходимо остановиться на теоретическом понятии «моногород» и новых трактовках этого понятия, появившихся в последнее время. Прежде всего, отметим тот факт, что отдельного законодательства о статусе монопрофильных поселений до сих пор нет, хотя такая необходимость, безусловно, назрела. В настоящий момент суть моногорода часто определяется понятием «градообразующее предприятие»: если оно присутствует, то можно говорить о поселении, городе как о монопрофильном, если его нет, то как о «просто» поселении либо о малом городе. На наш взгляд, на фоне сегодняшней деиндустриализации целесообразно все российские малые города рассматривать как проблемные зоны, требующие реализации определенных мероприятий государственной поддержки.

В Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» фигурируют два понятия, которые следует соотносить с понятием «моногород», – «градообразующее предприятие» и «стратегическое предприятие», что очень часто – одно и то же, недаром федеральный список монопрофильных поселений (в которых зачастую расположены именно стратегические, оборонные предприятия) является закрытой информацией. Так, в ст. 169 Закона «О несостоятельности (банкротстве)» определено, что «градообразующими организациями признаются юридические лица, численность работников которых составляет не менее двадцати пяти процентов численности работающего населения соответствующего населенного пункта». Такие же положения применяются «также к иным организациям, численность работников которых превышает пять тысяч человек»[1]. Согласно ст. 190 данного Закона, «под стратегическими предприятиями и организациями пони-

© Гусев В. В., 2014

маются: федеральные государственные унитарные предприятия и открытые акционерные общества, акции которых находятся в федеральной собственности и которые осуществляют производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации, …. а также организации оборонно-промышленного комплекса – производственные, научно-производственные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные и другие организации, осуществляющие работы по обеспечению выполнения государственного оборонного заказа». Перечень стратегических предприятий и организаций утверждается Правительством Российской Федерации и подлежит обязательному опубликованию[2]. В связи с этим, на наш взгляд, моногорода также следует разделить на «простые» и «стратегические» и ни при каких условиях не допускать банкротства стратегических предприятий (в ресурсном моногороде кризисное предприятие, например, добывающей промышленности можно восстановить при определенных условиях, в случае со стратегическим предприятием велика вероятность утраты самой технологии. В качестве примера приведем банкротство Саратовского авиационного завода, когда производство самолетов Як-40 и Як-42 можно считать безвозвратно утерянным).

В настоящее время по поручению Президента РФ В. В. Путина Минэкономразвития РФ подготовило проект постановления, согласно которому предлагаются два основных критерия отнесения населенных пунктов к моногородам: занятость и объемы отгруженной продукции промышленных предприятий. Однако по последнему показателю нет достоверных данных, так как эта информация зачастую является коммерческой тайной. Из федерального перечня в 342 моногорода по критерию занятости проходят только 60 моногородов, все остальные привязаны к критерию отгрузки производимой продукции. В связи с этим Минэкономразвития предлагает занятость оставить главным критерием, по которому будет определяться – относить поселение к моногородам или нет и может ли поселение претендовать на государственную финансовую помощь[3]. Согласно проекту постановления, население в моногороде должно превышать 3 тыс. человек, а каждый пятый работник – трудиться на предприятиях одного профиля. Рассчитывать на поддержку из федерального центра смогут в первую очередь города с уже высоким уровнем безработицы либо с перспективой ее резкого роста, причем отраслевые ведомства могут дополнять новые списки, включая в них моногорода с наиболее критической ситуацией в сфере занятости. Однако самые проблемные из моногородов, наиболее пострадавшие во время мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., где градообразующее предприятие уже закрылось, в новую классификацию Минэкономразвития не включены[4]. Отметим также, что в федеральном бюджете на 2014 г. на поддержку моногородов предусмотрено 100 млрд рублей, т. е. стабилизация ситуации в моногородах требует значительных сумм. В настоящее время правительственный список моногородов насчитывает 342 населенных пункта, в которых проживают 15 млн человек[5].

В ходе развития процессов глобализации и переноса реальных производств в места с более дешевой рабочей силой промышленно развитые страны также столкнулись с проблемой реформирования монопрофильных поселений. При этом так же, как и в пореформенной России, моногорода на Западе становились зонами хронической депрессии, обнищания населения и процветания преступности. Необходимо отметить, что часто ситуацию с моногородами не удается решить даже развитым в экономическом отношении государствам, наиболее красноречивый пример тому – нашумевшее муниципальное банкротство городского поселения Детройт – столицы автомобильной промышленности США. Для Детройта, получающего в настоящее время федеральную помощь на поддержание городской инфраструктуры, характерны упадок промышленного производства, отток населения из города (тридцать лет назад население составляло около 2 млн человек, в настоящее время осталось 700 тысяч), ветшание коммуникаций и изменение качественного состава населения в худшую сторону. По данным американских СМИ, преступность в Детройте в десять раз выше, чем в среднем по США, в городе не работает уличное освещение, 78 тысяч зданий заброшены и уродуют городской пейзаж. В «автомобильной столице» нет денег даже на поддержание городских служб – полиции, пожарных и «скорой помощи»[6]. Некоторые исследователи, например доктор философии Кевин Баррет из Университета Сан-Франциско, идут дальше простой констатации фактов безденежья, экстраполируют тенденцию и утверждают, что банкротство Детройта – это крушение американской мечты: «По мере падения экономики Соединенных Штатов промышленные города разрушаются в первую очередь. Уничтожение Детройта, треть территории которого теперь является пустошью, а сам город – официальным банкротом, предвещает ситуацию, которая ожидает другие города Америки»[7].

Однако в промышленно развитых государствах имеются и положительные примеры реформирования экономики и социальной инфраструктуры монопрофильных поселений. Прежде всего, обратимся к опыту Германии – важнейшего в настоящее время торгового и промышленного партнера Российской Федерации. Опыт ФРГ интересен, прежде всего, потому, что германская экономика базируется на промышленности, инновационных производственных технологиях и

во многом является локомотивом объединенной экономики всего Европейского союза.

Итак, для Германии характерен в данном вопросе системный подход. Немецкие специалисты по реформированию моногородов (работники ведущих консалтинговых фирм, например фирмы «AS&P») в тесной связке с федеральной и местной властью действуют по следующему алгоритму:

1) изучение международного опыта реформирования монопрофильных поселений;

2) разработка Стратегии реформирования моногорода и определение под мероприятия Стратегии необходимых финансовых средств;

3) развитие государственно-частного партнерства в реформировании монопрофильного поселения, привлечение в монопрофильные города многочисленных частных резидентов.

Конкретным примером реформирования моногорода в Германии может служить опыт диверсификации деятельности в Рурской области. Рурская область, или Рур – в недавнем прошлом наиболее развитый угледобывающий и промышленный район в Германии, который потерпел существенные структурные преобразования после кризисов в угольной (1958 г.) и стальной (1975 г.) отраслях. За последние тридцать лет в Руре в результате структурных преобразований исчезло около 500 тыс. рабочих мест в добывающей и сталелитейной промышленности, зато появилось примерно 300 тыс. занятых в сфере услуг. С большим опозданием, но бурными темпами стали развиваться новые индустриальные (автомобилестроение, машиностроение, электроника) и неиндустриальные (банковская сфера, информационные технологии, современные средства коммуникаций) отрасли[8]. Новое название Рура – Рур Метрополитен, огромный конгломерат с населением более 5 млн человек, в котором 50 населенных пунктов, исторически развивавшихся около угольных шахт и объединенных в одно целое, в перспективе будет функционировать как открытый туристический город. В целях развития креативного потенциала Рура федеральной и местной властью привлечено в моногород свыше 20 тыс. частных инновационных компаний. Наиболее ярким представителем диверсифицированного поселения является культурно-развлекательный комплекс «Золлверейн», расположенный на месте бывшей угольной шахты, закрытой в середине 1980-х гг. Сегодня здесь располагается главная достопримечательность – Музей Рура, принимающий в год до 800 тыс. туристов из разных стран мира[9].

На наш взгляд, успех диверсификации деятельности Рурской области заключается в двух факторах: развитой инфраструктуре и довольно высокой плотности населения (1167 чел/км²). Например, самое большое число монопрофильных поселений в Российской Федерации находится в Свердловской области – 17, численность населения всей области составляет 4,3 млн человек, плотность населения – 22,24 чел/км² [10], при том, что территории несопоставимы: по площади Свердловская область занимает 194,8 тыс. км², а Рурская – 4,4 тыс. км² [11]. Поэтому подобный опыт диверсификации монопрофильной деятельности может быть с успехом применен в более густонаселенной Европейской части Российской Федерации, но не в условиях Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, в условиях Германии наблюдается более высокий уровень жизни, и население в целом живет значительно лучше и комфортнее, чем в российских моногородах.

Другой пример, который мог бы потенциально заинтересовать Российскую Федерацию, – небольшой моногород Аглесгорф, расположенный недалеко от Берлина. Ранее, во времена ГДР, на его территории располагались военные объекты, которые оказались не нужны после объединения Германии. В результате перепрофилирования моногорода на его территории были созданы телевизионный центр, киностудия, индустриальный парк, а также размещены корпуса Университета имени Гумбольдта. По сути, в настоящее время город представляет собой большой бизнес-инкубатор, на его территории располагаются порядка 800 фирм, включающих 15 тыс. занятых. В университете обучаются 6700 студентов, и это значительный кадровый потенциал для развития территории[12]. Данный подход мог бы также использоваться в Российской Федерации, но важнейшие условия для этого – развитая инфраструктура, большая численность и плотность населения, наличие высшего учебного заведения с широким спектром предлагаемых специальностей.

Весьма интересным представляется опыт Великобритании в реформировании монопрофильных поселений. По мнению посла Великобритании в России Анн Прингл, в условиях британской промышленности были успешные и неуспешные примеры реформирования монопрофильных поселений, некоторые из них подходят для использования в российских условиях. Например, опыт крупнейшего города Шотландии Глазго показывает следующее. Традиционные для города отрасли – судостроение и тяжелое машиностроение – в конце XX столетия пришли в упадок. Муниципальные власти приняли решение о развитии Стратегии замещения промышленности на сферу услуг. В результате за последнее десятилетие в Глазго удалось создать 50 тыс. рабочих мест в банковской сфере, здравоохранении, в области информационных технологий и розничной торговле. В настоящее время 90% рабочих мест в бывшем монопрофильном поселении предоставляет сфера услуг, для города характерны высокие темпы экономического роста и низкая безработица. Также развитым является туризм, за год Глазго посещают примерно 4 млн туристов[13].

В графстве Южный Йоркшир британская власть пошла другим путем. Из-за кризиса в горнодобывающей отрасли территория лишилась 70 тыс. рабочих мест, и основные усилия орга-

нов государственной власти сосредоточились на развитии предпринимательства, снижении бюрократических процедур для открытия собственного дела и обучении сокращенных работников промышленных предприятий основам бизнеса[14]. Это также весьма актуально для Российской Федерации, поскольку и Президент России, и глава Правительства РФ не раз заявляли о чрезмерной забюрократизированности российской экономики, необходимости прозрачности бизнес-процедур и улучшении инвестиционного климата.

Возвращаясь к российским реалиям, необходимо отметить явные пробелы государственной политики в отношении моногородов, на которые обратил внимание на совещании в Петрозаводске весной 2014 г. Президент России Владимир Путин. Место совещания было выбрано не случайно – Карелия является монопрофильным регионом, здесь находятся десять моногородов с одним-двумя промышленными предприятиями. По словам президента, во-первых, до сих пор нет единого федерального списка монопрофильных поселений, нет и четкой критериальной оценки, по которой города можно относить к монопрофильным. Во-вторых, не все монопрофильные поселения, в которых складывается неблагополучная ситуация (часто еще с кризисного 2008 г.), разработали инвестиционные планы и программы реформирования и ухода от монопрофильности, не везде назначены ответственные лица за решение проблем моногорода[15]. Много критики прозвучало в адрес профильного органа – федерального Минэкономразвития во главе с министром Алексеем Улюкаевым, по инициативе которого было предложено выделить наиболее проблемным монопрофильным поселениям 48 млрд рублей из федерального бюджета на безотлагательное решение проблем диверсификации и занятости. При этом средства не будут выделяться столицам субъектов РФ, они должны будут решать возникающие проблемы самостоятельно. В то же время некоторые результаты политики в отношении моногородов все же имеются: с 2010 г. в моногородах создано более 90 тыс. рабочих мест; в 1,5 раза сократилась безработица. Наибольшие успехи достигнуты в Прокопьевске Кемеровской области, Каменск-Уральском, Набережных Челнах (Татарстан), Павлово (Нижегородская область)[16]. Минэкономразвития РФ предлагает пойти по пути модернизации имеющегося промышленного производства, создания индустриальных парков в моногородах и привлечения в них инвесторов, т. е., по пути, уже апробированному в ведущих государствах мира.

В заключение необходимо отметить, что в случае с отечественными моногородами России надо искать собственный путь решения проблем, применять западный опыт строго избирательно, брать на вооружение лучшие примеры, а все худшее (глобализация, деиндустриализация, навязчивые идеи переселения жителей моногородов и т. д.) отметать как лишние и чуждые российским особенностям. Моногорода в Сибири или на Дальнем Востоке легко ликвидировать, а как их восстановить в дальнейшем? Стране слишком дорого обошелся опыт реформирования экономики в 1990-е гг., чтобы во второй раз повторять подобные ошибки, даже в отношении монопрофильных поселений.

Примечания

1. О несостоятельности (банкротстве) : федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с изм. от 10 января 2014 г.). URL: // http://dogovor-urist.ru/ (дата обращения: 01.08.2014).
2. Там же.
3. См.: Моногород : ворота открываются. URL: http://www.rg.ru/2013/12/23/monogoroda.html (дата обращения: 01.08.2014).
4. См.: Минэкономики расчистит моногорода. Ведомство обнародовало критерии для получения ими господдержки. URL: http://kommersant.ru/doc/2502317 (дата обращения: 01.08.2014).
5. См.: Моногород : ворота открываются.
6. См.: Перезапуск Города моторов. Детройт признан банкротом – крупнейшее банкротство в США. URL: http://www.gazeta.ru/business/2013/12/04/5782673.shtml (дата обращения: 02.08.2014).
7. *Баррет К.* Банкротство Детройта. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/07/29/bankrotstvo_detrojta (дата обращения: 02.08.2014).
8. См.: Рурская область // Википедия – Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%F3%F0%F1%EA%E0%FF_%EE%E1%EB%E0%F1%F2%FC (дата обращения: 02.08.2014).
9. См.: Рур – креативный город. URL: http://www.accbud.ua/architecture/tekstura/rur–-kreativnyj-gorod (дата обращения: 02.08.2014).
10. См.: Население Свердловской области // Википедия – Свободная энциклопедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E0%F1%E5%EB%E5%ED%E8%E5_%D1%E2%E5%F0%E4%EB%EE%E2%F1%EA%EE%E9_%EE%E1%EB%E0%F1%F2%E8 (дата обращения: 12.08.2014).
11. См.: Рурская область // Википедия – Свободная энциклопедия.
12. См.: *Коновалова Т. А.* Государственные механизмы повышения эффективности развития монопромышленных городов стратегического значения. URL: http://www.moluch.ru/archive/50/6290/ (дата обращения: 02.08.2014).
13. См.: *Прингл А.* Реструктуризация моногородов : что может государство. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0425/gazeta023.php (дата обращения: 12.08.2014).
14. Там же.
15. См.: Путин раскритиковал ответственных за развитие моногородов. URL: http://www.mk.ru/politics/2014/04/28/putin-raskritikoval-otvetstvennyih-za-razvitie-monogorodov.html (дата обращения: 12.08.2014).
16. См.: Моногородам выделят 48 млрд рублей. URL: http://izvestia.ru/news/570065 (дата обращения: 12.08.2014).

УДК 316.77

КОММУНИКАЦИИ В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ: МОДЕЛИ ИНТЕРНЕТ-ПРИСУТСТВИЯ

О. Ю. Голуб

Саратовский государственный университет
E-mail: Goloub@inbox.ru

В статье рассматриваются особенности управления репутацией в кризисной ситуации. Анализируются современные инструменты кризисных коммуникаций, основные формы интернет-коммуникаций, раскрываются их преимущества и недостатки. Обращается внимание на необходимость выработки адекватной модели интернет-присутствия и оценки эффектов программы кризисных мероприятий.
Ключевые слова: управление репутацией, кризисные коммуникации, интернет-коммуникации, интернет-СМИ, новые медиа, блогинг.

Communications in Crisis Situations: Internet Presence Models

O. Yu. Golub

The article focuses on the issues of reputation management in crisis situations. The author analyzes modern tools of crisis communications, major forms of Internet communications and casts light on their advantages and drawbacks. The author highlights the significance of an adequate model of Internet presence and evaluation of the effects of the crisis management.
Key words: reputation management, crisis communications, Internet communications, Internet media, new media, blogging.

В условиях возрастания уровня рискогенности в обществе и расширения спектра кризисных ситуаций особую остроту приобретает понимание необходимости активной деятельности, направленной на поддержание устойчивой репутации в ситуации кризиса для достижения целей индивидов, организаций, социальных групп, государств. Важнейшей движущей силой социальных изменений становится мощный ресурс, заложенный в информации, информационных технологиях, организации коммуникационных потоков. По мнению авторитетного ученого в области современной коммуникативистики Доминика Вольтона, «информация представляет собой истинный триумф XX века… Информация во всех смыслах этого слова и со всеми возможными неоднозначными его оттенками является одной из центральных ценностей наших открытых обществ»[1]. При помощи огромного количества технических средств коммуникации информация все время циркулирует в мире, но далеко не всегда способствует взаимопониманию. Значительная часть современных кризисов возникает как раз в результате нарушения информационных связей.

Как отмечает А. Н. Чумиков, «кризис – это любое событие, угрожающее репутации организации и ее участников. Для специалиста по коммуникациям значение кризиса заключается в том, что в результате некоторого прецедента организация попадает в центр преимущественно недоброжелательного внимания большого ряда целевых аудиторий, в том числе государственных структур, политиков, акционеров, общественных организаций и, разумеется, журналистов, которые вполне законно интересуются действиями организации и доносят информацию о них до широкой публики»[2].

Кризис, как правило, проявляет себя огромным количеством публикаций в СМИ негативной информации; недостатком достоверной информации и стихийно формирующимся общественном представлении о проблеме; нарастающими затруднениями с формированием адекватной реакции; потерей контроля как над восприятием развивающегося кризиса, так и над воздействием, которое он оказывает; невозможностью руководства сконцентрироваться на решении проблемы, что, в свою очередь, способно еще больше вывести ситуацию из-под контроля, и т. д.

Для того чтобы выстроить эффективные кризисные коммуникации, прежде всего, необходимо оценить природу и характер кризиса. В литературе существуют разные подходы к классификации кризисов. Самая простая из типологий подразделяет все кризисы на две категории: произвольные кризисы, в основе возникновения которых лежат преднамеренные действия; и непроизвольные кризисы, возникающие в результате неконтролируемых обстоятельств. Р. Р. Уилмер, Т. Л. Селлнау, М. В. Сиджер пишут: «Б*о*льшая часть произвольных кризисов – это следствие неэтичного поведения руководства организации… Когда руководство организации сознательно подвергает риску своих работников, клиентов, инвесторов и жителей прилегающих районов, не сообщая им об этом, есть два варианта развития событий: или система развалится, что часто приводит к кризису, или, когда люди узнают о нечестности руководства организации, они, вероятно, отомстят»[3].

В данном контексте управление репутацией в кризисной ситуации базируется на разработке программы кризисных коммуникаций, реализация которой осуществляется по нескольким направлениям. В самом общем виде их содержание может быть сведено к следующему.

© Голуб О. Ю., 2014

Первое направление посвящено управлению неопределенностью и налаживанию информационного взаимодействия. Важно проанализировать коммуникационные аспекты проблемы, связанные с каналами, формами и содержанием передаваемой информации; осуществить анализ текущих и возможных рисков; разработать стратегию кризисных мероприятий, направленных на поддержание имиджа и репутации; разработать конкретные, детальные кризисные планы.

Второе направление – управление реакцией на кризис. С одной стороны, необходимо определить все возможные заинтересованные группы и установить цели коммуникаций для каждого из сегментов. С другой стороны, важно информирование общественности о планах по преодолению кризисной ситуации уже в первые часы и дни кризиса, так как это позволяет скоординировать действия, снизить уровень неопределенности и тревожности. Такие действия демонстрируют компетентность, решимость руководства в преодолении кризиса, наличие контроля над ситуацией и способствуют получению запаса времени на разработку дальнейших мероприятий.

Третье направление системы кризисных коммуникаций связано с урегулированием кризисной ситуации. Здесь важно в соответствии с разработанными планами для каждого сегмента общественности последовательно осуществлять целый комплекс мероприятий, направленных на восстановление (возможно, пострадавшей) репутации. Необходимо обеспечить организацию и координацию коммуникационных потоков; активизировать поддержку партнерами, представителями властей и лидерами общественного мнения.

Четвертое направление – это извлечение уроков из кризиса, упреждающее выявление ситуаций высокого риска. Необходимо, во-первых, прогнозирование возможных рисковых и кризисных ситуаций в целях разработки превентивных и ответных действий, во-вторых, планирование коммуникации в условиях кризисной ситуации, план должен быть гибким, способным к обновлению, корректировке и согласованию с заинтересованными сторонами, которые будут задействованы в период развития кризисной ситуации.

Эффективность планирования и результативность кризисных коммуникаций должны оцениваться не только по тому, как быстро это было сделано, но и по тому, в какой мере выполнена поставленная задача, были ли допущены ошибки и какова на это реакция общественности. Публичное признание своих ошибок, декларация намерений осуществления мер, направленных на то, чтобы подобная ситуация не повторилась, способствуют атмосфере доверия, снижают вероятность совершения подобных ошибок при наступлении кризисного момента и, что самое главное, позволяют сохранить или укрепить репутацию и авторитет в глазах общественности.

Арсенал инструментов, которые могут быть задействованы на всех этапах кризисного реагирования – этапе подготовки к кризисным ситуациям, этапе преодоления кризиса, этапе восстановления после кризиса, очень широк. Остановимся лишь на тех из них, которые связаны с использованием коммуникативных возможностей и особенностей Интернета.

Понимание Интернета лишь как технического канала для передачи информации между субъектами коммуникации становится крайне узким, чтобы раскрыть содержание новых реальностей и новых жизненных практик людей. Среди исследователей сегодня все большее распространение получает толкование Интернета не просто как информационно-коммуникационного канала и даже не только как информационно-коммуникационного пространства, но как среды обитания современного человека. О. П. Сотникова пишет: «В Интернете наряду с субъектами, участвующими в информационно-коммуникационном обмене, и результатами этого самого обмена в виде текстов различной семиотики (канал), с параметрами взаимного расположения объектов и их протяженности, выстраивающих определенную геометрию сети (пространство), существуют также явления времени (и в Интернете оно совершенно “другое”, хотя формально и совпадает со стандартным: все процессы многократно ускоряются, появляется привыкание к мгновенным изменениям состояний субъектов, объектов и явлений, возникает иллюзия “остановки времени”, когда находясь в Интернете более трех часов, человек оценивает данный период в несколько минут), плюс законы существования – своеобразные “правила игры” – и даже методы выживания»[4]. И далее: «Интернет можно представить как технико-технологически созданную новую виртуальную среду, в которой протекает коммуникационная деятельность человеческого общества»[5].

Интернет как динамично развивающаяся информационно-коммуникационная среда имеет множество достоинств. Во-первых, это изобилие информации, расширение доступа к ней практически из любой точки и в любое время. Во-вторых, реальная возможность организации коммуникации, оперативное взаимодействие между субъектами вне зависимости от их статуса. В-третьих, отсутствие централизованного управления, открытость и прозрачность информации и коммуникации, когда любые размещенные сведения сразу же становятся общедоступными.

Кроме этих бесспорных преимуществ важно отметить и некоторые принципиально важные особенности интернет-среды, которые выделяет О. П. Сотникова:

1) Интернет меняет представление о том, что есть новость. Новость – это то, что способно порождать новые типы коммуникации;

2) Интернет вбирает в себя не только все знания человечества, но и отношения. Фиксируя в электронном формате сведения, он создает новые реальные формы, способные существовать и за его пределами;

3) Интернет позволяет структурировать информацию вокруг любого произвольного факта или понятия, создавая тем самым относительно обособленную целостную информационно-коммуникационную структуру;

4) Интернет трансформирует критерий достоверности информации. Информация достоверна, если она встраивается в сетевую структуру, т. е. в структуру гипертекстуальности;

5) Интернет ориентирован на установление субъект-субъектных отношений между участниками коммуникации. При этом взаимодействие коммуникантов протекает в одной и той же физической среде, зачастую синхронно в онлайн режиме[6].

Д. Вольтон прав, когда отмечает: «Очарование Интернета можно резюмировать тремя словами: скорость, свобода, интерактивность»[7]. Именно эти качества делают интернет-коммуникации наиболее эффективными в ситуации кризиса. В первую очередь, это справедливо в отношении интернет-СМИ, а также новых ресурсов более сложной коммуникативной природы: сайтов организаций, социальных сетей, форумов, блогов.

Скорее всего, значение традиционных СМИ еще будет сохраняться достаточно долго. Но уже сейчас предпринимаются активные попытки объединить возможности привычных и электронных масс-медиа в таких формах, как, например, газетные статьи, публикуемые на порталах полностью или частично, цифровые газеты, размещаемые на новостных сайтах видеосюжеты и т. д. Главным изменением последнего времени для печатных СМИ (и в какой-то степени для телевидения) стал отход от погони за оперативностью и количеством новостей. Понятно, что бумажная пресса не может соревноваться с интернет-изданиями по оперативности и скорости публикации информации. Современные традиционные газеты главный акцент делают на развернутости и достоверности информации, больше внимания уделяя деталям и сбору комментариев от самых разных сторон. То есть, в отличие от информационных порталов, делающих ставку на количество новостей, традиционные СМИ, во-первых, выбирают главные новости и освещают их предельно основательно и, во-вторых, публикуют аналитические материалы и мнения экспертов, которые тоже не нуждаются в оперативной публикации[8]. Одним из относительно новых явлений, сочетающем в себе как элементы традиционной газеты, так и Интернета, стали электронные или цифровые издания. Подобная практика сейчас распространяется довольно быстро, особенно с ростом продаж планшетов.

Деятельность интернет-СМИ, находящихся в правовом поле средств массовой информации, заключается в информировании массовой аудитории об общественной жизни на основе периодичности выпусков информации, их технической и содержательной общедоступности. Многие исследователи отмечают, что вместе с этим интернет-СМИ имеют особенности по сравнению с традиционными, такие как: гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность.

Гипертекстуальность состоит в том, что отдельные тексты размещаются в единой среде. Это позволяет как читать текст на одном уровне (как в обычной газете), так и с помощью ссылок просматривать его «вглубь». Производители с помощью ссылок имеют возможность повысить качество информации, ее полноту и достоверность, потребители – расширить круг используемых источников информации и участвовать в самостоятельной интерпретации фактов и событий.

Мультимедийность, по сути, означает форму слияния всех каналов передачи информации в одно целое. Использование для передачи и упаковки информации не только вербальной, но и других знаковых систем (текста, звука, изображения) принципиальным образом меняет представление о структуре информации и эффектах ее восприятия и воздействия.

Интерактивность – свойство, позволяющее организовывать не просто каналы обратной связи с читателями, слушателями, зрителями, как это, собственно, достаточно широко используется традиционными СМИ, но выстраивать коммуникации с конечными потребителями информации, предоставляя им возможность быстрого реагирования и участия в обсуждении. Формы такого взаимодействия с аудиторией достаточно разнообразны: электронная почта, SMS-сообщения, чаты, форумы и др. Интерактивное общение носит двусторонний активный характер, может происходить как синхронно (например, в чатах), так и в форме отложенного диалога (с помощью e-mail или в форумах)[9].

Эти качества интернет-СМИ позволяют расширять объемы и разнообразие информации посредством нелинейного ее потребления; выражать смысл послания с помощью разных знаковых систем; использовать различные способы коммуникации с аудиторией; предоставлять пользователям более широкие возможности для реагирования и участия в производстве и обмене информации[10]. Благодаря этим свойствам коммуникация в Интернете приобретает двусторонний характер, когда и журналисты, и пользователи могут участвовать в процессах производства и обмена информацией. Это может происходить в виде обсуждения публикаций или передач, участия в опросах и рейтинговых оценках, организации форумов, связи через блоги и социальные сети.

Многие издания снабжают электронные версии газеты большим количеством фотографий, добавляют видеоматериалы, дополнительные схемы, таблицы и рисунки, повышая тем самым привлекательность для пользователя цифровой версии газеты.

Не вдаваясь подробно в анализ содержания понятия «новые медиа», отметим лишь, что оно достаточно расплывчато, и разные люди вкладывают в него разный смысл. Чаще всего новые медиа противопоставляются традиционным средствам коммуникации – прессе и аналоговому теле- и радиовещанию, т. е. подчеркивается их цифровой и интерактивный характер. Все больше коммуникаций создается пользователями, больше становится получателей, это ведет к фрагментации медиа. По мнению О. Е. Карпочевой: «New Media делает интерактивную, социально-коммуникативную среду пространством, где ты можешь не только получать медиа, но и сам производить медиа – коммуницировать с обратной связью, совершая при этом не только информационный обмен или, как сейчас принято говорить, infotaintment, но и edutainment, потому что это уже не только обучение, а некое развлечение, и при этом ты также и обучаешься»[11].

С. С. Распопова обращает внимание на то, что под воздействием новых технических возможностей Интернета принципиальным образом меняются социальные статусы как автора, так и читателя, а вместе с этим и характер взаимоотношений между ними. «Они становятся партнерами в поиске, в обработке и в распространении информации. Читатели могут написать отзыв на статью, проголосовать за материал, отправить закладку другу и др. На многих сайтах традиционных СМИ появляются площадки, которые позволяют общаться сотрудникам изданий с читателями-блогерами. Наблюдается тенденция к их совместной подготовке материалов. Пользователи Интернета выкладывают свое видео, фотографии, сделанные мобильными телефонами, ведут дневниковые записи. Это говорить о том, что стирается грань между профессионалом и “народным” журналистом (блогером)»[12]. По мнению С. С. Распоповой, все это свидетельствует об освоении аудиторией разных подходов в работе с информацией. Медиатекст сегодня направлен прежде всего на общение с аудиторией, на установление определенных связей с ней, в основе которых лежит индивидуально-эмоциональное взаимодействие[13].

Установка на разговорность, неофициальность, непринужденность общения в интернет-среде изменяет роль автора медиатекста. На первый план выходят такие его характеристики, как взгляды, устремления, общественная позиция, личностные качества, которые он может проявить только в диалоге с аудиторией[14].

В самом деле, сегодня становится все более очевидным, что новые медиа – это не только инструмент общения и развлечений, не просто способ информирования – это мощный канал воздействия, влиятельный механизм управления бизнес-процессами, грамотного выстраивания коммуникаций, управления рисками, формирования имиджа и репутации. Реализации этих задач способствуют главные преимущества новых медиа:

– высокая скорость распространения информации;
– эффект «сарафанного радио»;
– доступность аудитории;
– обратная связь;
– формирование доверия;
– таргетинг (выделение необходимой целевой аудитории)[15].

Деятельность, направленная на выстраивание отношений с общественностью в Интернете посредством новых медиа, – сегодня сфера чрезвычайно актуальная и активно развивающаяся. Практика показывает, что и репутация, и имидж любой компании или организации посредством Интернета и новых медиа могут быть легко трансформированы как в лучшую, так и в худшую сторону. Поэтому в контексте организации кризисных коммуникаций принципиально важно разработать адекватную модель интернет-присутствия.

Использование инновационных технологий, персонализация отношений с клиентами и интерактивность – именно эти свойства делают новые медиа весьма эффективным инструментом кризисных интернет-коммуникаций.

В западной литературе появились публикации, в которых анализируется компьютерно-опосредованная коммуникация в связи с антикризисным управлением[16]. Исследования в них ведутся по двум направлениям: первое – анализ конкретных практических ситуаций, когда сообщения в Сети приводили к кризису или, наоборот, помогали быстро выйти из него; второе – поиск возможностей интегрировать интернет-технологии в антикризисный PR[17].

Обобщая существующие в литературе наработки, можно выделить следующие модели интернет-присутствия в кризисной ситуации.

1. Использование сайта организации для максимально более полного информирования общественности о кризисном событии. В некоторых случаях у руководства возникает желание замолчать проблему, что неизбежно приводит к новому витку развития кризиса и созданию более тяжелой ситуации и, как результат, большим моральным и материальным потерям. Попытка пассивного ожидания не может привести к хорошему результату, потому что любая деятельность подразумевает наличие не только сторонников и партнеров, но и противников, которые могут использовать ситуацию против организации, даже если кризис носит внутренний характер. Используемые инструменты: размещение пресс-релиза

о случившемся и предпринимаемых усилиях по ликвидации кризиса, PDF-версии печатных документов, аудио- или видеоролики интервью с ключевыми фигурами в организации, конференции, выпуск новостей, информационного бюллетеня.

2. Использование интерактивной составляющей Интернета посредством активного вовлечения пользователей, открытия форумов, просмотра в режиме реального времени видеорепортажей и видеотрансляций конференций в Интернете и т. п. Это позволяет организации, во-первых, напрямую отвечать на запросы различных целевых групп, чьи интересы задействованы, тем самым добиваться большего понимания; во-вторых, размещать не только собственную версию происходящего, но и давать ссылки на различные другие ресурсы, где пользователи могут почерпнуть дополнительную полезную информацию о проблеме, что, безусловно, должно способствовать укреплению доверия между компанией и ее общественностью; в-третьих, осуществлять мониторинг развития событий в режиме реального времени.

3. Использование сайта организации для изложения своей версии случившегося. Здесь размещаются новости, различные документы, интервью, видеоматериалы и другие виды любой выгодной информации. Задействование данного ресурса позволяет компании управлять большей частью информационного потока по поводу кризисной ситуации и развернуть диалог со своими потребителями и другими заинтересованными группами общественности. Для этого также могут быть созданы и отдельные странички для разных целевых аудиторий: потребителей, инвесторов, работников компании, партнеров.

4. Организация обратной связи в виде комментариев и отзывов (наличие адреса электронной почты, системы учетных записей, счетчика посетителей, функции «помощника» или подсказок, личных кабинетов пользователей, системы персонализации содержания сайта, ссылок для инвесторов, потребителей, заказчиков, партнеров, работников, журналистов, возможности переключения на другой язык и др.). Чем больше позитивных отзывов на сообщение о компании в новостных форумах, тем более позитивное восприятие компании складывается у интернет-пользователей. Чем больше комментариев, тем сильнее у пользователя уверенность в том, что информация объективна, полна и достоверна.

5. Использование блогинга. Сегодня блоги становятся одним из наиболее эффективных каналов для организации кризисных коммуникаций. Позиция блогеров или «народных» журналистов, которые чаще всего не имеют профессиональной подготовки, но имеют большое значение для распространения информации, поскольку находятся на месте событий и работают в онлайн-медиа, двояка. С одной стороны, их деятельность считается особенно значимой в моменты кризисов, например, для выражения различных мнений и появления дополнительных источников информации. С другой, опасности, с которыми сталкиваются непрофессиональные журналисты, требуют четкого определения их правового статуса в целях защиты их права искать, получать и распространять информацию. Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» предписывает дополнить Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» статьей 10^1 «Обязанности организатора распространения информации в сети “Интернет”»: «Организатором распространения информации в сети “Интернет” является лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети “Интернет”»[18].

Помимо этого в п. 1 ст. 10^2 данного Закона определяется понятие «блогер». Это: «Владелец сайта и (или) страницы сайта в сети “Интернет”, на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей сети “Интернет”…» и регламентируется его деятельность. В частности, блогер обязан:

«2) проверять достоверность размещаемой общедоступной информации до ее размещения и незамедлительно удалять размещенную недостоверную информацию;

3) не допускать распространение информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства;

4) соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о референдуме и законодательством Российской Федерации о выборах;

5) соблюдать требования законодательства Российской Федерации, регулирующие порядок распространения массовой информации;

6) соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций.

2. При размещении информации на сайте или странице сайта в сети “Интернет” не допускается:

1) использование сайта или страницы сайта в сети “Интернет” в целях сокрытия или фальси-

фикации общественно значимых сведений, распространения заведомо недостоверной информации под видом достоверных сообщений;

2) распространение информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и работы, а также в связи с их политическими убеждениями»[19].

К. Д. Свитсер и Э. Мецгар в работе «Коммуникация во время кризиса: использование блогов как PR-технологии» привели данные анализа восприятия состояния организации во время кризиса, ее репутации и доверия к ней как результат обсуждений, инициированных на страницах частного блога (не контролируемого компанией) и на специально созданном организацией блоге.

Оказалось, что доверие к информации не зависит от того, как часто человек посещает подобные ресурсы в Сети. Что касается зависимости восприятия серьезности и непоправимости кризисной ситуации человеком от того, посещает ли он блоги вообще и, если посещает, то от того, частная страничка это или контролируемая самой компанией, было выявлено следующее. Во-первых, те, кто слышали о кризисе, но не посещали никаких блогов и не читали там о кризисной ситуации, более всего были озабочены, расстроены и демонстрировали пессимизм по отношению к ситуации и организации. Во-вторых, те, кто читали о развитии ситуации на страницах частного блога, были настроены более оптимистично, чем первая (контрольная) «не читающая» группа. И, в-третьих, те, кто читали о кризисе на страницах организационного блога, были настроены наиболее спокойно и оптимистично. Информация на официальном блоге компании пользовалась у посетителей наибольшим доверием[20].

Практика успешных компаний свидетельствует о том, что блог может использоваться как база данных, с помощью тэгов и рубрикатора позволяя читателям почерпнуть интересную информацию. Блоги полноценно дополняют официальные сайты и выступают основной площадкой для продвижения информации. При этом достигается высокая скорость распространения информации, сравнимая с рассылкой пресс-релизов, и стопроцентная верификация данных, и активное получение обратной связи. Это позволяет позиционировать организацию, ньюсмейкеров и активы независимо от обстоятельств СМИ, создавать информационные поводы и освещать их в собственных источниках.

Таким образом, блоги являются весьма эффективным инструментом кризисных коммуникаций. На наш взгляд, это обусловлено коммуникативными свойствами блогов: возможностью диалога и обсуждения информации, интерактивной структурой, легкостью в использовании, понятным интерфейсом. Следует подчеркнуть, что при этом принципиальное значение имеет последовательность информационно-технологических действий. Так, прежде чем что-то разъяснять, доказывать, опровергать, необходимо завоевать доверие к себе, показать реальную заинтересованность в разрешении проблемы, продемонстрировать, что компания готова идти даже на материальные издержки во имя общественного благополучия[21]. Большое значение имеет эффект свидетельства от первого лица, присутствия «человеческого голоса и мнения». Кроме этого, если организация поддерживает и регулярно обновляет блог, это создает впечатление, что компания ничего не скрывает и активно действует, а это, в свою очередь, способствует снижению неопределенности и тревожности.

Однако для того чтобы блог эффективно и позитивно для организации выполнял свои функции, вести его должен специально подготовленный для этого специалист. Блогер, с одной стороны, должен пользоваться доверием и авторитетом среди сотрудников, быть в состоянии независимо знать специфику деятельности компании, объективно и обстоятельно оценивать происходящее, а с другой – представлять на страницах блога организацию исключительно в позитивном свете, корректируя пошатнувшуюся репутацию и работая на ее улучшение.

31 марта 2014 г. на сайте информационного агентства «Взгляд-Инфо» была размещена информация о том, что губернатор Саратовской области В. В. Радаев подписал постановление о временном закрытии автомобильного моста «Саратов–Энгельс». В постановлении говорится, что передвижение по мосту с 15 апреля до 1 ноября будет запрещено автомобильному транспорту, за исключением рейсовых автобусов, а также аварийно-спасательных, оперативных служб и транспорта, задействованного при ремонте моста.

Губернатором было дано поручение предусмотреть альтернативное транспортное обслуживание населения между Саратовом и Энгельсом и рекомендовано пересмотреть схемы движения между городами.

Кроме того, на сайте было организовано голосование по теме. Читателям предлагалось ответить на вопрос: «Какой вариант закрытия на ремонт моста “Саратов–Энгельс” вы считаете правильным?»[22]

Закрытие моста «Саратов–Энгельс» около года воспринималось не на уровне слухов, а как необходимая и жизненно важная мера. По мнению специалистов, масштабный ремонт моста должен был быть проведен еще в 2000 г. За это время региональные власти не приступали к ремонту моста, в том числе понимая, что неудобства перемещения могут вызвать недовольство населения двух городов. К 2014 г. все-таки было

принято решение о необходимости ограничения движения по мосту. К этому времени количество личного автотранспорта увеличилось до 1,3 млн единиц, многократно выросло количество автомобилей, пересекающих мост каждый день. Сегодня ежедневно по мосту двигается в обоих направлениях до 50 тыс. пассажиров. Многие из них приезжают из Энгельса в Саратов на работу и учебу и уезжают обратно. Увеличилась изношенность железобетонных конструкций, а пропорционально ей и сумма необходимых на ремонт средств. Ситуация такова, что мост небезопасен для движения, в любой момент может произойти трагедия.

Казалось, все уже было решено, однако за две-три недели до обозначенной даты закрытия моста общественность, научное сообщество, законодатели, чиновники вдруг принялись активно обсуждать: закрывать или не закрывать мост. В электронных СМИ появилось огромное количество материалов на эту тему. Например: «До ремонта моста Саратов–Энгельс осталось три недели: Закрывать движение нельзя пускать автобусы. Где поставить запятую до сих пор спорят эксперты», или: «Сотни тысяч жителей Саратова и Энгельса отсчитывают дни до начала ремонта саратовского моста и запасаются терпением»[23].

На слушаниях в Общественной палате Саратовской области ее председатель А. Ландо заявил: «Проблема эта касается более миллиона человек. Мы все понимаем необходимость ремонта, но вопрос в организации движения. И тут чиновники и правительства, и администраций недоработали». Непродуманность элементарных вопросов проявляется и в плохом состоянии подъездных дорог, и в отсутствии стоянок, полагает А. Ландо. Он также призвал рассмотреть вопрос о сооружении понтонной переправы, а также потребовал «посуточный график работ по ремонту моста»[24].

Кроме этого, в связи с закрытием моста стали возникать и другие проблемы. Первое. Очень остро обозначилась проблема организации движения по Саратову для автомобильного транспорта. На время ремонта единственной дорогой, связывающей два берега Волги на этом участке, становится мост в районе села Пристанное под Саратовом с большей пропускной способностью, который был построен 14 лет назад как объездной путь. Предполагалось, что с его открытием начнется ремонт старого моста, но этого не случилось[25].

Уже 3 апреля информационно-аналитическое агентство «Медиасар», публикующее все новости Саратова и Саратовской области на злободневные темы общественной, политической и культурной жизни, с возможностью их комментировать и даже публиковать свои[26], со ссылкой на сайты Комитета транспорта правительства Саратовской области, администрации Саратова разместило информацию и подробные схемы с возможными маршрутами движения автомобилей на время закрытия для движения личного транспорта по мосту «Саратов–Энгельс». Появляются публикации под тревожными заголовками, например: «Саратовские власти не дают рекомендации, как избежать транспортного коллапса»[27], «Аварийная поездка. Как будем добираться из Энгельса в Саратов после закрытия моста?»[28] В последней автор, в частности, пишет: «Несмотря на то, что уже опубликована схема организации движения транспорта на период ремонта, жители двух городов пока не могут до конца осознать, какие препятствия им придется преодолевать в течение полугода, добираясь на работу, в вузы, домой, на дачи, к родным или в гости…» И резюмирует: «В целом же у нас сформировалось четкое ощущение, что по-настоящему все последствия закрытия старого моста сейчас никто оценить не может. Но ждать осталось недолго. Все станет ясно уже 15 апреля»[29].

Общественное мнение было взбудоражено этой достаточно противоречивой информацией вокруг закрытия моста. В электронных СМИ появилась масса публикаций, интервью, комментариев, отражающих неоднозначные точки зрения по поводу этой ситуации.

Нагнетанию ситуации вокруг ремонта моста во многом поспособствовали и публикации в блогах. Блогер Вячеслав Трофимов в публикации «Мосты и транспорт большого города» достаточно основательно анализирует проблему восстановления роли Саратова как транзитного центра региона. По его мнению, первейшей задачей является создание на территории области надежных и современных транспортных коммуникаций, важнейшими элементами которых являются мосты через Волгу. По поводу закрытия на ремонт автомобильного моста Саратов–Энгельс он, в частности, пишет: «Поражает как подход к проблеме, так и предлагаемое, но не обсуждаемое решение. В самом деле, допустим, что мост требует незамедлительного ремонта и его нельзя эксплуатировать. Тогда вопрос о закрытии движения правомерен и его надо решать непременно. Но как ездить целое лето людям из Саратова в Энгельса и обратно, никто из наделенных полномочиями чиновников не обсуждает»[30].

В статье под красноречивым названием «Апокалипсис наших дней» М. Хлебников пишет: «…Прилепинские “Патологии” начинаются с видения, в котором маршрутка падает с моста. Кожей всё ощущаешь. Выныриваешь вместе с героем и отдышаться не можешь. Но, черт побери, последние несколько лет, когда я езжу на левый берег, думаю примерно о том же. Представляю, что мост сейчас под колесами расползется, я ухну в воду. Начинаешь невольно прикидывать, успеешь открыть окно или его лучше, наоборот, держать закрытым, а открыть уже потом, на дне. Еще страшнее, когда едешь в автобусе. Потому

что начинаешь думать, как поведут себя в экстремальной ситуации все эти незнакомые люди. Тьфу-тьфу-тьфу! Ну а с другой стороны, как об этом не думать? Я своим глазам верю больше, чем заверениям специалистов о том, что мост простоит еще несколько лет. Потому что когда переправа со всеми ее "птичками" развалится, этих специалистов со мной в кабине не будет»[31].

И далее автор задается множеством вопросов: «Губернатор Валерий Радаев год назад утверждал, что в 2013 году будет завершено полное обследование моста. Почему же не обнародуют его результаты? С учетом того, что по реверсивной полосе обещают сохранить движение общественного транспорта, вопрос далеко не праздный для тысяч жителей Саратова и Энгельса. Может, туда уже лучше не соваться?..

…Ну вот промучаемся мы полгода, а смысл в том будет? Сделают так, чтоб было любо-дорого? Что дорого будет, сомнений нет, хотелось бы, чтоб и любо. Чтоб хотя бы пешком по мосту можно было ходить, не боясь провалиться»[32].

Второе. В связи с наступлением жаркой летней погоды встал вопрос о доступности посещения пляжа «Городские пески». На городской пляж не пройти, не проехать, не доплыть. Будут ли ходить «ОМики», по-прежнему неизвестно. Автобусом до пляжа тоже не добраться, как пояснили в областном комитете транспорта, остановки на мосту возле городского пляжа этим летом не будет[33].

В конце мая стало известно, что областное правительство и ТТК «Волга» организовали онлайн-трансляцию ремонта моста через веб-камеру. Видео доступно по ссылке http://volga.ttk.ru/liveCam/.

Девятого июня состоялась пресс-конференция, на которой министр транспорта и дорожного хозяйства Саратовской области Н. Чуриков сообщил, что ремонтные работы на мосту «Саратов–Энгельс» ведутся с опережением графика, и заверил, что к оговоренному в проекте сроку, 1 ноября, все ремонтные работы будут закончены[34].

Таким образом, пример с ремонтом автомобильного моста Саратов–Энгельс показывает, что огромное количество сообщений в Интернете по поводу кризисной ситуации приводит к асинхронности восприятия информации пользователями и создает проблемы с формированием единой информационной и оценочной базы. Учитывая эту особенность Интернета, органы государственной власти Саратовской области и все ответственные за проведение ремонтных работ структуры должны были в оперативном режиме обеспечить общественности свободный доступ к получению информации, что называется, из первых рук, предоставлять информацию по мере развития событий, используя пресс-релизы, брифинги, информационные заявления, при этом стараясь максимально избегать эмоциональных заявлений. В ситуации кризиса особенно важны открытость и прозрачность. Важно не занимать оправдательную или защитную позицию. Критика, обвинения практически неизбежны, но готовность признать вину, продемонстрировать участие обязательно принесет свои положительные результаты.

Вся информация должна быть четкой, лаконичной и правдивой, не содержащей непроверенных, недостоверных сведений. Если информация, которая распространяется среди ключевых аудиторий, расходится с тем, что делается фактически, – это первое, что отрицательным образом скажется на репутации. Рано или поздно негатив станет известен, но из других источников, поэтому лучше предоставить всю полноту информации как можно раньше, прежде чем оппоненты сыграют на опережение. Наиболее значимым при подготовке кризисной позиции, помимо объяснения случившегося, является коммуникация конкретных шагов по исправлению ситуации. При этом специалисты рекомендуют предоставлять 10% информации о самой кризисной ситуации и 90% – о действиях, предпринимаемых для практического разрешения кризиса[35].

Попытки пассивного ожидания или замалчивания ситуации, как правило, неизбежно приводят к новому витку развития кризиса и созданию более тяжелой ситуации и, как результат, бо́льшим репутационным издержкам. Важно также понимать, что в ситуации кризиса очень важна оперативность, особенно в нынешних условиях, когда посредством социальных сетей и онлайн медиа информация распространяется практически мгновенно. Поэтому, повторимся, предоставлять правдивую информацию о проблеме, какой бы неприятной она ни была, и объяснять, что произошло на самом деле, надо круглосуточно и быстрее, чем это сделает Интернет.

Таким образом, чтобы эффективно управлять информационными потоками во время кризиса и свести репутационные издержки к минимуму, очень важно наравне с традиционными тактиками организации кризисных коммуникаций использовать положительный потенциал интернет-relations и антикризисного PR в Сети. Сегодня государственные структуры, организации и компании все активнее начинают применять технологии интернет-присутствия, приобретая тем самым бо́льшие возможности коррекции имиджа и репутации и более устойчивое положение, успешное преодоление кризисной ситуации позволяет повысить ее узнаваемость и авторитетность.

Рисков при работе с новыми медиа и электронными ресурсами очень много. Поэтому надо уметь доверительно и уважительно общаться с аудиторией и отслеживать события в Сети. Если что-то произошло, надо оперативно реагировать и превращать негатив хотя бы в нейтральную информацию. Это единственный способ если не из-

бежать кризисных ситуаций, то минимизировать ущерб.

Управление кризисом как процессом предполагает в том числе извлечение уроков из допущенных промахов, собственных просчетов и ошибок других компаний, упреждающее выявление ситуаций высокого риска. «Организации должны воспринимать ошибку как возможность распознать потенциальный кризис или предотвратить подобный кризис в будущем»[36]. Прогнозирование возможных рисковых и кризисных ситуаций важно для разработки ответных действий, для создания гибкого плана, способного к обновлению, корректировке и согласованию со всеми заинтересованными группами, которые будут задействованы в период развития кризисной ситуации. Умение дать объективную оценку результатов и эффектов кризисных мероприятий, способность прогнозировать, планировать и корректировать коммуникационный процесс, в том числе с помощью выработки адекватной модели интернет-присутствия, представляется важнейшим при поиске ответа на вопрос о том, будет ли иметь кризисная ситуация позитивные или негативные последствия для властных структур или организаций и их будущего. Профессиональное управление кризисными коммуникациями означает не просто восстановление репутации и даже не то, какое чувство он оставит после себя: успеха или поражения. Важно научиться видеть в кризисе потенциальные возможности для преобразования и развития.

Положительной тенденцией последнего времени стало то, что в коммуникациях появляются социальные ценности. Эволюция качественных медиа добралась до Интернета, и именно в Сети формируется новый уровень коммуникаций – аналитическая, комментарийная журналистика и журналистика мнений. «Новые гибридные медиа атакуют в том числе качественную прессу. Все они принципиально интерактивны и представляют больше информации и больше мнений, а зачастую и больше впечатлений, чем традиционные издания, при этом ничего не стоят и всегда доступны. А значит, усиливается элемент публичности: вы не можете вести себя плохо, потому что постоянно находитесь на виду. И это очень действенный механизм, – утверждает И. Засурский. – В сетевую эпоху общественное мнение может быть не только свободно высказано, но и точно задокументировано»[37].

В конечном итоге, жизненно важным становится осознание того, что: «Коммуникация значит все меньше – передавать послание, редко – делиться с кем-нибудь, чаще всего – договариваться, и в конечном итоге – сосуществовать»[38].

Примечания

1 *Вольтон Д.* Информация не значит коммуникация : пер. с фр. М. : ПОЛПРЕД Справочники, 2011. С. 20.

2 *Чумиков А. Н.* Антикризисные коммуникации : учеб. пособие. М. : Аспект-Пресс, 2013. С. 11.

3 *Уилмер Р. Р., Селлнау Т. Л., Сиджер М. В.* Эффективная кризисная коммуникация : пер. с англ. Харьков : Гуманитарный Центр, 2011. С. 25–26.

4 *Сотникова О. П.* Интернет-издание от А до Я : Руководство для веб-редактора. М. : Аспект Пресс, 2014. С. 10.

5 Там же. С. 11.

6 Там же. С. 23–24.

7 *Вольтон Д.* Указ. соч. С. 12.

8 См.: URL: http://ria.ru/feam_2012_opinion/ 20121207/ 913723876.html#ixzz2Xssb6r2G (дата обращения: 05.04.2014).

9 См.: Интернет-СМИ : теория и практика : учеб. пособие / под ред. М. М. Лукиной. М. : Аспект-Пресс, 2013. С. 81–89.

10 Там же. С. 80.

11 *Карпачева О. Е.* Social media marketing как вид социальной коммуникации // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 2. С. 78.

12 *Распопова С. С.* Автор мультимедийного текста // Там же. С. 85–86.

13 Там же.

14 Там же. С. 89.

15 См.: *Карпачева О. Е.* Указ. соч. С. 79.

16 См.: *Maureen Taylor, Michael L. Kent.* Taxonomy of mediated crisis responses // Public Relations Review. 33 (2007). P. 140–146.

17 См.: URL: http://rudocs.exdat.com/docs/index-267392.html (дата обращения: 15.04.2014).

18 См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей : федер. закон РФ от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ // Рос. газ. 2014. Федер. вып. № 6373.

19 Там же.

20 См.: *Sweetser Kaye D., Metzgar E.* Communicating during crisis : Use of blogs as a relationship management tool // Public Relations Review. 2007. № 33. P. 340–342.

21 См.: *Чумиков А. Н.* Указ. соч. С. 63.

22 См.: URL: http://www.vzsar.ru/news/2014/03/31/valerii-radaev-podpisal-postanovlenie-o-zakrytii-mosta-saratov-engels.html (дата обращения: 03.04.2014).

23 URL: http://saratov.kp.ru/daily/26212/3096725/ (дата обращения: 23.04.2014).

24 URL: http://www.vzsar.ru/news/2014/04/07/remont-mosta-aleksandr-lando-trebyet-soorydit-pontonnyu-perepravy.html (дата обращения: 11.04.2014).

25 См.: URL: http://www.oprf.ru/about/interaction/region_chambers/431/2014/newsitem/24325 (дата обращения: 05.04.2014).

26 См.: URL: http://mediasar.ru/(дата обращения: 25.04.2014).

27 URL: http://www.regnum.ru/news/economy/1786529.html (дата обращения: 25.04.2014).

[28] URL: http://www.vzsar.ru/special/2014/04/08/avariinaya-poezdka.html (дата обращения: 14.04.2014).

[29] Там же.

[30] URL :http://mediasar.ru/%D0%B2%D1%8F%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2-%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%84%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2-%D0%BC%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8B-%D0%B8-%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82-%D0%B1.html (дата обращения: 14.04.2014).

[31] URL: http://www.vzsar.ru/special/2014/04/01/apokalipsis-nashih-dnei.html (дата обращения: 05.04.2014).

[32] Там же.

[33] См.: URL: http://saratov.kp.ru/daily/26237.4/3119310/ (дата обращения: 05.04.2014).

[34] См.: URL: http://www.saratovnews.ru/economika/rabotypo-remonty-mosta-saratov-engels (дата обращения: 16.06.2014).

[35] См.: URL: http://www.strategy.com.ua/Articles/Content?Id=16 (дата обращения: 16.06.2014).

[36] *Уилмер Р. Р., Селлнау Т. Л., Сиджер М. В.* Указ. соч. С. 205.

[37] URL: http://www.adbusiness.ru/content/document_r_C0D9B7DD-80A6-45C9-BC6D-D045BE889FEF.html (дата обращения: 16.06.2014).

[38] *Вольтон Д.* Указ. соч. С. 23.

УДК 323.3

СРЕДНИЙ КЛАСС НА ЗАПАДЕ И СРЕДИННЫЙ В РОССИИ

В. А. Русанов

Энгельсский технологический институт Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю. А.
E-mail: anovrus@bk.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и функционирования так называемого среднего класса в российском обществе, его отличия от параметров западноевропейской модели и роль в социальной динамике современной России.

Ключевые слова: средний класс, социализация, духовная традиция, социальная стабильность, позитивный социальный прогресс.

Middle Class in the West and Central in Russia

V. A. Rusanov

In the article are examined the special features of formation and functioning of so-called middle class in the Russian society, its differences from the parameters of West European model and role in the social dynamics of modern Russia.

Key words: middle class, socialization, spiritual tradition, social stability, positive social progress.

Временами, довольно спонтанно, внимание российской публицистики и научного сообщества обращается к так называемому среднему классу. Как правило, в нем, в развитии его в российском сообществе видят если не панацею, то важнейшую предпосылку создания благополучного, стабильного и прогрессивного общества и государства на многострадальной российской земле. При этом мнение адептов «среднеклассовой» модели развития России можно охарактеризовать поговоркой «кто в лес, кто по дрова». Кроме симпатий и надежд российский средний класс преисполнен концептуальным туманом и столь же туманной экономической статистикой.

Понятие «средний класс», как известно, первоначально и возникло в сфере экономической статистики, оно использовалось для обозначения некоего среднестатистического сообщества жителей определенного региона, имеющего средний уровень доходов и потребностей в масштабах государства. Затем чисто статистическое содержание понятия стало дополняться социальными и политическим компонентами. В среднестатистическом гражданине или подданном стали видеть опору государственности, носителя социально одобряемых черт поведения, добропорядочного обывателя. Эти изменения смысла термина вызваны, несомненно, тем, что трансформация общества в XIX–XX вв. привела к появлению четкой стратификации населения на бедноту, которой «нечего терять, кроме своих цепей», и богатых людей, в силу своего мощного экономического потенциала и дистанцирования от основной массы населения придерживающихся алгоритма: где хорошо, там и родина. Определенная часть населения, достаточно обеспеченная, не подверженная люмпенизации бедностью или чрезмерным богатством (а богатые материально люди, нынешние «олигархи», несомненно, люмпен, но с иным уровнем доходов), стала именоваться в политическом обиходе средним классом. Подобное на наших глазах произошло с понятием биологической науки «толерантность». В своей родной сфере оно обозначало, в сущности, снижение иммунитета, а в социальной публицистике приобрело значение всепрощающей снисходительности, присущей неким воображаемым ангелоподобным гражданам.

В России содержание понятия «средний класс» еще более усложнено этнопсихологическими и геополитическими факторами. На

© Русанов В. А., 2014

протяжении столетий, со времен призвания варягов, порабощения Золотой ордой, самыми привилегированными социальными группами, соответственно, самыми состоятельными в материальном аспекте были чужеземцы. Они и образовывали высший класс российского общества. В этих условиях более или менее обеспеченный слой отечественной бедноты стал в масштабах всего общества российским средним классом. По уровню материального достатка этот слой практически не отличался от бедноты, но в силу образованности, воспитанности он не был отчужден, десоциализирован ни нищетой, ни сверхдостатком.

Основным критерием выделения среднего класса в России, вероятно, нужно признать не уровень материального состояния, а минимальную в сравнении с остальным сообществом люмпенизацию. Под люмпенизацией в этом контексте следует понимать:

– потребительское, рептильное отношение к жизни, к социальным связям в обществе;

– скудость, фактически полное отсутствие ценно-мотивационного ядра личности, представленного лишь простейшими потребностями и низменными, зачастую мерзостными мотивами;

– готовность поддержать любые смуты, социально деструктивные движения, обеспечивающие люмпену хлеб и зрелища;

– стойкую, имманентную неприязнь к таким проявлениям социальной жизни, как честность, чувство долга, самопожертвование, целомудрие, скромность, стремление к самосовершенствованию;

– готовность к проявлению массового ликования или массовой ненависти.

Государство, стремясь стабилизировать общество путем сохранения контроля над ним, определяет соответствующие определенному этапу социального развития цели. Кроме фундаментальных – социализация личности и трансляция ей минимума необходимых в обществе знаний, умений и навыков – семья, школа, государственные структуры готовили богобоязненных, покорных властям подданных. Поскольку бунтари и богоборцы в большинстве своем не могли обеспечить себе достаточного уровня материального благополучия, то по экономическим показателям средним классом становились более социализованные и более состоятельные в имущественном аспекте граждане. При этом законопослушность представителей среднего класса вовсе не означает их конформности и сервилизма.

Средний класс в России в силу его образованности, высокого уровня культуры и становился генератором прогрессивных идей государственно-общественного реформирования, которые затем подхватывали пассионарии – революционеры, слыша звон, да не зная где он. При этом пассионарии по достижении разумных общественных целей неразумными средствами чаще всего переходили по взглядам на общественный прогресс и методы его поддержания на позиции среднего класса, подводя под них собственную идеологическую основу. Общественная практика советского государства, однако, свидетельствует, что сохранение национальной культуры бессмысленно, непродуктивно рассматривать как элемент политической идеологии. Только взращивание в российском обществе российского среднего класса может решить проблемы и сохранения, и развития национальной культуры, а также связанные с ними идеологические основы государственности.

Западная обществоведческая традиция во главу угла при определении сущности среднего класса ставит уровень доходов. Некий усредненный уровень доходов, следуя логике западноевропейской традиции, является основным обоснованием социальной функции среднего класса. При этом сразу же поясняется, что благодаря наличию среднего класса государство обеспечивает свою стабильность, а общество обретает ресурс в развитии позитивной динамики. «Демократическое государство обречено на вечное колебание между опасностью сильной, но деспотической власти и опасностью совсем не деспотического бессилия»[1].

Очевидно, что в России роль среднего класса определяется вовсе не уровнем дохода и даже не источником этих доходов, что особенно важно с учетом отечественных традиций, а особым отношением к обществу и государству как воплощению Родины, памяти предков, будущего детей. По сути, средний класс в любом обществе, даже при слабой, ущербной государственной власти, является срединным, становым хребтом этносоциальной самоидентификации. В условиях злонамеренного использования факторов глобализации формирование среднего, «срединного, коренного» класса имеет для государства и общества жизненно важное значение. Для представителей среднего класса как нельзя лучше подходит характеристика Гастона Башляра «рационалистический тонус», главным содержанием которого является понимание того, что «рационально мы организуем лишь то, что реорганизуем»[2]. Реорганизация же означает не сокрушение, а созидание.

В России же в который раз была прервана культурная традиция, мировоззренческая преемственность между поколениями. Молодежь, испытывая эмоционально-семейную депривацию, становится стратой нового люмпена, отличающегося от люмпена прежних веков только тем, что желает не хлеба и зрелищ, а бигмаков и шоу. Советское руководство пыталось создать симбиоз коммунистической идеологии с общечеловеческой культурой, осознавая роль культуры в социальном прогрессе. Это способствовало формированию в недрах автократии специфически российского среднего класса, который, тем не

менее, был в силах трансформировать автократическое государство в демократическое.

Для облегчения аналитических задач представляется целесообразным рассмотреть культурную динамику на примере религии как элемента культуры. Еще в перестроечные времена были реабилитированы религия и Церковь. Политическое руководство страны рассчитывало, что религия сможет компенсировать фрагментарность, практическое отсутствие социокультурной традиции в советском обществе. В обществе российском культивация религии и материальная помощь религиозным организациям не ослабевает, в надежде, вероятно, на то, что они будут оказывать содействие властям в образумливании российских граждан, в удержании их от бунта против бюрократии. В настоящее время веруют в Бога и соблюдают обряды 11% населения Саратовской области (данные Социологического центра «Росс–21»). Эти люди действительно стараются руководствоваться религиозными нормами-заповедями и выстраивают свою линию поведения в соответствии с моделями религиозной нравственности. Среди молодежи восемнадцати-тридцати лет верующих 7%, из которых две трети – женщины. Таким образом, среди самой проблемной с точки зрения социальной управляемости группы – юношей, молодых мужчин – верующих всего два–три человека на сотню. Это, конечно же, не значит, что все верующие на, так сказать, рутинно-бытовом уровне, не соблюдающие обрядов, не знающие догматов Церкви, являются людьми безнравственными и социально опасными. Ресурс религиозно-социального регулирования в их отношении, однако, весьма ограничен.

Две трети населения, признавшие, что веруют в Бога, но обрядов не соблюдают, отличаются от воцерковленных людей тем, что религия для них не основа системы личностных ценностей, не руководство на все случаи жизни, а своего рода оправдание собственных поступков. Для большей части российского и сообществ множества других государств религия выступает в качестве своеобразного катализатора социальных процессов. Российское общество сейчас представляет собой совокупность слегка верующих, слегка социализировавшихся людей. Религия может служить оправданием как жуткого террора, геноцида, так и некоего гипергуманизма со всеми переливами спектра в этом диапазоне. Религиозный фундаментализм, фанатизм, социальное равнодушие, духовная слепота и пресловутая политкорректность, в сущности, проявления одного и того же феномена – каталитического воздействия религии, религиозного мировоззрения на общества отчасти верующих людей. Таким образом, поддержка определенных религиозных организаций и движений является выражением потребности органов государственного и муниципального управления и интересов гражданского общества в расширении спектра ресурсов социального управления и необходимостью научной рефлексии процессов религиозного ренессанса в современном российском обществе, анализа критериев эффективности направления социальных изменений. Социальная политика ведущих, наиболее развитых в экономическом и политическом аспектах государств неожиданно привела мировое сообщество в состояние духовного, этического организационно-управленческого кризиса. Идеология мультикультурализма, социальная практика самодовлеющей толерантности и так называемой политкорректности создали для человечества не меньше проблем, чем в свое время национализм, политический тоталитаризм и религиозная нетерпимость.

Резкая смена общественно-политического режима в России в начале 1990-х привела к активизации масштабных и глубоких трансформационных процессов на всем постсоветском пространстве, наиболее значительным следствием которых стало прекращение попыток создания жесткой и вместе с тем эффективной централизованной системы общественного регулирования. Самые различные социально-политические факторы способствовали изменению вектора развития современного российского общества на построение общественных отношений, основанных на принципах демократии и гражданского общества. Результатом общественно-политических трансформаций становится формирование качественно иной социальной структуры, представляющей собой неоднородное социальное пространство, состоящее из множества социальных групп, имеющих специфические интересы и потребности. В условиях децентрализации и единой идеологической базы, способной обосновать и определить логику функционирования и взаимодействия социальных субъектов, актуализируется потребность формирования в обществе системы саморегулирования и самоуправления. Эта легитимная и органичная по своему происхождению система нужна для предотвращения резких, пагубных для общества и трагичных для людей энтерогенных социальных потрясений. Ее элементы должны быть способны осознавать существование проблемной ситуации, находить и обсуждать, мобилизовывать необходимые ресурсы внутренней и внешней социальной среды для решения как узкогрупповых, так и общезначимых задач. Динамика оценки собственного благосостояния приведена в табл. 1.

На общецивилизационном уровне, однако, уже давно ясно, что в своем развитии и обновлении Россия с поразительной точностью повторяет все блуждания, рысканья по курсу, которые сопровождали развитие ныне передовых стран и сообществ в более или менее отдаленном прошлом. «Дикий капитализм», с его полным пренебрежением правами и свободами людей, циркуляция в поведении большинства граждан

Таблица 1

Оценка материального положения и уровня благосостояния

Самооценка благосостояния населением области	Годы	
	2005	2012
Выше среднего	3,4	4,8
Среднее	47,0	51,0
Бедность	42,0	40,0
Ниже «черты бедности»	7,5	4,1

мерзкой сервильности, сменяемой безудержным стремлением громить всё и вся, и прочие огорчительные «болезни роста» социально ориентированного правового государства – все это переживается Россией вновь и вновь, как будто и не было многовековой мировой истории. Несмотря на это, а отчасти, может быть, и благодаря этому, Россия, вероятно, смогла преодолеть кризис духовности, характерный для многих западных обществ, и опередила их в духовном развитии на диалектическом витке социальной эволюции.

Система социального управления и самоуправления, с одной стороны, репрезентирует сложившийся комплекс институтов и отношений между ними в масштабе российского общества, отражая доминирующие ценности и потребности. С другой стороны, она закладывает долгосрочные тенденции развития ситуации в силу осуществляемых функций воспроизводства социальной структуры посредством трансляции системы знаний и убеждений будущим членам общества. Таким образом, влияние культурных (в широком понимании), духовных начал на состояние самоуправления в обществе выступает индикатором, который позволяет зафиксировать настоящее и прогнозировать перспективное состояние гражданского общества в российском социокультурном контексте.

Сложность проблем социального самоуправления и саморегулирования, неопределенность действенности духовно-религиозных факторов на общество обусловливают необходимость социологического анализа принципов и факторов организации и функционирования самоуправляющегося гражданского общества в современном российском контексте сквозь призму становления и развития религии как исконного, традиционного и обновляющегося, прогрессивного социального института.

Становление гражданского общества в России сопровождается существенными изменениями в отношениях между основными социальными субъектами, формируются новые формы социальных отношений.

В условиях транзитивного общества существенно повышаются роль социального капитала, функционирование различного рода сетей поддержки, неформальных каналов коммуникации, призванных компенсировать неэффективность официальных институтов.

Чаще всего в общественно значимой полемике внимание акцентируется на таких понятиях, как патриотизм, общечеловеческие ценности, гуманизм, социальный прогресс и благополучие. Стоит, однако, обратить внимание на то, что вся система опорных смыслов, мировоззренческих позиций и оценок динамики бытия сформировалась так или иначе в процессах религиозного познания человеком себя и мира. В. И. Вернадский, Р. Штайнер, П. Флоренский с разных позиций, с различными целями, но, в сущности, единодушно признавали существование в жизни человечества некоего интегрирующего, духовно объединяющего начала. Проявляется, актуализируется это духовное начало, в частности, в умонастроениях граждан, в детерминации ими своего будущего. Социологическая статистика способна индицировать такой важный в формировании духовности показатель, как уровень позитивного восприятия экзистенциального будущего. Об этом показателе позволяют судить данные исследований, приведенные в табл. 2.

Возможности возникновения и развития институтов самоуправления в значительной степени зависят от социально-исторического контекста, в котором они функционируют, социального опыта сообщества, его духовно-нравственного состояния. Взаимоотношения, возникающие между сообществами и их социальным окружением в лице государства, экономического

Таблица 2

Уровень социального оптимизма

Ответы респондентов на вопрос «Вы с оптимизмом смотрите на решение своих проблем в будущем?»	Годы	
	2005	2012
Да	41	44
Нет	23	21
Затрудняюсь ответить	36	35

сектора и общественности, в той или иной, но всегда доминирующей степени репродуцируют традицию функционирования социальных связей в конкретном сообществе. Традиционные модели и стереотипы социального взаимодействия и социальных связей могут как стимулировать социальные изменения, так и препятствовать им, быть своего рода стабилизирующим элементом общественного сознания. Успешность, эффективность этой мимикрии определяется не духовным потенциалом индивида, а интенсивностью его вожделений. Искусство самоуправления и поддержания саморегуляции состоит, собственно, в учете духовной традиции сообщества и в умелом государственном подходе к работе с формальными структурам и активистами религиозно-административных структур. В России, стране многонациональной и многоконфессиональной, государству важно наладить партнерские взаимоотношения между самоуправляемым сообществом и его социальным окружением, что в значительной степени повышает эффективность деятельности социальных субъектов за счет существования баланса автономности, независимости, ответственности и объединения усилий.

Процессы формирования институтов гражданского общества способствуют повышению гражданской активности большинства людей, составляющих данное сообщество. При этом представители тех или иных общественных организаций, движений проявляют в своей социально активности ряд характерных черт:

– искреннюю убежденность в свое правоте;

– стремление к привлечению новых сторонников под свои знамена;

– выдвижение из своей среды харизматизированных лидеров разного масштаба.

Таким образом, новые общественные организации, движения, весьма далекие от сферы духовности и нравственных ценностей, повторяют социальную траекторию динамики разного рода религиозных конфессий, деноминаций и сект. Ассоциации автомобилистов, любителей рыбной ловли, исследователей аномальных явлений и пр. в своем возникновении и динамике повторяют все черты самого первого в цивилизации элемента гражданского общества – религиозной общины, обеспечивающей взаимодействии человека с окружающим миром. Соответственно, и все структурные, поведенческие параметры при детальном управленческом моделировании данного сообщества можно признать аналогичными в аспекте разработки путей и механизмов решения социальных проблем. В настоящее время многими учеными, общественными и государственными деятелями разделяется мнение о неэффективности существующих коммуникационных каналов, недостаточной согласованности интересов между обществом, бизнесом и властью, что находит свое воплощение в отношениях недоверия, безразличия, протеста, социальной пассивности или в девиантном поведении в социальной среде основных социальных элементов общества. В этой ситуации практика даже немногочисленных религиозных или светских, но религиозно ориентированных социальных групп служит позитивным примером для всего сообщества.

Анализ научного дискурса по методологии повышения эффективности социального управления, установления в обществе принципов и традиций самоуправления и саморегуляции свидетельствует о целом ряде проблем и противоречий. Они связаны с доступностью каналов социальной коммуникации и их качеством, снижением, диффузией ответственности, превалированием виртуальной активности над реальной, усилением подконтрольности коммуникационных процессов. Перспективным направлением оптимизации коммуникаций внутри весьма разнородного, многообразного российского сообщества могут выступить различного рода общенациональные дискуссии, диспуты, дающие возможность социальным субъектам поднимать, обсуждать различные социально значимые проблемы и мобилизовывать для их решения необходимые ресурсы. Доминирующим направлением общественной активности должна стать не столь популярная сейчас борьба с властью, а утверждение в обществе начал самоуправления и саморегуляции.

Социальные группы и общности для эффективного решения своих задач в большинстве своем стремятся формировать и использовать такие каналы коммуникации, которые бы позволили увеличить масштаб охвата аудитории и представить проблемную ситуацию на уровнях, значимых с точки зрения принятия решений. Следует отметить низкий уровень активности населения в вопросах формулирования и обсуждения своих первичных целей, интересов и потребностей в рамках нынешних коммуникационных пространств, что в значительной степени обусловлено сдерживающим влиянием современных социальных институтов, которое среди прочего проявляется в действующей информационной политике, создаваемых нормативно-правовых условиях, готовности административных органов взаимодействовать с самоуправляемыми сообществами.

Анализ состояния потенциала самоуправляющей деятельности и навыков саморегулирования в подавляющем большинстве социальных слоев, групп, взятого в почти двадцатилетней динамике, осуществленный в авторском исследовании, показал наличие как позитивных, так и негативных процессов. Традиционные агенты поддержки самоуправления в лице отдельных структур государства, профсоюзных организаций и общественности недостаточно эффективны. На протяжении двадцати лет ситуация практически не меняется. Более того, можно говорить об определенном снижении возможно-

стей и практик самоуправления в сравнении с советским периодом развития нашей страны. Основная нагрузка в решении жизненных вопросов ложится на самого гражданина и его ближайшее окружение. В качестве положительной тенденции следует отметить существенный сдвиг с поиска «виновных» вовне к поиску «внутри себя», что свидетельствует о росте гражданского самосознания, ответственности и инициативности в решении своих проблем. Степень общественно-политической активности слабо меняется со временем, основной мотивацией участия более чем в половине случаев выступает достижение личных целей (престиж, самореализация, материальный достаток и пр.) и только незначительная часть, около 2%, говорит об участии в общественной деятельности. Таким образом, динамические процессы в российском сообществе позволяют сделать вывод о неоднородном, неламинарном изменении, когда по одним аспектам ситуация претерпевает существенные изменения, по другим остается неизменной

Российское общество аккумулировало необходимый потенциал для самоорганизующей деятельности в виде наличия общих проблем, признания неэффективности традиционных поддерживающих структур, принятия ответственности, осознания ценности и необходимости объединения и взаимопомощи, а также кооперации усилий между социальными субъектами. Вместе с тем сформированный потенциал пока не воплощается в практиках самоорганизации и самоуправления, в том числе под сдерживающим влиянием внешних структур, не позволяя массе населения и гражданскому обществу стать инициативным и эффективным участником гражданских отношений. В этих условия обращение к традиционным ценностям и моделям социального взаимодействия играет важнейшую роль в реализации самоуправленческого потенциала.

Современная ситуация в сфере социального управления осложняется победным шествием информационных технологий. Не ухудшается, не улучшается, а именно осложняется. Практически полная интернетизация страны, без пропагандистского бреда, без стахановцев и ударных вахт, окончательно и бесповоротно изменила Россию, как и весь мир. Население страны стало получать гораздо больше информации, в том числе и затрудняющей процессы социального управления. Кроме того, значительная часть населения стала гораздо более манипулируемой. Средствами Интернета можно легко провоцировать массовое недовольство, акции неповиновения властям, гораздо более эффективно, чем в прежние времена эти задачи решались распространением слухов, подметными письмами и листовками. Поскольку интернет-коммуникации наиболее популярны среди молодежи, а молодые люди по природе своей более внушаемы, чем зрелые, Российская Федерация пребывает сейчас в состоянии практической беспомощности перед всеми, кому выгодна дестабилизация обстановки в стране. Сбережение, т. е. разумное использование и возобновление ресурсов российского среднего, срединного, станового класса в современных условиях становится краеугольной проблемой национальной безопасности страны.

Примечания

1 *Карсавин Л. П.* Основы политики // Мир России – Евразия. Антология. М., 1995. С.139

2 *Башляр Г.* Новый рационализм. М., 1987. С. 98.

УДК 316.752

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВЬЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОЖАНИНА

С. В. Ситникова

Саратовский государственный университет
E-mail: skareva@yandex.ru

В статье представлены результаты теоретико-прикладного исследования ценностных аспектов здоровья на примере г. Саратова. Доказано наличие диссонанса в поле сознания и повседневных практик горожан. Это выступает свидетельством того, что здоровье как ценность в массовом сознании отражена лишь как идеальная конструкция декларируемых принципов.

Ключевые слова: здоровье как ценность, здоровый образ жизни.

Axiological Aspects of the Health of a Modern City Dweller

S. V. Sitnikova

The article presents the results of theoretical and applied research axiological aspects of health for example, Saratov. Proved the existence of dissonance in the field of consciousness and everyday practices of citizens. This is evidence that health as a value in the mass consciousness reflected just how perfect the design of the declared principles.

Key words: health as a value, a healthy lifestyle.

© Ситникова С. В., 2014

Актуальность данной проблематики обоснована не только повышенным вниманием к здоровью нации представителей власти, что, в частности, отражено в посланиях Президентов РФ к Федеральному собранию РФ, но и осознанием большей частью российского населения высокой значимости ценности здоровья. Об этом свидетельствуют различные исследования как федерального, так и регионального значения. К их числу можно отнести и авторское, результаты которого и будут описаны в данной статье.

Говоря об истории обращения к вопросам здоровья в социологическом контексте, можно констатировать ее скупость. Так, социология здоровья как отрасль социологического знания зарождается лишь 60-е гг. XX в. в зарубежной и в 80-е гг. – в отечественной социологии. До этого исследования здоровья населения реализовывались в рамках медицины, демографии[1]. В рамках медико-социальных исследований общественное здоровье характеризуется как здоровье популяции, общества в целом; определяется как наука и искусство профилактики заболеваний, продления жизни и укрепления здоровья через организованные усилия и осознанный выбор общества, организаций, государственное и частное, общинное и индивидуальное. П. И. Калью, анализируя большое количество определений здоровья, сводит их к четырем содержательным концепциям[2]:

1) медицинская модель – для определений, содержащих медицинские признаки и характеристики; здоровье как отсутствие болезней и их симптомов;

2) биомедицинская модель – отсутствие субъективных ощущений нездоровья и органических нарушений;

3) биосоциальная модель – включаются рассматриваемые в единстве медицинские и социальные признаки, при этом приоритет отдается социальным признакам;

4) ценностно-социальная модель – здоровье как ценность человека.

Наше эмпирическое исследование реализовано в синтезе биомедицинской и ценностно-социальной моделей. Эмпирическая измерительная модель состояла из ряда индикаторов как субъективного характера, таких как, например: субъективная оценка состояния своего здоровья, степень влияния здоровья на качество жизни, так и объективно-социального: отношение к здоровому образу жизни, особенности зравоохранительного поведения, место здоровья в системе ценностей, обращение к медиации в сфере медицины.

Здоровье, понимаемое как биопсихосоциальное благополучие, представляет собой условие для активной трудовой деятельности, социальных и психологических взаимосвязей с другими людьми. Достигнутый уровень психологических и социальных взаимосвязей с микро- и макросредой является тем фактором, который не только стимулирует, но и тормозит, препятствует активной деятельности человека по улучшению качества своего здоровья. Человек, решая отказаться от вредных привычек, вести здоровый образ жизни, обращаться в медицинские учреждения с целью профилактики заболеваний, задается вопросом о конечной цели этих действий. Он решает для себя вопрос «зачем мне это нужно?». Отвечая на него, человек определяет, какие потребности и в какой степени будут в этом случае удовлетворены, какова будет степень полученного при этом удовольствия и уровень достигнутого благополучия. Система жизненных ценностей личности является при этом решающим фактором[3].

Результаты авторского исследования свидетельствуют о высокой рейтинговой позиции здоровья в списке значимых ценностей[4] окололичностного пространства. При этом индивидуальные субъективные позиции не расходятся с общественно декларируемыми. Однако наша модель анализа предполагала выявление когнитивных аспектов, т. е. содержания в понимании значимости каждой конкретной ценностной позиции, через призму ориентаций и реальных действий – стратегий человека. В этом контексте выявлено достаточно много противоречий:

1) здоровье ценно и значимо, но к мерам для его поддержания, сохранения и улучшения большинство россиян обращаются в случаях безысходности;

2) здоровый образ жизни – это хорошо, но ведут его немногие;

3) психологическое здоровье – это неотъемлемый показатель общего здоровья человека, но об этом мало кто задумывается и беспокоится;

4) многие сталкиваются с некачественными медицинскими услугами и проблемами в функционировании системы медицинского обслуживания, но прилагать усилия по отстаиванию своих интересов мало кто решается.

Обратимся к доказательствам существования данных противоречий.

По результатам авторских опросов 2006 и 2010 гг., около 88% опрошенных здоровье выбрали как значимую жизненную ценность, вошедшую в рейтинге в пятерку общезначимых. Однако похвастаться отличным здоровьем по субъективным ощущениям могут немногие. И по данным опросов 2010 г.[5] и 2013 г.[6], лишь 8% опрошенных саратовцев оценили собственное здоровье как отличное, практически никогда не болеют и не имеют хронических заболеваний. Почти 40% респондентов свое здоровье оценили как удовлетворительное, при этом имеют хронические заболевания; чуть меньше (38,5%) – как хорошее, болеют очень редко. На плохое и очень плохое здоровье сослались чуть больше 13% опрошенных (табл. 1). Таким образом, чуть больше 45% саратовцев не имеют явных проблем со здоровьем. В контексте высокой значимости ценности здоровья этот показатель невысок.

Таблица 1

Субъективная оценка состояния здоровья (по результатам опроса 2010 г.)

Оценка состояния здоровья	Частота	Процент
Отличное, практически никогда не болею	32	8,0
Хорошее, не имею хронических заболеваний, болею очень редко	154	38,4
Удовлетворительное, бывает, болею, есть хронические заболевания	159	39,8
Плохое, часто болею, имею хронические заболевания, требующие постоянного лечения	52	13,0
Очень плохое, постоянно болею, имею множество хронических заболеваний	3	0,8
Итого	400	100,0

Корреляционный анализ выявил прямую зависимость состояния здоровья от ряда социально-демографических показателей – возраста, пола, уровня материального благосостояния семьи. Так, чем старше респондент, тем ниже его оценка здоровья (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость оценки состояния здоровья от возраста, % по возрастной группе

Оценка состояния здоровья		Возраст			Итого
		14–29	30–55	56 и старше	
Отличное, практически никогда не болею	Частота	19	12	1	32
	%	14,5	7,5	0,9	8,0
Хорошее, болею, но редко	Частота	69	69	16	154
	%	52,7	43,1	14,7	38,5
Удовлетворительное, болею ни часто, ни редко	Частота	36	65	58	159
	%	27,5	40,6	53,2	39,7
Плохое, болею часто, имею хронические заболевания	Частота	7	14	31	52
	%	5,3	8,8	28,4	13,0
Очень плохое, постоянно болею, имею множество хронических заболевания	Частота	0	0	3	3
	%	0	0	2,8	0,8
Итого		100	100	100	100

Примечание. Тау-си Кендалла = 0,37 при нулевой значимости.

Оценка состояния здоровья мужчинами значительно выше, чем женщинами. Отличным считают свое здоровье мужчины в 2,5 раза больше, чем женщины, плохим – в 3,5 раза меньше, чем женщины. Однако мы не решимся утверждать этот факт как объективно существующий в рамках медицинского подхода. Вероятнее всего, оценки состояния здоровья женщинами имеют более высокий уровень критичности, что имеет сугубо социально-психологический характер (табл. 3).

Дальнейший корреляционный анализ выявил зависимость: чем выше уровень материального благосостояния респондента, тем выше его субъективная оценка состояния здоровья. Более 70% опрошенных с высоким уровнем благосостояния оценили свое здоровье как хорошее, с материальным положением выше среднего и средним таких чуть больше 40%, среди низкодоходных групп хорошим свое здоровье определяли от 20 до 30% респондентов. Вероятно, на сегодняшний день качественные медицинские услуги и препараты по профилактике и лечению заболеваний доступны лишь высокодоходным группам населения (табл. 4).

Наша исследовательская модель предполагала когнитивный аспект в изучении ценности здоровья. В качестве измерительного инструмента выступал вопрос о реальных действиях по улучшению состояния здоровья. Так, 23% опрошенных саратовцев вообще ничего не предпринимают. Основными аргументами являются: нехватка времени, слабая сила воли, лень и отсутствие необходимых условий. В числе рейтинговых мер оказались: принятие витаминов, контроль питания, занятия спортом или физической культурой. Однако даже по этим позициям процент упоминаний невысок (табл. 5).

К числу предпринимаемых мер по улучшению состояния своего здоровья 32% опрошенных отнесли контроль за питанием, однако, как показала статистика распределения ответов на контрольный вопрос «Соблюдаете ли Вы правила здорового питания?», чуть больше 3% действительно это делают всегда, 11% признались, что этого не делают вообще никогда, остальные – пытаются или стараются с разной степенью результативности. У большинства (50%) это не всегда получается. В ходе анализа выявлены

Таблица 3

Зависимость оценки состояния здоровья от половой принадлежности, % по гендерной принадлежности

Оценка здоровья		Пол		Итого
		Мужчины	Женщины	
Отличное	Частота	22	10	32
	%	12,0	4,6	8,0
Хорошее, болею, но редко	Частота	87	67	154
	%	47,3	31,1	38,4
Удовлетворительное, болею ни часто, ни редко	Частота	65	94	159
	%	35,3	43,5	39,8
Плохое, болею часто, имею хронические заболевания	Частота	10	42	52
	%	5,4	19,4	13,0
Очень плохое, постоянно болею, имею множество хронических заболеваний	Частота	0	3	3
	%	0	1,4	0,8
Итого	Частота	184	216	400
	%	100,0	100,0	100,0

Примечание. Значение коэффициента Гамма = 0,44 при нулевой значимости, показатели расчета Хи – квадрат Пирсона также показывают нулевую значимость (вероятность ошибки прогнозирования), что доказывает наличие статистической связи между переменными.

Таблица 4

Зависимость оценки состояния здоровья от уровня материального благосостояния респондента, %

Оценка уровня жизни	Оценка состояния здоровья					
	Отличное	Хорошее	Удовлетворительное	Плохое	Очень плохое	Итого
Едва сводим концы с концами	20,0	25,0	35,0	20,0	0	100,0
Денег хватает только на еду	0	20,6	55,9	17,6	5,9	100,0
Денег хватает только на еду и одежду	9,2	33,0	35,8	21,1	0,9	100,0
Можем позволить себе необходимую бытовую технику	5,5	42,3	43,2	9,0	0	100,0
Не вызывают особого затруднения крупные дорогостоящие покупки	27,8	44,4	27,8	0	0	100,0
Можем позволить себе все	11,1	72,2	11,1	5,6	0	100,0

Примечание. Наличие статистической зависимости подтверждает значение коэффициента Гамма, равное 0,27 при нулевой значимости.

Таблица 5

Меры по улучшению здоровья, % по числу упоминаний

Варианты ответа	Частота	%
Никакие	92	23,0
Делаю зарядку утром	71	17,8
Слежу за своим питанием	129	32,3
Занимаюсь спортом, физической культурой	107	26,8
Закаливаюсь	30	7,5
Принимаю витамины	177	44,3
Принимаю лекарства	13	3,3
Занимаюсь плаваньем	3	0,8
Катаюсь на лыжах	8	2,0
Хожу в баню, сауну	1	0,3
Гуляю на свежем воздухе	3	0,8
Раз в год хожу на обследование	5	1,3
Стараюсь высыпаться	1	0,3
Соблюдаю посты	1	0,3
Всего понемногу	2	0,5
Итого	643	161,3*

Примечание. * Сумма ответов не сводима к 100%, так как респондент мог предложить несколько вариантов ответа.

гендерные и возрастные особенности в контроле питания. Женщин, в той или иной мере следящих за своим питанием, в 2 раза больше, чем мужчин. Объяснить это можно большей критичностью женщин в отношении не только своего здоровья, но и внешнего вида, чем обусловлен выбор диет. Чем старше респондент, тем выше показатель контроля за питанием: более 40% в возрасте старше 56 лет и 25% по молодежной группе 14–29. Однако, на наш взгляд, возрастные особенности логично объяснимы чаще необходимостью по состоянию здоровья, нежели собственной инициативой профилактики.

Около 40% опрошенных указали на такую меру, как занятия спортом или физической культурой. При этом анализ частоты подобных мероприятий показал достаточно низкий уровень вовлеченности в спортивные занятия. Так, ежедневно физической культурой занимаются 7% саратовцев, 3 и более раз в неделю – 12%, 1–2 раза в неделю – чуть больше 20% опрошенных, 2–3 раза в месяц – 7%. Также выявлены возрастные особенности: чем старше саратовец, тем реже он занимается физической культурой или спортом. Среди младшего поколения занимающихся спортом в 2 раза больше (63%), чем среди старшего (30%). Это вполне объясняет мода на активный образ жизни в молодежной среде (однако чаще выполняющий коммуникативную функцию, нежели оздоровительную).

Кроме того, была выявлена зависимость характера предпринимаемых мер по улучшению здоровья от субъективной оценки его состояния. Чем выше оценка своего здоровья, тем чаще выбор активных форм профилактики, таких как занятия спортом и физической культурой, закаливание. Чем ниже оценка своего здоровья, тем выше склонность к пассивным формам: принятие лекарств, витаминов, контроль питания, проведение медицинской диагностики. Однако нельзя не учесть в данной связи возрастной фактор, описанный чуть выше. Таким образом, чем старше возраст, тем ниже оценка состояния здоровья и тем чаще выбор пассивных мер улучшения состояния здоровья.

На наш взгляд, это свидетельство необходимости корректировки не только государственной программы оздоровления нации, но и механизмов ее реализации. К числу положительных мер можно отнести пропаганду активного образа жизни среди старшего поколения, создание для них оздоровительных программ и групп на базе действующих спорткомплексов, бюджетных или доступных по цене, проведение спортивных мероприятий (как федерального, так и регионального значения) с привлечением представителей разных возрастных категорий.

Анализ реальных действий по сохранению и улучшению состояния своего здоровья не свидетельствует о высокой значимости здоровья для современного саратовца. Подтверждением этой гипотезы выступает и тот факт, что для большинства опрошенных (50%) поводом задуматься о своем здоровье является реальное ухудшение самочувствия, чуть менее значимо желание быть физически сильным и здоровым, для 20% это чаще результат воздействия внешней среды (требования родных, окружающих людей, врачей). При этом с целью профилактики заболеваний в медицинские учреждения не обращаются около 70% опрошенных. Культура заботы о собственном здоровье в современной России практически отсутствует. Это нам кажется достаточно противоречивым фактом в контексте аксиологического подхода.

Доказательства существования второго противоречия (из числа обозначенных в начале статьи) также вполне убедительны. Респонденты очень хорошо понимают, что такое здоровый образ жизни, достаточно полно раскрывая его содержание и определяя высокую практическую значимость его соблюдения. При этом полевые замеры показателей ЗОЖ свидетельствуют о несоответствии декларируемой модели поведения реальной. Одним из факторов, оказывающих негативное влияние на здоровье, по мнению опрошенных саратовцев, являются вредные привычки, такие как курение, употребление алкоголя, наркотических веществ. С этим согласились более 75% респондентов. При этом около трети всех опрошенных курят, 72% употребляют алкоголь, 2% респондентов указали на то, что употребляют наркотические вещества. Среди курильщиков мужчин в 5 раз больше, чем женщин. Самый большой процент курящих (36%) – среди представителей среднего поколения. Это на 6% больше, чем по группе молодежи и на 20% больше, чем по группе старшего поколения. Среди употребляющих алкоголь ни гендерных, ни возрастных различий не обнаружено.

Показатель употребления наркотических веществ, по результату опроса, составил 2%. Поскольку выборка нашего исследования отвечает всем требованиям точного расчета, т. е. репрезентативна, прогноз, исходя из учета статистики населения г. Саратова, неутешителен. Численность населения г. Саратова на 1 января 2014 г.[7] составила 840,8 тыс. человек, 2% – это почти 17 тыс. По данным исследований[8] выявлено, что три четверти наркоманов – это молодые люди. Ситуация в Саратовской области обостряется, число наркоманов возрастает. За последние десять лет наркозависимых стало больше в 14,8 раза. Данные, представленные заместителем начальника Управления ФСКН России по Саратовской области полковником полиции Э. В. Аблязовым в ходе онлайн-конференции[9], также свидетельствуют о негативных фактах. В учетах наркопотребления лица наиболее активного социального и экономического возраста – 18–39 лет – составили 93% от всех наркоманов. Уровень спроса на наркотики по итогам 2012 г.

в Саратовской области составил около 6,5 тыс. потребителей. Коэффициент скрытой части наркомании для Саратовской области предлагает умножить эту цифру на 6. Несложные вычисления позволяют констатировать масштаб наркозависимости по Саратову, превышающий даже табачную зависимость. Наш прогноз с учетом 95% точности прогнозирования оказался усредненным показателем относительно официальной и предполагаемой специалистами скрытой статистики наркопотребления по Саратову.

К числу факторов негативного воздействия на здоровье, помимо вредных привычек, были отнесены малоподвижный образ жизни, неправильное питание. Противостоять данным факторам, как доказано ранее, большинство саратовцев даже не пытаются. Самыми непопулярными факторами воздействия на здоровье, по мнению респондентов, оказались стресс и нервное напряжение. Лишь 2,5% упомянули об этом. При том, что, по данным того же опроса, почти половина респондентов в течение последнего месяца испытывали тревожные состояния, стрессы, резкие смены настроений, треть – страдали от депрессий и бессонницы. Несмотря на это, более 80% ничего не предпринимали для профилактики и устранения подобных психологических состояний. Опять возникает исследовательский вопрос об истинной ценности здоровья в сознании россиян.

В Федеральном законе РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[10] зафиксированы права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья: «Каждый имеет право на охрану здоровья» (п. 1 ст. 18) и «Граждане обязаны заботиться о сохранении своего здоровья» (п. 1 ст. 27). Общество гарантирует своим гражданам право на охрану здоровья, право на получение своевременной и квалифицированной медицинской помощи, но каждый человек пользуется этими правами в соответствии со своим субъективным представлением о здоровье и индивидуальной медицинской культурой.

Доказательную базу выявленного четвертого противоречия составили результаты пилотажного опроса жителей Саратова[11]. Чуть более 60% опрошенных приходилось получать некачественные медицинские услуги. Чаще всего это низкий уровень качества медицинской помощи, необоснованный отказ в помощи, нарушение условий режима лечения, необоснованное требование или взимание платы за лечение. При этом лишь 11% из числа получавших некачественную медицинскую помощь обращались с жалобой в какие-либо контролирующие органы. Четверть респондентов указали на частичное удовлетворение требований по результату разбирательства, остальные разделились на две равных группы – полностью удовлетворенных и абсолютно не удовлетворенных результатом. Последний факт для тех, кто никогда не обращался с жалобами на некачественное медицинское обслуживание, является наиболее распространенным аргументом. Более трети респондентов данной группы не видят смысла в подобных обращениях, поскольку не верят в удовлетворительный результат. Весомым мотивом также оказалось отсутствие времени и необходимых знаний для грамотного подхода к решению проблемы. Таким образом, низкий уровень активности в отстаивании своих прав в сфере охраны здоровья также свидетельствует о явной приоритетности других ценностных стратегий.

Социологическая диагностика реальных поведенческих стратегий доказывает наличие ценностного диссонанса в поле сознания и повседневных практик горожан. Исходя из всего вышеизложенного, можно утверждать, что здоровье как ценность в массовом сознании отражено лишь как идеальная конструкция декларируемых принципов.

Примечания

1 См., например: *Медик В. А., Юрьев В. К.* Общественное здоровье и здравоохранение : учебник. М. : Профессионал, 2009 ; Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб. : Питер, 2003 ; *Изуткин Д. А.* Формирование здорового образа жизни // Советское здравоохранение. 1984. № 11. С. 8–11.

2 См.: *Калью П. И.* Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения : обзорная информация. М. : Медицина 1988.

3 См.: *Жарова М. Н.* Здоровье в системе жизненных ценностей человека // Главврач. № 9. 2012. С. 57–63.

4 См.: *Ситникова С. В.* Ценности современного российского общества как основа процесса социализации молодежи (опыт лонгитюдного исследования). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2011. 272 с.

5 Исследование методом опроса населения г. Саратова «Основные индикаторы здоровья населения г. Саратова» было проведено на базе ЦРСИ СГУ при участии автора. Выборочная совокупность составила 400 человек.

6 Исследование «Качество медицинских услуг по оценкам жителей г. Саратова» было проведено на базе ЦРСИ СГУ при участии автора. Выборочная совокупность составила 135 человек.

7 По данным, размещенным на сайте администрации г. Саратова. (См.: URL: http://www.saratovmer.ru/development/social/ (дата обращения: 01.10.2014)).

8 *Белоус Т. В., Суворов В. В.* Проблема наркомании среди молодежи в Саратовской области // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2013. Т. 2. № 12. URL: http://www.scholar.ru/tag.php?tag_id=13786 (дата обращения: 01.10.2014).

9 См.: URL: http://online.sarinform.ru/question/124920 (дата обращения: 01.10.2014).

10 Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. URL: http://base.garant.ru/12191967/ (дата обращения: 01.10.2014).

11 Исследование «Качество медицинских услуг по оценкам жителей г. Саратова».

УДК 316.023

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

А. А. Скворцова

Пензенский государственный университет
E-mail: Finep63@mail.ru

В статье рассматриваются основные социологические подходы к определению интеллигенции, при этом анализируются достоинства и недостатки каждого из них. Раскрываются критерии отнесения к данной социальной группе, а также выполняемые ею социальные функции. Раскрывается авторский подход к определению интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция, социально-профессиональный подход, культурологический подход, нравственно-этический подход, внутренняя идентификация, внешние ожидания.

Teoretical Approaches to Intellectuals Research as Social Group

A. A. Skvortsova

In article the main sociological approaches to intellectuals definition are considered, merits and demerits of each of them are thus analyzed. The basic concepts, criteria of reference to this social group, and also functions carried out by it reveal. And also the author's view of intellectuals definition as sociological concept is given.

Key words: intellectuals, social and professional approach, culturological approach, moral and ethical approach, internal identification, external expectation.

Сегодня, в эпоху трансформации и перемен, современное общество подвергается различным рискам. Соответственно возрастает роль деятельности, связанной не столько с осмыслением индивидуальных рисков, сколько с необходимостью анализа глобальных рисков. Последние еще недостаточно отражаются в общественном мнении, а нестабильность мира не в полном объеме осознается на индивидуальном уровне, когда невозможно предвидеть все угрозы личной безопасности[1]. В этих условиях особая роль отводится некоторой группе широко и глубоко мыслящих людей, способных вникнуть в суть общественных трансформаций и выбрать наименее рисковые направления социального развития.

Интеллигенция – это совокупность людей, обладающих определенными схожими чертами и отличающихся от основной массы населения. Данное понятие очень сложно, многогранно и неоднозначно, поэтому при его изучении применялись различные подходы.

Можно сказать, что на сегодняшний день наиболее четко сформулированы и распространены социально-профессиональный, культурологический и нравственно-этический подходы к изучению интеллигенции как социальной группы.

С точки зрения социально-профессионального подхода интеллигенция – это передовая и мыслящая часть общества, т. е. люди, профессионально занимающиеся умственным трудом. Для таких людей характерны высокий уровень образования, хорошие интеллектуальные данные, осведомленность и информированность, творческая деятельность в сфере науки, образования и материального производства[2].

Ключевым критерием в этом подходе выступает образование как широкая категория, раскрывающая не только уровень профессиональной подготовки специалиста, но и его эрудированность, способность критически мыслить, его приверженность общечеловеческим и профессиональным ценностям. При этом стоит отметить, что если на Западе интеллигенция (в данном понимании) конституциировалась на основе принадлежности к особым видам профессий (врач, преподаватель, юрист и т. д.), то в России она формировалась из «разночинцев», находящихся между полюсными социальными классами[3].

Существенное упущение данного подхода заключается в том, что понятие «интеллигент» приравнивается к понятию «интеллектуал». Причисление же к интеллигенции всех представителей умственного труда противоречит критерию образованности, так как сегодня умственным трудом невысокой квалификации можно заниматься, не имея никакого образования[4].

О. В. Шиняева считает, что принадлежность к профессии интеллектуального труда является атрибутивным признаком, позволяющим выделить интеллигенцию в определенную социальную группу[5].

Культурологический подход относит к интеллигенции людей, которые принимают участие в создании, сохранения и распространении культурных ценностей, независимо от их положения в социальной структуре общества. При этом подходе основополагающими выступают культуротворческая, коммуникационная и просветительская функции таких людей, миссия критического осмысления действительности и выработки альтернативных проектов общественного устройства, функция формирования национального самосознания, превращения этноса в нацию.

С позиции культурологического подхода Л. А. Кошелева определила российскую ин-

© Скворцова А. А., 2014

теллигенцию как особую группу, возникающую в рамках определенного типа культуры, выполняющую ряд специфических функций, обладающую специфическим самосознанием (основной чертой которого выступает представление о себе как духовном лидере нации и нравственном судье), занимающую определенное место в социальной структуре общества и определяющую воздействие на ход русской истории[6]. Существенным недостатком данного подхода является то, что в его рамках невозможно однозначно проследить генезис интеллигенции, определить время и предпосылки ее возникновения, а также место интеллигенции в структуре общества и объективные, социологически корректные критерии отнесения к данной группе.

При нравственно-этическом подходе в качестве ключевого критерия для выделения интеллигенции принимается совокупность определенных духовных качеств личности. Интеллигент, согласно данному подходу, обязательно должен чувствовать ответственность перед обществом, стремиться бороться с его недостатками и пороками, быть готовым на многое ради блага народа. Важными признаками подлинного интеллигента являются высокая духовная культура, образованность и широкий кругозор, воспитанность и порядочность, гуманизм и активная гражданская позиция, критическое отношение к действительности. Интеллигентность рассматривается независимо от социально-классового положения как показатель нравственной зрелости личности[7].

Таким образом, с точки зрения нравственно-этического подхода в состав интеллигенции входят хорошо образованные личности с высокой этической культурой, выражающие высокие нравственные идеалы и либеральные взгляды, пропагандирующие принципы справедливости и социального равенства[8].

Логика нравственно-этического подхода достаточно очевидна: беря в расчет только критерии образования и профессиональной деятельности, мы упускаем большой пласт качеств, которыми также должен обладать интеллигентный человек. Интеллигенция – это не просто группа людей, которые отлично окончили вуз и стали хорошими специалистами, интеллигент должен сочетать в себе высокие интеллект и духовно-нравственные качества. Хорошо образованный человек с высоким интеллектом может проявлять крайне аморальные качества, такие как лицемерие, бескультурие и хамство. С таким набором характеристик его вряд ли можно отнести к «лучшим» людям и считать интеллигентным. Также нельзя при определении интеллигенции руководствоваться классовым признаком, что предполагает разграничение по материальному достатку. Учитывая социально-материальную нестабильность в нашей стране, уровень доходов человека нельзя считать показательным фактором его интеллигентности.

Однако при данном подходе серьезная проблема состоит в том, что интеллигенция как бы получает право говорить от имени всего общества,[9] оценивая себя при этом крайне субъективно, что приводит к негативному отношению к ней. Соответственно, некоторые ироничные авторы считают, что интеллигентность – это искусство давать советы по любому поводу[10], считая себя основным и главным субъектом общественно-исторического процесса[11], и склонность к созерцательной болтовне при отсутствии деятельного начала[12].

Таким образом, определение интеллигенции как группы крайне сложно. Интеллигенция в современной социологии определяется через совокупность выполняемых ею функций, которые включают в себя следующие:

– функция критически-рефлексивного отношения к окружающей действительности и выработки предложений по ее улучшению;

– миссия культурного, политического, экономического просвещения общества с целью повышения уровня духовно-нравственной и социально-политической культуры народа;

– функция создания, хранения и распространение ценностной базы общества и формирования национального самосознания[13].

Все существующие походы определяют интеллигенцию как социальную группу, т. е. множество индивидов, ограниченных неформальными либо формальными критериями членства[14]. При таком подходе ключевой критерий отнесения конкретного человека к интеллигенции – его идентификация с этой группой (именно групповая идентичность – важнейшее отличие реальной группы от номинальной).

По нашему мнению, не менее значимо в данном случае объективное внешнее ожидание определенных действий от представителей данной социальной группы, значимость которого отражается в важнейшем социологическом понятии – «социальная роль». Как известно, социальная роль – это совокупность требований (предписаний, пожеланий и ожиданий соответствующего поведения), предъявляемых обществом к лицам, занимающим определенную социальную позицию[15].

Конкретная (будь то малая или большая) группа самостоятельно оценивает значимость отдельного человека для своего функционирования, выражая ему доверие, а стало быть, свои ожидания. Это означает, что социальная роль интеллигента может оказаться востребованной в социальных группах разного масштаба (от организации до государства). Доверие выражается тем людям, которые понимают нужды группы и активно ищут пути удовлетворения групповых потребностей, готовым взять на себя выражение общественных потребностей и реализующим сами эффективное поведение.

Таким образом, при отнесении личности к интеллигенции крайне важны рамки эффектив-

ности деятельности конкретного человека: личность должна брать на себя роль интеллигента только тогда, когда в ней нуждаются, видя границу, за которой кончается ее профессионализм и начинается дилетантство и пустая, никому не нужная демагогия.

Соответственно, эмпирическое исследование широких социальных ожиданий в отношении данной социальной группы может дать социологу не меньше, чем анализ других аспектов ее становления, функционирования и развития.

Примечания

1 См.: *Ивченков С. Г.* Современные риски : проблема типологизации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 51.

2 См.: *Гусарова М. Н.* Формирование научно-технической интеллигенции в Российской Федерации : преемственность исторического опыта и новые тенденции. 1991–2010 годы : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Москва, 2010. С. 40.

3 См.: *Шиняева О. В., Клюева Т. В., Займалин Е. П.* Интеллигенция в российском обществе // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 3(23). С. 111.

4 См.: *Толстых В. Т.* Об интеллигенции и интеллигентности (культурно-личностный аспект) // Вопр. философии. 1982. № 10. С. 85.

5 См.: *Шиняева О. В., Клюева Т. В., Займалин Е. П.* Указ. соч. С. 112.

6 См.: *Кошелева Л. А.* Интеллигенция как феномен русской культуры : дис. … канд. культ. наук. М., 2000. С. 41–46.

7 См.: Интеллигентская «прослойка» или средний класс? URL: http://www.lipetskmedia.ru/blogs/view/419.html?PHPSESSID=aha1qq4c90g33a549se91ebbp3 (дата обращения: 15.10.2014).

8 См.: *Аксененко С. И.* Почему я не люблю интеллигенцию. 02.06.2006. URL: http://samlib.ru/a/aksenenko_s_i/intel.shtml (дата обращения: 11.06.2013).

9 См.: *Ильин А. Н.* Статус интеллектуала и интеллигента в условиях авторитаризма современной политики // Мир и политика. 10.11.11. URL: http://mir-politika.ru/141-status-intellektuala-i-intelligenta-v-usloviyah-avtoritarizma-sovremennoy-politiki.html (дата обращения: 10.08.2013).

10 См.: *Третьяков В.* Власть, общество и интеллигенция. С. 4. URL: http://www.ng.ru/ideas/2037-01-01/6_81.html (дата обращения: 10.08.2013).

11 См.: *Ильин А. Н.* Указ. соч.

12 См.: *Аксененко С. И.* Указ. соч.

13 См.: *Кошелева Л. А.* Указ. соч. С. 82–83.

14 См.: *Джери Д., Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь : Русско-английский, англо-русский : в 2 т. М., 2001. Т. 1 (А–О). С. 147–148.

15 См.: Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М., 1999. С. 452.

УДК 316. 334.2

ФАКТОРЫ И ПРИЧИНЫ СЕЛЬСКОЙ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. Л. Шабанов

Институт аграрных проблем РАН, Саратов
E-mail: vic35@inbox.ru

В статье анализируются факторы сельской бедности, основными из которых автор считает моноотраслевой характер сельской экономики и распространение неформальной сельскохозяйственной занятости. Проводится расчет структуры величины прожиточного минимума для сельского населения и на его основе анализируется динамика сельского уклада жизни. Выявляются группы сельского населения, в наибольшей степени подверженные риску бедности.

Ключевые слова: сельская бедность, аграрная отрасль, неформальная занятость, приусадебное производство, доход, потребление.

Factors and Features of Rural Poverty in the Modern Russia

V. L. Shabanov

The article analyzes the factors of rural poverty, among which, according to the author, the most important are the mono-branch character of the rural economy and the extension of informal agricultural employment. The calculation of the structure of the value of the subsistence level for the rural population performs. On its base the dynamic of the rural life style analyzes. The groups of the rural population, which risk to becoming poor more than others, detect.

Key words: rural poverty, agrarian branch, informal employment, household production, income, consumption.

Бедность может пониматься и как уровень благосостояния, не превышающий определенного порога, и как уклад жизни, характеризуемый ограниченностью доступа к совокупности материальных и духовных благ, имеющихся в данном обществе в данное время[1]. Применительно к сельскому населению исследование бедности весьма актуально, учитывая ее распространение и особенности.

В результате теоретических, эмпирических и прикладных исследований, проводимых с

© Шабанов В. Л., 2014

XIX в., выявляется целостная картина, в которой сельская бедность предстает как отдельное, особенное явление, отличающееся от бедности вообще и от городской бедности в частности. С социально-экономической точки зрения сельская бедность характеризуется устойчивой и воспроизводящейся ограниченностью доступа сельских жителей к современным благам, закрепленной слабой инфраструктурой и более низкими по сравнению с городом доходами.

В 1920-е гг. исследования бедности в России были прерваны. С этого времени вместо термина «бедность», означающего сложное многомерное общественное явление, стал использоваться эвфемизм «малообеспеченность», который представлял собой расчетный статистический показатель, соотнесенный с некоторым установленным уровнем среднедушевых доходов.

Исследования проблем бедности возобновились в конце 1980-х гг. Значительный вклад в изучение современной бедности внесли социологи новосибирской научной школы. Появляются работы теоретического и методического характера; в контексте проблем бедности и возможностей ее преодоления исследуются проблемы занятости, пенсионного обеспечения, оплаты труда и др.[2]

Направленность многих работ связана с различными проявлениями бедности в сельской местности. В частности, появляются исследования, посвященные бедности отдельных групп сельского населения (стариков, молодежи, многодетных и неполных семей), соотношению приусадебного сельскохозяйственного производства и бедности. В развитие данных направлений внесли свой вклад исследователи саратовского Института аграрных проблем РАН[3].

Весьма распространен подход, рассматривающий социально-экономические преобразования 1990-х гг. как важнейшую причину формирования современной сельской бедности. Одна из главных целей реформ в сельской местности состояла в модернизации аграрной отрасли, которая являлась системообразующей для сельской экономики и от состояния которой напрямую зависело благополучие сельских жителей. Однако модернизация неизбежно вела к высвобождению большого числа работников. Сокращение сельскохозяйственной занятости должно было сопровождаться диверсификацией сельской экономики, развитием в селах местной промышленности и сферы услуг, способных аккумулировать труд высвобожденных из аграрной отрасли. Но эта крайне трудная задача не могла быть успешно решена в условиях реформ 1990-х гг. В результате произошло снижение уровня жизни, возросли безработица и бедность.

Кризис традиционных отраслей промышленности в 1990-е гг. затронул и сельскую местность, в которой многие крупные предприятия открывали свои филиалы, мастерские и пр. Большинство из них было закрыто, промышленность ушла из села. Это также способствовало росту сельской безработицы и бедности, увеличению разрыва в уровне жизни между городом и селом.

К основным факторам сельской бедности обычно относят заработную плату, занятость, качество рабочей силы, качество жизни и доходы[4].

Моноотраслевой характер сельской экономики означает, что кризис в системообразующей отрасли сразу приводит к бедности значительное число людей. Уровень зарплат в сельском хозяйстве, и ранее бывший одним из самых низких по экономике, в ходе реформ снизился еще больше. В 1990 г. он составлял 89–105% от среднего по экономике и был выше, чем в торговле и общественном питании, связи, информационно-вычислительном обслуживании, жилищно-коммунальном хозяйстве, здравоохранении, физкультуре и социальном обеспечении, образовании, культуре, искусстве. На 1999 г. пришелся нижний пик относительного снижения – 41,3% от среднего по экономике. Затем до 2005 г. наблюдались колебания в пределах 43%. Последовавший затем рост привел к 2011 г. всего лишь к 53,3% от среднего по экономике, и сельское хозяйство по уровню зарплат продолжает стабильно занимать в номенклатуре видов экономической деятельности последнее место[5].

Также с моноотраслевым характером сельской экономики связана проблема занятости. Реформирование аграрной отрасли вело к массовым увольнениям и не сопровождалось ростом вакансий в отраслях, не связанных с сельским хозяйством. В результате сельский рынок труда стал трудоизбыточным, произошел рост безработицы, явной и скрытой, и неполной занятости.

Еще одним фактором сельской бедности является снижение качества рабочей силы. На фоне роста безработицы квалифицированная рабочая сила не находит себе применения в сельской местности: со второй половины 1990-х гг. наблюдается рост постоянной и временной трудовой миграции из сел в города.

Качество жизни определяется рядом показателей, связанных с доступностью образования, медицинского обслуживания, инфраструктурой и т. п. Исторически качество жизни в сельской местности ниже, чем в городской, но с начала 1990-х гг. и до нашего времени разрыв увеличивается, несмотря на позитивные изменения последних лет. На примере здравоохранения было показано, что восстановительная тенденция в показателях здоровья населения в городе проявляет себя быстрее, чем в селе, из-за чего разрыв в качестве жизни городских и сельских жителей увеличивается[6].

Особенность формирования доходов сельского населения состоит в том, что доля в них заработной платы заметно ниже, чем в городе. Причина этого – в натуральных поступлениях (в основном из личного подсобного хозяйства, ЛПХ) и в неформальных заработках (продажа

продукции ЛПХ, сбор и реализация дикоросов). Динамика натуральных доходов, их удельного веса в общих доходах напрямую связана с динамикой бедности: чем выше роль ЛПХ в жизнедеятельности сельских семей, чем больше распространена сельская бедность.

Сельское население нашло для себя наиболее простой и естественный в условиях сельской местности способ выживания – приусадебное производство в рамках личных подсобных хозяйств ради обеспечения потребления и получения денежных доходов от продажи произведенной продукции. В первой половине 1990-х гг. наблюдался значительный рост приусадебных хозяйств, на которые правительство страны возлагало надежды как на зарождающийся частный сектор сельскохозяйственного производства, способный в соединении с крестьянско-фермерским стать основой нового сельского хозяйства страны. Однако в силу ряда причин, очевидных для исследователей, но не взятых в расчет реформаторами, массового превращения ЛПХ в мелкотоварные хозяйства, перерастания ЛПХ в КФХ не произошло[7]. Для большинства сельских семей ЛПХ стало источником выживания, амортизировало неблагоприятные социальные последствия рыночных реформ. Именно выживание, а не осознанное стремление к самостоятельному хозяйствованию в условиях развивающегося рынка, было основным побудительным мотивом деятельности сельского населения в сфере ЛПХ в первой половине 1990-х гг. Резкий скачок приусадебного сельскохозяйственного производства в те годы является отражением роста безработицы и снижения уровня жизни. На долгое время ЛПХ стало наиболее доступным, характерным только для села, источником дохода, как денежного, так и натурального, позволяющим отчасти компенсировать социальные издержки рыночных преобразований.

Наличие ЛПХ у сельских жителей объясняет «потребительский парадокс» первой половины 1990-х гг., при котором потребление большинства продуктов питания в сельской местности было выше, чем в городской, несмотря на более низкие доходы (табл. 1)[8].

Таблица 1

Среднедушевой доход и потребление основных продуктов питания городским и сельским населением в 1992–1994 гг.

Показатель	Город			Село		
	1992	1993	1994	1992	1993	1994
Среднедушевой годовой денежный доход, тыс. руб.	46,8	463,2	1747,2	22,8	228	937,2
Среднедушевое потребление в год, кг:						
хлебопродуктов	98,4	102,0	93,6	126,0	127,2	112,8
картофеля	93,6	100,8	90,0	151,2	154,8	147,6
овощей и бахчевых	75,6	72,0	67,2	88,8	88,8	75,6
фруктов и ягод	31,2	32,4	25,2	24,0	26,4	22,8
мяса и мясопродуктов	58,8	57,6	58,8	67,2	63,6	57,6
молока и молокопродуктов	280,8	285,6	273,6	372,0	399,6	354,0
яиц, шт.	240	228	204	276	264	216
рыбы и рыбопродуктов	13,2	13,2	10,8	6,0	4,8	6,0

Потребление картофеля и хлебопродуктов в сельской местности традиционно выше, чем в городской: с точки зрения теории, это является отражением более низкого уровня жизни сельского населения. Но, кроме них, в 1992–1994 гг. потребление селянами почти всех остальных видов продовольствия, кроме рыбы, фруктов и ягод, было выше, чем в городе, что объясняется возможностью самообеспечения; в периоды кризисов оно дает сельскому населению известные преимущества перед городским. С середины 1990-х гг. ситуация в потреблении продуктов питания изменилась и стала вписываться в привычную рациональную экономическую логику.

Чтобы выяснить, насколько сельское население может опираться на ЛПХ в обеспечении не только своего физического, но и социального выживания, оценим роль ЛПХ в формировании некоторого минимального жизненного стандарта, в качестве которого возьмем наиболее распространенный – прожиточный минимум. ПМ является стоимостной оценкой потребительской корзины, состоящей из минимально необходимого набора продовольственных и непродовольственных товаров и услуг. Состав потребительской корзины устанавливается Правительством РФ исходя из медицинских и социальных факторов и учитывает особенности потребления в регионах.

Анализ показывает, что в структуре прожиточного минимума, как и в структуре расходов среднего домохозяйства, независимо от местности, в современном урбанизированном обществе преобладающей становится стоимость услуг: в 2008 г. в целом по населению РФ их вклад в ПМ впервые сравнялся с вкладом продуктов питания, а с 2011 г. превышает его. Напротив, продук-

ты питания, которые были основой ПМ в начале 1990-х гг. (68,3% в 1994 г.)[9], отражая кризисное состояние экономики и архаизацию уклада жизни, постепенно «сдали позиции», снизившись до 41,4% в 2008 г. и до 36,0% в 2012 г.[10]

Расчеты также показывают снижение доли натуральных поступлений в структуре стоимости продуктов питания, входящих в ПМ, и, следовательно, в структуре всего ПМ. Если в 2006 г. ПМ в сельской местности обеспечивался за счет натуральных поступлений на 14,3%, то в 2010 г. – на 10%, в 2012 г. – на 8,2%. Аналогичные оценки для города в 2012 г. дают пренебрежимо малые 2,4%[11].

Изменение пропорций в пользу услуг в составе ПМ и в пользу купленных продуктов питания в противовес их натуральным поступлениям свидетельствует о росте уровня и «осовременивании» уклада жизни в стране в целом и в сельской местности в частности. Поэтому распространенность сельскохозяйственной деятельности в ЛПХ, являющаяся следствием недостатка возможностей эффективного трудоустройства или привычки и традиции, представляется одной из основных причин сельской бедности.

Пик значимости натуральных поступлений пришелся на первую половину 1990 гг., когда они обеспечивали 40–60% величины ПМ, что делало сельское население менее уязвимым по сравнению с городским в плане выживания и давало своеобразную гарантию от нищеты. В этой связи неудивительно, что наибольшая концентрация в сельской местности малоимущего (бедного) населения[12] приходится вовсе не на 1990-е гг., а на конец 2000-х, когда приусадебное производство с потребительскими целями потеряло актуальность. В 2008–2009 гг. сельская местность «собрала» 42% общей численности малоимущих, в то время как в 2000-м – только 32% (при доле сельского населения 27%)[13]. Это означает, что, несмотря на положительные тенденции в динамике уровня жизни сельского населения[14], бедность продолжает концентрироваться в сельской местности.

Статистика Росстата позволяет оценить динамику распространения бедности в зависимости не только от размера поселения, но и от возрастной категории (табл. 2).

Приведенные в таблице данные свидетельствуют о наличии выраженной обратной зависимости между размером (людностью) населенного пункта и его «подверженностью бедности», которая нарушается только на уровне средних и малых сел (с населением до 1 тыс. чел.). Последнее объясняется особенностями демографической структуры в малых селах: в них преоблада-

Таблица 2

Распределение малоимущего и всего населения РФ по населенным пунктам разной людности и по основным возрастным группам в 2006 и 2010 гг., %[15]

Типы населенных пунктов и возрастных групп	2006			2010		
	Малоимущее население	Все население	Разность (2)–(3)	Малоимущее население	Все население	Разность (5)–(6)
Всего по городам и селам	100,0	100,0	–	100,0	100,0	–
в том числе						
города	60,8	72,9	–12,1	59,8	73,7	–13,9
в том числе с населением						
свыше 1 млн чел.	11,5	17,9	–6,4	7,4	19,8	–12,4
от 500 тыс. до 1 млн	6,7	10,4	–3,7	5,5	11,0	–5,5
от 100 тыс. до 500 тыс.	20,6	19,6	1,0	13,4	18,4	–5
от 50 тыс. до 100 тыс.	7,4	7,5	–0,1	8,2	7,6	0,6
менее 50 тыс.	14,6	17,4	–2,8	25,2	17,0	8,2
села	39,2	27,1	12,1	40,2	26,3	13,9
в том числе с населением						
свыше 5 тыс. чел.	10,7	–	–	9,7	5,2	4,5
от 1000 до 5000	16,6	–	–	18,0	9,2	8,8
от 200 до 1000	10,3	–	–	12,0	9,0	3,0
менее 200	1,6	–	–	0,5	2,9	–2,4
Всего по возрастным группам	100,0	100,0	–	100,0	100,0	–
в том числе						
моложе трудоспособного	21,2	16,3	4,9	25,5	15,9	9,6
трудоспособное	65,7	63,3	2,4	64,4	62,9	1,5
старше трудоспособного	13,1	20,4	–7,3	10,0	21,2	–11,2

ет пожилое население, подверженность бедности которого ниже, чем у других демографических групп. В наибольшей степени подвержена бедности возрастная группа до 16 лет. Это означает, что семьи с детьми, особенно неполные и многодетные, имеют повышенный риск попадания в категорию бедных.

Анализ ситуации в динамике свидетельствует об усилении отмеченных тенденций концентрации бедности в сельской местности и в менее возрастных группах: доли сельского населения и детей (до 16 лет) в малоимущем населении с течением времени возрастают, в то время как во всем населении, наоборот, сокращаются. Разрыв в долях за период 2006–2010 гг. увеличился соответственно на 1,8 и 4,7 проц. пунктов.

Таким образом, распространение и масштаб сельской бедности напрямую связаны с сельскохозяйственной занятостью, как формальной – в сельхозпредприятиях, так и неформальной – в ЛПХ. Сельскохозяйственная занятость, несмотря на двукратное снижение за последние 20 лет (с 40 до 20% охвата трудоспособного сельского населения), все еще остается в 2–3 раза выше, чем в развитых экономиках. Это является одной из причин низких зарплат в аграрной отрасли, что, в свою очередь, способствует бедности занятого в ней населения. Особенно это касается низкоквалифицированных работников, удельный вес которых в аграрной отрасли самый высокий по сравнению с другими отраслями экономики.

Неформальная занятость в ЛПХ, несмотря на свою традиционность для сельского населения, является неэффективным способом приложения труда, не стимулирующим поиска другой работы и консервирующим бедность.

Другие причины бедности – общие как для города, так и для села: многодетность, неполнота семей, «вредные привычки» и т. д. В сельской местности они проявляются сильнее, учитывая меньший спектр возможностей для заработка по сравнению с городом.

Примечания

1 См.: *Вавилина Н. Д.* Бедность в России как социальное явление и как социальная проблема. Новосибирск : Изд-во Сиб. академии гос. службы, 2000. С. 49.

2 См., например: *Заславская Т. И.* Социальная трансформация российского общества : деятельностно-структурная концепция. М. : Дело, 2002 ; *Богомолова Т. Ю., Тапилина В. С.* Миграция бедности : масштабы, воспроизводство, социальный спектр // Социс. 2004. № 12. С. 17–30 ; *Калугина З. И., Фадеева О. П.* Российская деревня в лабиринте реформ. Новосибирск : Изд-во ИЭиОПП СО РАН, 2009 ; *Сергиенко А. М.* Сельская бедность в России : методологические особенности исследования // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2012. Т. 1, № 2 (74). С. 220–224 ; *Нечипоренко О. В.* Трансформация хозяйственных укладов в сельском социуме : модели и стратегии развития // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2011. Т. 9, № 4. С. 78–86.

3 См., например: *Великий П. П., Елютина М. Э., Штейнберг И. Е.* Старики российской деревни. Саратов : Степные просторы, 2000 ; *Блинова Т. В., Вяльшина А. А.* Материальный достаток и финансовые возможности сельских домохозяйств с тремя детьми // Современная экономика : проблемы и решения. 2013. № 1(37). С. 43–53.

4 См.: *Серова Е. В., Тихонова Т. В., Храмова И. Г. [и др.]* Сельская бедность и сельское развитие в России. М. : ИЭПП, 2004.

5 См.: *Бондаренко Л. В.* Бедность сельской России // Отечественные записки. 2012. № 6. URL: http://www.strana-oz.ru/2012/6/bednost-selskoy-rossii (дата обращения: 15.12.2012).

6 См.: *Шабанов В. Л.* Организация здравоохранения и здоровье населения в сельской местности // Региональные агросистемы : экономика, социология : эл. науч. журнал. 2013. № 2.

7 См., например: *Шмелев Г. И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М. : Наука, 2000 ; *Калугина З. И.* Парадоксы аграрной реформы в России : социологический анализ трансформационных процессов. 2-е изд. Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2001.

8 Рассчитано по: Денежные доходы, расходы и потребление домашних хозяйств Российской Федерации в 1994 г. (по материалам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : стат. сб. М. : Госкомстат России, 1995. С. 26, 28.

9 Там же. С. 17.

10 См.: Социально-экономические индикаторы бедности в 2005–2008 гг. : стат. бюлл. М. : Росстат, 2009. С. 9 ; Социально-экономические индикаторы бедности в 2009–2012 гг. : стат. бюлл. М. : Росстат, 2013. С. 10.

11 Рассчитано по: Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2012 году (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств) : стат. бюл. М. : Росстат, 2013. С. 10, 11, 57.

12 Категория малоимущего населения определяется Росстатом путем соотнесения с ПМ показателя располагаемых ресурсов, включающего в себя не только денежные, но и натуральные доходы, исчисленные путем стоимостной оценки натуральных поступлений в домохозяйство. (См.: Российский статистический ежегодник. 2012 : стат. сб. М. : Росстат, 2012. С. 211).

13 Там же. С. 194.

14 См.: *Шабанов В. Л.* Динамика уровня жизни и неравенства в городе и селе : оценки с использованием данных бюджетных обследований домашних хозяйств // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 43–48.

15 Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2012. С. 81, 93 ; Социально-экономические индикаторы бедности в 2006–2009 гг. : стат. бюлл. М. : Росстат, 2010. С. 20 ; Социально-экономические индикаторы бедности в 2007–2010 гг. : стат. бюл. М. : Росстат, 2011. С. 21.

УДК 316.443

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ РИСК БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (региональный аспект)

Г. Б. Кошарная, Л. Ф. Каримова

Пензенский государственный университет
E-mail: k-galina1@yandex.ru, lyudmila_vyargizova@mail.ru

В статье анализируются группы факторов, оказывающих наибольшее влияние на уровень жизни бедного и предбедного населения. Представлены авторские результаты социологического исследования факторов формирования уровня бедности населения. Предложены адаптационные стратегии для преодоления материальных трудностей.

Ключевые слова: бедность, предбедные, прожиточный минимум, факторы бедности, риск бедности, адаптационные стратегии бедных.

Factors Determining the Risk of Poverty of the Population in Modern Russian Society (Regional Aspect)

G. B. Kosharnaya, L. F. Karimov

The article analyzes the group of factors that have the greatest impact on the living standards of the poor and predbednogo population. The author's results of sociological research factors in the formation of poverty level. Proposed adaptation strategies in order to overcome financial difficulties.

Key words: poverty, predbednye, cost of living, poverty factors, risk of poverty, poor adaptation strategies.

Проблема бедности выступает одной из основных проблем современного российского общества. Бедность является сложным и многофакторным понятием. Единого и общепринятого определения бедности не существует, в связи с этим оно постоянно модифицируется и конкретизируется. В научной литературе под бедностью понимают обычно состояние, при котором домохозяйство или индивидуум по тем или иным причинам не может удовлетворить базовые потребности, испытывая недостаток в материальных ресурсах для поддержания образа жизни, который принят в данном обществе[1].

В социологическом словаре бедность трактуется как отсутствие достаточных материальных и культурных ресурсов для поддержания здорового существования[2].

С целью изучения уровня жизни населения в 2013 г. кафедрой «Социология и управление персоналом» Пензенского государственного университета с участием авторов было проведено исследование среди бедных слоев населения (n = 412, г. Пенза). Для измерения уровня бедности использовался абсолютный подход, т.е. к бедным относили граждан, чей среднедушевой доход был ниже уровня прожиточного минимума. Опираясь на методику М. Делягина[3], среди бедного слоя населения была выделена страта предбедных – тех, кто имеет доходы от одного до двух прожиточных минимумов. Величина прожиточного минимума в Пензенской области во II квартале 2013 г. в расчете на душу населения составляла 6134 рублей, в том числе для трудоспособного населения – 6612, пенсионеров – 5067, детей – 6114 рублей[4].

Результаты исследования показали, что среди опрошенных 68% респондентов имеют статус бедных, а 32% относятся к предбедным, которые имеют возможность удовлетворить свои первостепенные потребности, но у них все же недостаточно средств для удовлетворения потребностей более высокого уровня.

Бедность является следствием разнообразных и взаимосвязанных факторов. На риск попадания в состояние бедности большое влияние оказывают социально-демографические факторы, одним из которых выступает возраст[5]. С увеличением возраста трудоспособного населения уровень жизни падает, т.е. растет доля бедного населения в стране.

Особенно резко для трудоспособных возрастов заметно увеличение проблемы бедности возрастной группы 45–54 лет – 29,1%, из них бедного – 70% и предбедного – 30% населения. Это предпенсионный возраст, когда трудоспособное население готовится уйти на пенсию. В случае потери работы в современных условиях на рынке труда практически невозможно в данном возрасте найти подходящее место работы. В результате доходы данной категории населения резко падают, что приводит к состоянию бедности.

Результаты проведенного исследования показали низкий уровень жизни населения после 55 лет (16,7%), когда женщины становятся пенсионерами (75,4%), и 60 лет, когда мужчины достигают статуса пенсионера (24,6%). Таким образом, фактором, определяющим уровень жизни, является не только возраст, но и факт выхода на пенсию, так как пенсионных выплат, как правило, не хватает для удовлетворения даже первостепенных потребностей.

По данным исследования выявлено, что одной из основных причин бедности выступает здоровье. Среди респондентов с плохим состоянием здоровья 71,6% – бедные, 28,4% относят-

© Кошарная Г. Б., Каримова Л. Ф., 2014

ся к категории предбедных. Вне зависимости от возраста состояние здоровья влияет на уровень жизни: чем хуже состояние здоровья, тем выше риск попадания в состояние бедности. Плохое состояние здоровья требует больших затрат на лекарства и медицинское обслуживание, лишает возможности эффективной занятости, особенно для работников физического труда.

Анализируя уровень бедности, следует отметить, что две трети бедного населения составляют женщины. В последнее время наметилась тенденция увеличения доли бедных в сторону женщин. Например, в 1998 г. численность бедных среди мужчин составляла 44,1%, среди женщин 55,9%. К 2008 г. прослеживается более явное увеличение бедных женщин (58,8%) по сравнению с мужчинами (41,2%)[6]. В настоящее время в России бедность среди женщин встречается в полтора раза чаще, чем среди мужчин. Это связано с тем, что обычно женщинам приходится брать на себя уход за больными членами семьи и стариками, воспитание детей, в том числе и после развода.

Результаты проведенного исследования подтвердили тенденцию увеличения «женской» бедности. Было выявлено преобладающее количество женщин (84%) среди бедного населения по сравнению с мужчинами (16,0%).

Одним из важнейших факторов более низкого уровня жизни женщин по сравнению с мужчинами являются особенности их семейного положения. Худшее положение женщин связано с тем, что чаще всего после разводов дети остаются с женщиной, что создает дополнительную иждивенческую нагрузку на их семью. Отсюда следует, что не состоявшим в браке легче всего решать материальные проблемы, поскольку они, как правило, не имеют иждивенческой нагрузки. Кроме того, необходимо отметить тяжелое положение овдовевших. В основном это люди пожилого возраста, которые оказываются в одиночестве и не имеют поддержки ни со стороны близких, ни со стороны государства.

Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от семейного положения респондентов представлено на рис. 1

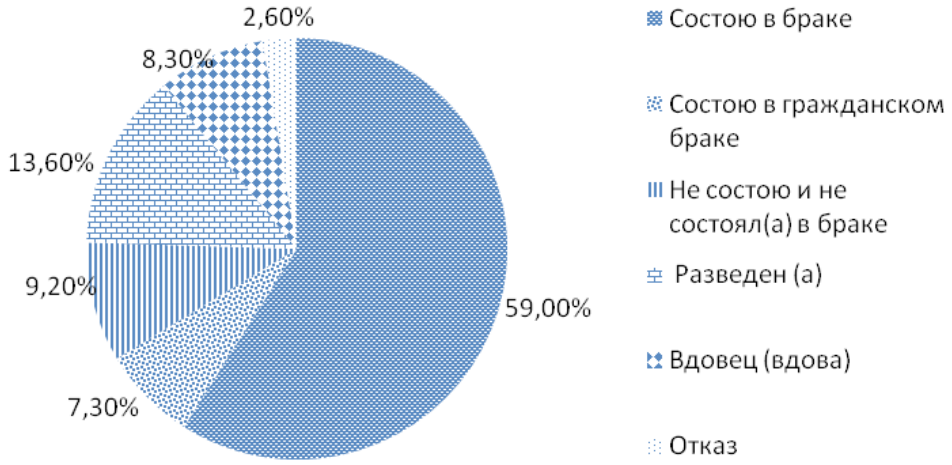


Рис. 1. Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от семейного положения респондентов (в % от числа опрошенных, n = 412)

Среди респондентов максимален показатель численности бедных среди семейных (59,0%). Это можно объяснить тем, что в большинстве семей состоящих в браке присутствует иждивенческая нагрузка. Таким образом, семейное положение существенно влияет на риск попадания в состояние бедности, так как бедность – не индивидуальное состояние, а характеристика, отражающая положение семьи.

Следует отметить, что на уровень жизни влияет не только семейное положение, но и, прежде всего, иждивенческая нагрузка. Как правило, тяжелее приходится разведенным женщинам, которым в одиночку приходится содержать находящихся на ее попечении иждивенцев. Особенно большое значение имеет соотношение работающих и неработающих членов семьи.

Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от типа иждивенческой нагрузки представлено на рис. 2

В ходе исследования было выявлено максимальное увеличение риска бедности, когда в качестве иждивенцев выступают несовершеннолетние дети. Наблюдается наиболее бедствующее положение у семей с несколькими детьми, т.е. рождение второго и следующих детей повышает риск бедности. Велика доля бедности у семей, имеющих детей дошкольного и школьного возраста, – 86,9%.

Особый риск попадания в слои бедных имеют семьи, состоящие из людей пенсионного возраста. Как правило, данную ситуацию можно пояснить тем, что низкие пенсионные выплаты недостаточны для поддержания здоровья и

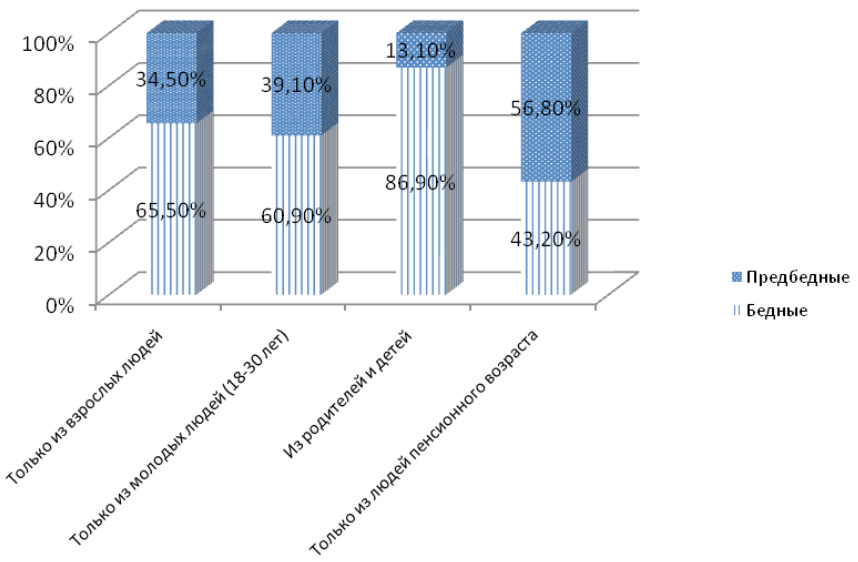


Рис. 2. Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от типа иждивенческой нагрузки (в % от числа опрошенных, n = 412)

приемлемого уровня жизни в обществе. Но результаты проведенного исследования показали увеличение доли предбедных (56,8%) над бедным (43,2%) населением в пенсионном возрасте. Если сравнивать иждивенческую нагрузку бедных и предбедных пенсионеров, то большая вероятность оказаться в состоянии предбедности у пожилых одиночек. В результате исследования было выявлено, что 100% опрошенных одиноких пенсионеров относятся к страте предбедных. Наблюдается, что 67,4% бедных пенсионеров проживают парами. Следует отметить, что для семей, состоящих из пожилых людей, важны не столько качественные характеристики (тип иждивенческой нагрузки), сколько количественные (уровень иждивенческой нагрузки), возможность удовлетворить свои минимальные потребности.

Если сравнивать иждивенческую нагрузку детей и пенсионеров, то несовершеннолетние дети влекут больший риск для семьи оказаться в состоянии бедности, чем пенсионеры. Противоположное мнение зафиксировано Российским мониторингом экономического положения и здоровья О. А. Юдиной[7].

Результаты проведенного исследования показывают высокую долю бедных (65,5%) среди трудоспособного населения. Бедность работающего населения в современном обществе сопровождается следующими причинами:

– снижение доходов населения в результате инфляции (бедные становятся еще беднее);

– повышение прожиточного минимума в результате роста цен;

– сокращение рабочих мест;

– уменьшение темпов роста государственных пособий, заработной платы в бюджетном секторе[8].

В табл. 1 представлены сферы деятельности с наибольшим и наименьшим уровнем бедности среди работающего населения.

Проанализировав данные проведенного исследования, необходимо отметить, что одной из низкооплачиваемых сфер деятельности бедного населения является здравоохранение.

Низкооплачиваемые сферы деятельности можно объединить в две группы: к первой группе относятся бюджетные организации и учреждения – здравоохранение (89,7%), образование (75,0%), промышленность (71,4%), социальное обеспечение (66,1%); ко второй – частные предприятия: торговля (63,0%), транспорт (63,2%).

В результате исследования выявлено, что основная часть бедного населения (80,5%) состоит из бюджетников, занятых в государственном секторе. В. В. Радаев к новым бедным относит соцработников, врачей, учителей, ученых, инженеров[9]. Эти слои населения имеют работу, они в состоянии купить еду и одежду, но у них не хва-

Таблица 1

Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от сферы деятельности респондентов (в % от числа опрошенных, n = 307)

Варианты ответов	Образование	Здравоохранение	Промышленность, строительство	Сфера социального обслуживания	Торговля	Транспорт
Бедные	75	89,7	71,4	66,1	63,0	63,2
Предбедные	25	10,3	28,6	33,9	37,0	36,8

тает денег на товары длительного пользования. Падение уровня жизни в прошлом благополучных слоев связано с низкой заработной платой на государственных предприятиях и частичной занятостью.

Одним из важнейших факторов новой бедности в современных условиях является уровень образования. Как правило, родители всеми силами пытаются, чтобы их ребенок получил высшее образование. Но в настоящее время в России хорошее образование не помогает занять высокие позиции в обществе и избежать состояния бедности. Выпускники высших учебных заведений стремятся устроиться в государственные учреждения с тем, чтобы в будущем иметь престижную работу, высокую заработную плату и социальные гарантии. Однако в современных условиях большего добиваются те, кто берется за любую работу и, как правило, высокооплачиваемую. Кроме того, следует отметить, что при достижении пенсионного возраста также велика вероятность попадания в бедные слои населения. Уровень образования пенсионеров в основном выше, чем у более молодого поколения, а доходы (пенсии) низкие.

На рис. 3 представлено распределение бедного населения в зависимости от образования респондентов. Среди опрошенных 51,4% имеют высшее и 32,5% среднее специальное образование.

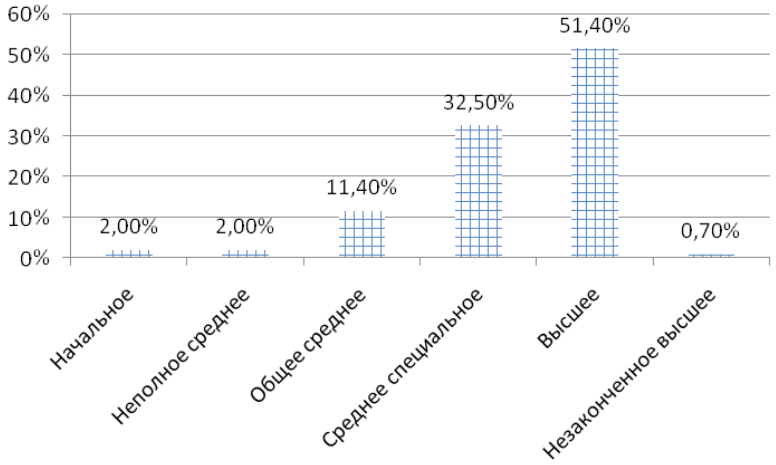


Рис. 3. Распределение бедного населения в зависимости от образования респондентов (в % от числа опрошенных, n = 412)

Работающие бедные воспринимают современную ситуацию как набор проблем, жизненных трудностей, препятствующих реализации основных потребностей. Для преодоления материальных трудностей в современном обществе в научной литературе выделены виды адаптационных стратегий.

1. Депрофессионализация, отказ от квалифицированного труда в пользу неквалифицированного. Массовый отказ от квалифицированного труда может решить проблемы отдельных семей в краткосрочной перспективе, но для общества в целом в долгосрочной перспективе он опасен, так как может привести к тому, что экономика страны станет неконкурентоспособной.

2. Переход к натуральному хозяйству. Для увеличения дохода многие представители интеллигенции работают в садах и огородах, выращивают продукты, а затем реализуют товар.

3. Поиск дополнительного заработка. Очень часто встречаются люди, работающие на двух, а иногда даже на трех работах, лишающие себя отпуска и возможности поддержать здоровье[10].

В табл. 2 представлены адаптационные стратегии среди бедного и предбедного населения.

Результаты проведенного исследования показывают, что население, находящееся в сложной ситуации, использует все возможные адаптационные стратегии для решения материальных трудностей: 100% бедного населения распродают накопленное имущество, предбедное населения не предпринимает данной стратегии для улучшения материального положения. Чаще всего бедные (81,3%) вынуждены занимать деньги и лишь 18,7% предбедных в экстренных ситуациях прибегают к этой стратегии. Среди активных адаптационных стратегий бедные используют работу по совместительству в нескольких местах (79,3%), торгуют продуктами, выращенными самостоятельно, (75%) и обеспечивают себя сельскохозяйственными продуктами (70,7%). Для того чтобы повысить свой уровень жизни, предбедное население готово переквалифицироваться для смены работы (55,6%) и берет сверхурочную работу, совместительство на основном месте работы (42,6%). Кроме того, 46,7% предбедного населения сдает в наем жилье, дачу или использует проценты от сбережений.

Необходимо отметить, что стратегии по улучшению материального положения бедного населения направлены на увеличение степени

Таблица 2

Распределение бедного и предбедного населения в зависимости от адаптационных стратегий респондентов (в % от числа опрошенных, n = 412)

Варианты ответов	Бедные	Предбедные
Обеспечивают себя сельскохозяйственными продуктами	70,7	29,3
Используют разовые и временные подработки	69,8	30,2
Сверхурочная работа, совместительство на основном месте работы	57,4	42,6
Работают по совместительству в нескольких местах	79,3	20,7
Торгуют продуктами, выращенными самостоятельно	75,0	25,0
Переквалифицируются для смены работы	44,4	55,6
Распродают накопленное имущество	100,0	–
Сдают в наем жилье, дачу, используют проценты от сбережений	53,3	46,7
Вынуждены занимать деньги	81,3	18,7
Готовятся сменить место жительства – уехать в другой город (область, регион)	69,2	30,8
Ничего не предпринимают	60,9	39,1

самостоятельности, на осуществление активных действий, стимулирующих индивида на самостоятельное решение проблемы.

Таким образом, наиболее значимые в современном обществе рассмотренные факторы, определяющие риск бедности и предбедности населения, следует объединить в следующие группы: социально-демографические, профессиональные и медицинские факторы. К социально-демографическим факторам относятся возраст, пол, семейное положение, иждивенческая нагрузка; к профессиональным – образование, сфера деятельности, сектор экономики; к медицинским факторам – состояние здоровья.

Примечания

1 См.: *Фахрутдинова Е. В., Хуснутдинова Л. М.* Бедность в структуре показателей качества жизни населения // Экономические науки. 2011. № 12. С. 78–83 ; *Давыдова Н. М.* Депривационный подход в оценках бедности // Социс. 2003. № 6. С. 88–96.

2 См.: *Джери Д., Джери Дж.* Большой толковый социологический словарь : в 2 т. Т. 1 (А–О). М., 2001.

3 См.: *Делягин М.* Кризис создает в России «новых бедных». URL: www.iarex.ru/news/8361.html (дата обращения: 17.11.2014).

4 См.: Величина прожиточного минимума. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 См.: *Ивченков С. Г.* Современные риски : проблема типологизации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 49–52.

6 См.: *Слободенюк Е. Д., Тихонова Н. Е.* Эвристические возможности абсолютного и относительного подходов к изучению бедности в российских условиях // Социология : 4М. 2011. № 33. С. 5–27.

7 См.: *Юдина О. А.* Численность и демографические особенности среднего класса в разных типах российских городов // Средний класс в современной России / отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова ; Ин-т социологии РАН. М., 2008. С. 279–310.

8 См.: *Горюнова Н. Н.* Профиль российской бедности : факторы и риски для работающего населения // Изв. Том. политех. ун-та. 2008. Т. 313, № 6. С. 61–65.

9 См.: *Радаев В. В.* Забытые властью : Портрет новых бедных // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под. ред. Т. И. Заславской ; МВШСЭН. М., 2000. С. 328–341.

10 См.: *Овчарова Л. Н.* Доходы и социальные услуги : неравенство, уязвимость, бедность / Независимый ин-т соц. политики. М., 2005.

УДК 316.65.0

ЭКСПЕРТНЫЕ СИСТЕМЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

С. Н. Макаров

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва
E-mail: snmak75@mail.ru

В статье исследуются вопросы, связанные с использованием в процессе управления экспертных систем. Предлагается описание применения в организационных взаимодействиях теории деятельности. Анализируется возможность рассмотрения теории деятельности как основания для понимания сути управленческих взаимодействий. Обосновывается социальный контекст теории деятельности в рамках динамики процесса управленческих взаимодействий.

© Макаров С. Н., 2014

Ключевые слова: экспертная система, управление, теория деятельности, социальные технологии.

Expert Systems in Modelling of Management Activity

S. N. Makarov

The article studies questions connected with the employment of expert systems in the management process. It suggests the scheme using the activity theory in organizational interrelations. The article analyzes possibility of taking the activity theory as a basis for understanding the core of management interrelations. It also explains the social context of the activity theory within management interrelations dynamics.
Key words: expert system, management, activity theory, social technologies.

Управленческая деятельность, которая моделируется экспертными системами, технологически обусловлена положениями теории деятельности, которая была создана отечественным ученым А. Н. Леонтьевым[1]. И если целью ситуационного подхода, достаточно распространенного при анализе процесса управления, является изучение управленческих взаимодействий путем анализа ситуации, в которой эти взаимодействия происходят, то рассмотрение положений теории деятельности, предлагающей понимание процессов, лежащих в основе управленческих актов, представляется весьма целесообразным. Являясь по сути психологической, теория деятельности А. Н. Леонтьева имеет четко выраженный социологический контекст, это связано с невозможностью анализа деятельности без учета социальной обстановки, в которую включен индивид, а в нашем случае, когда эта деятельность обусловлена процессом управления, ситуация сенсорной депривации индивида изначально невозможна.

Теория деятельности А. Н. Леонтьева предполагает, что ситуационно-образующим фактором выступает неудовлетворенная потребность человека, которая «встречается» с предметом, способным ее удовлетворить[2]. Именно «опредмеченная потребность» (мотив по Леонтьеву)[3] побуждает человека к участию в ситуации в качестве ее элемента. В процессе управления потребности взаимодействующих акторов имеют сложную природу. С одной стороны, это личные потребности субъекта и объекта управления, а с другой, это определяющие, на наш взгляд, потребности, которые находятся в поле организационного пространства и доминируют над потребностями, имеющими индивидуальную природу. Этот на первый взгляд спорный момент (какой уровень потребностей является приоритетом для субъекта и объекта?) в ситуации организационных взаимодействий имеет четкий ответ: потребности организации – доминанта. Такая позиция связана, прежде всего, с осознанием индивидов, включенных в организационные управленческие взаимодействия, роли самой организации, ее ресурсов, их необходимости для удовлетворения потребностей личных. Поэтому понятие «опредмеченная потребность» в ситуации организационного управления изменяет свое смысловое наполнение, трансформируясь из личного плана в область социальных отношений. Таким образом, деятельностный подход к проблемам ситуационного управления позволяет определить ситуацию как совокупность предметов социального пространства, побуждающих и опосредующих действия человека, направленные на получение ожидаемого результата по удовлетворению определенной личной потребности через удовлетворение потребностей социальной организации.

С течением времени ситуации управления, в которых взаимодействуют субъект и объект, становятся типичными. Это обусловлено той обстановкой, в которую погружены акторы управленческих взаимодействий. Хотя следует отметить, что типичность обстановки носит относительный характер, так как при сохранении стабильности в институциональных признаках сами взаимодействия могут варьироваться в зависимости от изменения культурных, целевых, технологических, индивидуальных и других характеристик организационного пространства. Эти изменения нельзя не учитывать в процессе управления. Однако основная, генеральная направленность организации остается неизменной. Экспертные системы используют осознанную всеми носителями типичность ситуаций для повышения эффективности управления, так как являются своеобразным банком данных о повторяющихся реакциях на те или иные управленческие акты. Организационная типичность в поведении людей делает их действия автоматическими, т. е. эти действия происходят без участия сознания и зависят от условий, в которых они совершаются, а не от социально-психологических особенностей тех, кто их совершает[4]. «Фактическое, стереотипное поведение у современных людей превалирует, поскольку во многих случаях оно наиболее целесообразно, а в других случаях – просто необходимо»[5]. Именно на этом «знании» руководителем того, как поведет себя человек в типичной ситуации, строятся эффективные управленческие взаимодействия между представителями одной организационной культуры, и в этом случае экспертные системы не только способствуют более полному анализу ситуации, но и позволяют прогнозировать реакцию на те или иные формы управленческих контактов.

Алгоритмизация управленческой деятельности позволяет технологизировать работу руководителя. Вариант технологии ситуационного управления, состоящий из трех стадий: прогнозирования поведения, управления ожиданиями и формирования устойчивых форм поведения[6], – сложно реализовать, используя исключительно индивидуальный управленческий опыт. Экспертные системы в этом случае способствуют

вовлечению руководителя в многообразный, эмпирически выверенный мир управленческих решений, необходимый для оптимизации организационных взаимодействий.

Рассматривая ситуацию как результат взаимодействия субъекта и объекта управленческой деятельности, нельзя не отметить, что этот процесс связан с внутренним планом активности акторов. Активность в процессе управления, обусловленная ситуацией, безусловно, находится под влиянием факторов внешней и внутренней природы. Именно эта зависимость в рамках ситуационной парадигмы и становится предметом анализа, результатом которого является управленческое решение и следующая за этим предметная деятельность. Однако из внимания не может быть исключен сам факт внутренней деятельности индивидов в процессе принятия решений о том, какого рода усилия необходимо применить, чтобы поведенческие реакции удовлетворяли потребности субъекта, принимающего решение, объекта, исполняющего решение, и потребности организации, в рамках которых происходят субъект-объектные взаимодействия. Экспертная система в данном случае – не только дополнительный ресурс, позволяющий принимать оптимальные для конкретной ситуации решения, но и модель, которая как бы дублирует процесс принятия решения руководителем, следуя с ним в определенной степени параллельными курсами. Распространенным является определение, согласно которому принятие решения – это особый процесс человеческой деятельности, направленный на выбор наилучшего варианта действий[7]. В нашем случае данное определение нуждается в уточнении, поскольку речь идет не об индивидуальном выборе, а о совместной деятельности человека и экспертной системы по поиску оптимального варианта действий. Безусловно, конечное решение принимает человек, так как именно на нем лежит ответственность за те последствия, к которым приводит принятое решение, и поэтому нельзя говорить о буквальной совместной деятельности человека и машины. Однако экспертная система представляет собой совокупный продукт человеческого опыта, и опосредованно в оболочке экспертной системы находится когнитивный потенциал специалистов в области принятия решений в данной конкретной сфере деятельности.

Центральным элементом управленческой деятельности выступает так называемое «лицо, принимающее решение»[8]. Известна трактовка этой категории как отдельной личности, которая является инициатором ситуации, моделирует ее, продуцирует систему действий исходя из принятого решения и, по мнению окружающих, несет за это ответственность[9]. Однако, исходя из возможного распределения социальных ролей в организации, инициатор ситуации не всегда является «лицом, принимающим решение» и наоборот. Ситуации ролевого распределения могут быть и таковы, что «лицом, принимающим решение» становятся несколько человек, включенных в организационное пространство, либо вынесенных за его пределы. Также роль «лица, принимающего решение» может принадлежать индивиду, который является членом так называемой активной группы, состоящей из людей, имеющих общие интересы и старающихся оказать влияние на процесс выбора того или иного решения и на его результат.

Совокупный характер деятельности при такой ролевой привязке отражает современный взгляд на процесс управления, когда представители одного социального пространства, имея общую целевую направленность деятельности, переводят процесс принятия решения из субъект-объектной плоскости в плоскость субъект-субъектных взаимодействий. В этой ситуации роль руководителя, закрепленная организационным статусом, находится в позиции избирателя, осуществляя ответственный выбор варианта действия. При этом он является одним, пусть и ведущим, участником процесса принятия решения, которое по своей сути коллективно.

Эффективность такого процесса принятия решения во многом зависит от умения руководителя управлять ситуацией для достижения согласия всех субъектов деятельности. Роль экспертных систем, исходя из их положения в процессе принятия решений, может быть представлена в нескольких вариантах[10]:

– эксперт;

– участник организационных взаимодействий;

– внешний консультант;

– собственно «лицо, принимающее решение».

Анализируя возможное ролевое положение экспертных систем в рамках организационного управления, следует отметить, что экспертная система в той или иной степени может выступать во всех ролевых вариантах. Однако концентрация на определенном ролевом комплексе может изменяться в зависимости от того, каким уровнем компетентности, прежде всего для самого руководителя, является используемая им экспертная система.

В ситуации, когда экспертная система играет роль эксперта при выборе варианта действия руководителем, налицо ведущее положение программы, моделирующей интеллект. Во взаимодействии материального, одушевленного носителя функций управления и компьютера такое ролевое положение экспертной системы может быть связано с недостаточным личным управленческим опытом руководителя.

Экспертная система как участник организационных взаимодействий – вероятно, более сложная ролевая конструкция. В этом случае ресурсное содержание экспертных систем как банка данных совокупного эмпирического опы-

та руководителя должно быть доступно всем участникам организационных взаимодействий. Это будет способствовать двустороннему моделированию управленческих ситуаций. В организациях данный ролевой комплекс экспертной системы будет затруднять эффективность организационных взаимодействий в процессе управления, так как двусторонний анализ возможных вариантов поведения руководителями и подчиненными существенно замедлит время принятия решений, а также в какой-то степени противоречит бюрократической управленческой культуре, сложившейся в отечественной практике управления. Более того, техническая сторона построения экспертных систем в данном случае требует создания двух взаимосвязанных инструментов, что ведет к усложнению самой системы и, как следствие, снижает уровень ее практической результативности в реальных организационных условиях.

Роль экспертной системы как внешнего консультанта в определенной мере коррелирует с ролью эксперта, но не полностью повторяет ее. Это связано с самими понятиями «эксперт» и «внешний консультант», которые отличаются по значению для руководителя данных категорий. Если роль эксперта связана с ведущим положением экспертной системы во взаимодействии руководитель – экспертная система, то внешний консультант – это ролевая конструкция с менее выраженным доминированием экспертной системы в процессе принятия управленческого решения. В нашем случае это наиболее приемлемая ролевая конструкция, так как определяющее значение руководителя в процессе принятия решений отвечает современному уровню возможностей конструирования экспертных систем. Более того, ответственность за принятое решение несет материальный носитель управленческих функций, т. е. руководитель, что соответствует внутреннему организационному регламенту.

Позиционирование экспертной системы в роли собственно «лица, принимающего решение» относится к области прогнозов развития работ по созданию искусственного интеллекта. В настоящее время замена личности на компьютерную программу в определенной степени возможна в некоторых областях народного хозяйства[11]. В сфере человеческих отношений, в рамках организационного пространства уровень компетентности экспертных систем недостаточно оптимален для самостоятельного функционирования. Это не отражение фундаментальных ограничений экспертных систем, это, скорее, характеристика их современного состояния. В области социального управления экспертные системы ограничены рядом положений, которые обусловливают ключевое значение человека в процессе принятия решений.

Прежде всего, это позиция самого понятия «управление», которое относится к области творческой деятельности[12]. Только индивид способен реорганизовать информацию и использовать ее для синтеза новых знаний, в то время как экспертная система тяготеет к рутинному, линейному «поведению», основанному пусть и на эмпирически выверенных, но шаблонах.

И, наконец, руководитель в рамках своей управленческой деятельности руководствуется большим объемом так называемых общедоступных знаний, которые образуют понятие «здравый смысл» и носят динамичный характер. Из-за огромного объема таких знаний на современном этапе не существует способа выстроить их в интеллектуальную программу, тем более в такую узкоспециализированную, как экспертная система[13].

Поэтому, рассматривая экспертные систему сквозь призму деятельностного подхода, можно сделать вывод о многоаспектности применения алгоритмов рассмотрения процесса деятельности, сформулированного А. Н. Леонтьевым. Важно отметить, что теория деятельности как методологический атрибут исследования процесса управления для создания экспертных систем является теоретической платформой, позволяющей учесть различные стороны процесса управления, избежать концентрации на взаимодействиях в диаде «человек – человек», а приблизиться к интегративным моделям «человек – знаковая система – человек».

Примечания

1 См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М. : Гарант, 2005. С. 218.

2 Там же. С. 220.

3 См.: Лекции по общей психологии : учеб. пособие для вузов / под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. М. : Смысл, 2000. С. 37.

4 См.: *Леонтьев А. Н.* Указ. соч. С. 269.

5 *Осуги С.* Приобретение знаний : пер. с япон. М. : Тезаурус, 2003. С. 91.

6 См.: *Чалдини Р.* Психология влияния. 4-е изд., перераб. и доп. СПб. : Питер, 2009. С. 125.

7 См.: *Ларичев О., Петровский А.* Системы поддержки принятия решений : современное состояние и перспективы развития // Итоги науки и техники. Сер. Техническая кибернетика. Т. 21. М. : ВИНИТИ, 1987. С. 41.

8 *Фишберн П.* Теория полезности для принятия решений. М. : Наука, 1978. С. 53.

9 См.: *Ларичев О.* Теория и методы принятия решения. М. : Логос, 2006. С. 24.

10 См.: *Саймон Г.* Науки об искусственном интеллекте. М. : Мир, 1972. С. 39.

11 См.: *Уотермен Д.* Руководство по экспертным системам : пер. с англ. М. : Мир, 2006. С. 305–327.

12 См.: *Гладков С.* Личность и менеджмент. М. : Рус Той, 2009. С. 18.

13 См.: *Джексон П.* Введение в экспертные системы. М. : Вильямс, 2001. С. 472.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316. 77

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ КАК КОМПОНЕНТ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Д. О. Ершов

Саратовский военный институт ВВ МВД России
E-mail: dima.ersh80@mail.ru

В статье раскрываются структурные компоненты современной системы социального воспроизводства: социальные потребности, социальное потребление, социальное действие. Доказывается, что в новых условиях необходимо рассматривать расширенное социальное воспроизводство в контексте реализации механизма совершения социального действия. Обосновываются компоненты данного механизма, уточняются место и роль в системе данного механизма социальных потребностей, а также этапы его функционирования.

Ключевые слова: социальные потребности, социальное потребление, механизм социального действия.

Social Needs as a Component of Social Activity Mechanism

D. O. Ershov

The structural components of modern social reproductive system, such as social needs, social consumption and social activity have been regarded. The need of extended social reproduction examining in the context of social activity mechanism has been proved. The components of the mechanism have been grounded. The place, stages of function and role in the system of social activity mechanism have been defined.

Key words: social needs, social consumption, mechanism of social activity.

Современное общество, как и его отдельные организационные структуры, нуждается в расширенном социальном воспроизводстве. Последнее отражает воспроизводство целостной социальной деятельности людей в контексте их потребительного развития. Социальное воспроизводство в современных условиях «раскрывает, как, в какой последовательности, вновь и вновь возобновляясь, осуществляется деятельность по созиданию, сбережению, восстановлению, обновлению или сохранению условий, средств и целей субъекта воспроизводства»[1]. Поэтому процесс расширенного воспроизводства в новых условиях должен рассматриваться в единстве нескольких взаимосвязанных и взаимозависимых систем: 1) расширенное воспроизводство социальных потребностей; 2) расширенное воспроизводство социального потребления; 3) расширенное воспроизводство социального действия. Дополнительно можно выделить вторичные социально-экономические компоненты расширенного воспроизводства: 1) рост общественного продукта; 2) развитие совокупного человеческого капитала; 3) совершенствование хозяйственных отношений в обществе. Несложно заметить, что расширенное социальное воспроизводство характеризуется, прежде всего, следующими социальными явлениями: потребностями, потреблением и социальным действием. В современной социологической литературе принято рассматривать расширенное социальное воспроизводство в контексте реализации механизма совершения социального действия. Последний представляется как структурная система, обеспечивающая осуществление всякого социального действия. При этом потребности, потребление, интересы, мотивы принято рассматривать как компоненты механизма совершения социального действия[2].

Рассмотрим подробней проявление потребности как системного компонента механизма совершения социального действия. Потребности и предпочтения традиционно позиционируются учеными как основной фактор совершения социального действия[3]. При этом действие представляет собой выражение той или иной формы социального поведения. Социальное действие в данном контексте выступает как «активное поведение людей, основанное на рациональном целеполагании и направленное на изменение объектов с целью сохранения или изменения их состояния»[4].

Здесь социальное действие взаимообусловлено процессом социального потребления[5]. Ведь социальное потребление имеет две взаимосвязанные функции: 1) удовлетворение потребностей человека; 2) реализацию осознанного социального действия акторов. Поэтому социальное действие необходимо отличать от нецеленаправленного поведения, прежде всего, поскольку действующий человек осознанно реализует собственные социальные потребности, он четко понимает, что, зачем и относительно кого он делает.

Таким образом, социальное действие, с одной стороны, является функциональным проявлением внутренней потребности человека, с другой стороны – это результат потребительного предпочтения человека, обусловленного существованием и поведением окружающих субъектов. Социальное действие «соотносится по своему смыслу с поведением других субъ-

© Ершов Д. О., 2014

ектов и ориентировано на него»[6]. По сути, социальное действие всегда основано на потребительном предпочтении и в своем целеполагании затрагивает других людей. Оно также ориентировано на определенную реакцию окружающих субъектов[7]. Планируя социальное действие, человек не сразу определяет необходимость, возможность и условия реализации потребности, эффективно формирует для себя цель и оптимально выбирает средства, обеспечивающие удовлетворение наиболее насущных социальных потребностей.

Актор не всегда осознает эффективность того или иного стиля потребления, не видит его связи с социальным действием и поведением. Поэтому для раскрытия социологической сущности механизма совершения социального действия необходимо уточнить результативность системы потребления, раскрыть ее связь с потребительным комплексом механизма. «Специфика проблемы состоит в том, что полезный эффект в процессе потребления выражается в определенных конечных результатах функционирования социально-экономической системы. Имеются в виду характеристики уровня и образа жизни, развития личности, расширенного воспроизводства рабочей силы, степени удовлетворения потребностей и уровня благосостояния»[8]. Совокупная социальная результативность системы потребления может выявляться в результате анализа показателей, которые существенно отличаются от индикаторов экономической эффективности. В то же время задача облегчается тем, что социологический аспект проблемы связан с оценкой только тех результатов, которые направлены на эффективное удовлетворение потребностей и имеют прямое отношение к процессу совершения социального действия актора. При этом важно учитывать, что данные чисто социальные результаты представляют собой также и фактор социально-экономического развития как отдельных организационных структур, так и общества в целом. Поэтому можно условно разграничить социальную и социально-экономическую результативность потребления. При этом мы абстрагируемся от чисто экономических (стоимостных) показателей эффективности потребления.

Социальная результативность потребления характеризуется уровнем удовлетворения потребностей и эффективностью реализации социального действия актора. Социально-экономическая результативность характеризуется состоянием, уровнем развития совокупного человеческого капитала, формированием всеобщей способности к реализации трудовой деятельности человека.

Таким образом, можно констатировать, что потребление и рост потребностей в новых условиях выполняют широкие социальные и социально-экономические функции как в рамках отдельной хозяйственной организации, так и в обществе в целом. Потребности в условиях определенной ситуации создают условия формирования мотива, становления и конкретизации цели, развития мотивационной потребительской установки и как итог – реализации потребления в форме социального действия.

Потребности представляют собой важнейший компонент механизма совершения социального действия и играют все более существенную роль как фактор социально-экономического (хозяйственного) и социального развития общества. На первом этапе функционирования механизма потребности актора определяют процесс формирования цели социального действия. В то же время последнее конкретизируется не самостоятельно и не сразу, а в рамках сложного процесса актуализации потребности под влиянием внешней социальной среды актора, когда потребность проявляется как социально значимая нужда и начинает осознаваться личностью как собственный интерес.

На последующем, втором, этапе группами акторов не только осознается социальная ситуация, но и ставится стратегическая цель, направленная на удовлетворение актуализированной потребности, конкретизируются отношения различных индивидов и социальных групп.

На третьем этапе уточняются стратегические и тактические цели, постепенно обосновывается стабильная мотивация к определенному стилю деятельного проявления. И уже на фазе завершения третьего этапа формируется определенный образ действия индивидуума, отдельных социальных групп, проявляется система социальных отношений в обществе.

Акторы, реализуя процесс удовлетворения потребностей, постоянно включаются в деятельность социального механизма, формирующего определенный стиль социального действия. При этом люди не только осуществляют социальное потребление и расширенно удовлетворяют социальные потребности, но и оказывают непосредственное воздействие на окружающую действительность, обновляют всю систему жизнедеятельности, модернизируют стратегию своих социальных действий. Данная стратегия направлена на оптимизацию удовлетворения социально значимых потребностей через обновление выбора целей, уточнение социальных и экономических средств их достижения.

Важно отметить, что представленный выше механизм совершения социального действия имеет различные формы проявления и реализуется одновременно на нескольких уровнях.

Наиболее значимые уровни данного механизма следующие: индивидуальный (уровень отдельной личности), организационный (уровень отдельной организации), общественный в целом (уровень общества). Социальные потребности определяют социальные стратегии и также могут проявляться как на индивидуальном, орга-

низационном, так и на общественном уровнях. Сфера реализации удовлетворения социальных потребностей сосредоточена преимущественно на организационном уровне. При этом данная сфера может осуществляться и на иных общественных уровнях.

В рамках различных форм проявления механизма реализации социального действия присутствуют сами акторы, их потребности, определяющие интересы и мотивы, стратегические цели (характеризующиеся социальными и экономическими средствами достижения), социальная среда (составляющая условия и целевую направленность самого действия). В итоге механизм реализации социального действия на разных уровнях проявляется в конечных социальных, а также социально-экономических результатах. Социальные результаты характеризуются удовлетворением и развитием социальных – биологических, психологических потребностей; социально-экономические результаты – качеством возобновления и развития человеческого капитала (индивида, организации, общества в целом).

Удовлетворение и развитие потребностей является не только основной начинающей фазой формирования социального действия, но и опосредствующей стадией саморазвития биологического, образовательного, интеллектуального человеческого капиталов. В процессе удовлетворения и развития потребностей осуществляются амортизация, восстановление и рост как физического, так и интеллектуального человеческого капиталов. Исходя из данных положений, потребности являются предпосылкой всякого социального действия человека, а расширенное материальное и духовное потребление выступает условием расширенного воспроизводства социума на уровнях как отдельной организации, так и общества в целом.

Проблему развития потребностей абстрактно можно рассматривать с двух сторон. Первая связана с целевым образовательным производством человеческого капитала (целевое развитие потребностей в образовании, знаниях, рост интеллектуальных способностей личностей). Другая определяет непосредственное потребление, определяющее не только удовлетворение непосредственных потребностей и восстановление физических способностей личности, но частичное саморазвитие интеллектуальных потребностей.

Исходя из вышеизложенного, несложно заметить, что повышение эффективности развития потребностей связано не только с ростом непосредственного потребления (рост удовлетворения потребности в пище, одежде, жилье), но и с развитием образования, системы подготовки и переподготовки кадров, здравоохранения, демократизацией управленческих отношений в организациях различных форм собственности. Отмечая активное воздействие образовательной системы на эффективность удовлетворения интеллектуальных потребностей личности, необходимо отметить рост условий организационного взаимодействия как фактора удовлетворенности человека трудом. Труд в современных условиях должен рассматриваться как важнейшая форма социального действия, источник дохода, а также условие прогрессивного развития физических и духовных потребностей акторов, возможности формирования творческих инновационных способностей, хозяйственной инициативы.

Одновременно важно констатировать, что в условиях повышения уровня удовлетворения базовых потребностей в питании, одежде и жилье растет потребность в качественных образовательных услугах, в доступе к управленческой и трудовой инновационной деятельности работников и обучающихся. В данном контексте должен расширяться круг самих потребностей, развиваться социальный комплекс данного явления, возникают новые тенденции к возвышению и облагораживанию потребностей членов отдельных социальных организаций. Создается необходимость оценки и совершенствования потребностей обучающегося населения, формируется необходимость проектного развития его потребностей, создания новых разносторонних потребительских стандартов, обеспечение высоких темпов потребительного роста человеческого капитала обучающихся и работающих акторов. Важно обеспечивать динамичное развитие образовательного воспроизводства интеллектуального человеческого капитала, при котором объем и структура потребляемых благ и услуг соответствовали бы уровню и структуре сформировавшихся социально значимых потребительских нужд.

Примечания

1 *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996. С. 208.

2 См.: *Фролов С. С.* Социология организаций. М., 2001. С. 23–56 ; *Волков Ю. Г.* Социология. Ростов н/Д, 2008. С. 183–184.

3 См.: *Даренков М. Ю.* Потребительная форма человеческого потенциала современной проектно-ориентированной организации // Вест. Поволж. академии гос. службы им. П. А. Столыпина. 2009. № 2. С. 165–170.

4 *Волков Ю. Г.* Указ. соч. С. 181.

5 См.: *Рюкле Х.* Поведение // Организационное поведение : хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2006. С. 355–384.

6 *Bahrdt H. P.* Schlusselbegriffe der Soziologie. Munchen, 1992. S. 31.

7 См.: *Добреньков В. И., Кравченко А. И.* Социология : в 3 т. Т. 3 : Социальные институты и процессы. М., 2000. С 382.

8 *Агабабьян Э. М., Пузин И. Н.* Производство – потребление : перестройка механизма взаимодействия. М., 1991. С. 18.

УДК 316.752.4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕТРАНСЛЯЦИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

П. Б. Поликарпов

Саратовский государственный университет
E-mail: 264364@mail.ru

В статье по материалам социологического исследования анализируется отношение школьников к своему здоровью как социальной ценности, выявляются степень подверженности их вредным привычкам и роль родителей и школы в формировании здоровьесберегающего поведения подростков.

Ключевые слова: первичная социализация, здоровье как социальная ценность, здоровый образ жизни, вредные привычки.

Social Problems Relay Health Saving Behavior Pupils

P. B. Polikarpov

The article on Sociological Research analyzed the ratio of students to their health as a social value, reveals the degree of exposure of their bad habits and the role of parents and schools in the formation of healthy behavior among adolescents.

Key words: primary socialization, health as a social value, healthy lifestyle, bad habits.

Сегодня в России чрезвычайно остро стоит вопрос о социализации подрастающего поколения. Становление социально зрелой личности – это сложный и многообразный путь, процесс возникновения противоречий между индивидом и обществом, адаптация личности к требованиям общества. Особое место занимает разрешение противоречия между декларируемой ценностью здоровья и реальным низким уровнем здоровьесберегающего поведения индивидов. За последние пять лет общая заболеваемость населения России выросла на 23%, заболеваемость детей от 0 до 14 лет – на 56%[1], а подростков 15–17 лет – на 205%[2]. В России зарегистрирован беспрецедентный для мирного времени уровень смертности среди подростков 15–19 лет, намного опережающий аналогичный показатель не только в развитых странах, но и в государствах Центральной и Восточной Европы[3]. При этом основными причинами смерти являются внешние причины – травмы в результате несчастных случаев, отравления, самоубийства или насилие. На их долю приходится 80% случаев раннего ухода из жизни. Риск смерти для юношей примерно в 3 раза выше, чем для девушек (уровень смертности на 100 тыс. составляет соответственно 147,5 и 62,0), что объясняется большей вероятностью для юношей умереть от внешних причин (115,1 для юношей против 40,5 для девушек). Пиво, табак, наркотики, ранний секс – стали атрибутами молодежной среды XXI в.[4]

Особую роль здесь играют детство и отрочество, которые являются периодом первичной социализации человека. Этот процесс формирует, главным образом, мотивацию действий. В первичной социализации участвуют институты социализации: семья, детские учреждения, школа, учебно-профессиональные учреждения, вуз. Н. П. Смирнова к участникам воспитательного процесса детских душ причисляет медико-педагогические, молодежные центры, центры планирования семьи, привлечение квалифицированных кадров из среды медицинских работников, психологов, социальных работников[5].

Первичная социализация личности является основной на сложном пути формирования здоровьесберегающего поведения населения, создания стойкой мотивации детей, подростков, юношества к здоровому образу жизни подрастающего поколения. Стиль жизни, который выбирает для себя человек, оказывается далеко не случайным и имеет под собой совершенно определенные основания. Многое здесь зависит от опыта детства, в частности, от того стиля воспитания, которого придерживались родители в отношении своего ребенка. «Родители, программируя жизнь своих детей, передают им свой опыт, всё, чему они научились или думают, что научились. Если они неудачники, то передают свою программу неудачников. Если же они победители, то соответственно программируют и судьбу своего ребенка»[6]. Взрослые способны оценивать нормы, дети преимущественно их осваивают, т. е. в процессе социализации преобладает в первом случае экстериоризация – активное критическое отношение к происходящему, во втором – интериоризация – перевод, усвоение внешних воздействий в свой внутренний мир.

Формирование здоровья школьника в определенной степени зависит от условий обучения, характера учебного процесса, образа жизни ребенка; его нормальный рост и развитие во многом определяется средой, в которой он живет. По оценкам Института возрастной физиологии РАО, от 20 до 40% негативных влияний, ухудшающих здоровье детей школьного возраста, связано со школой. Даже спортивные специализированные школы, которые прививают навыки физической культуры, интерес к занятиям спортом, не могут противостоять засилию рекламы в средствах

© Поликарпов П. Б., 2014

массовой информации и стереотипам общественного мнения, противоречащим нормам здорового образа жизни.

Отчасти работа в данном направлении ведется. В течение ряда лет в образовательных учреждениях Саратовской области работает программа «Основы здорового образа жизни» с подпрограммами для школьных учреждений. Но эта программа имеет форму факультатива, чем, по мнению многих исследователей, обусловлена низкая эффективность профилактической работы[7]. Рост заболеваемости детей остается высоким: 20% дошкольников и 80% школьников имеют хронические заболевания. Уровень детской смертности остается чрезвычайно высоким и превышает западноевропейский в 3–4 раза. Результаты Всероссийской диспансеризации детей показали, что в России отклонения в здоровье имеют 54,9% детей. За последние 7 лет в 2 раза увеличилось число детей, страдающих алкоголизмом, в 3,3 раза – токсикоманией, в 17,5 раз – наркоманией[8]. В данных условиях возрастает потребность в создании стойкой мотивации детей, подростков, юношества к самосохранительным установкам, направленным на здоровый образ жизни. Сохранение и укрепление здоровья школьников является основой в период приобретения высшего образования и подготовки к будущей профессиональной деятельности.

В процессе первичной социализации нынешних школьников изменились ценностные ориентации, во многом определяющие мировоззрение личности, ее поведение в обществе. При этом ценности становятся важным связующим звеном между личностью, ее внутренним миром и окружающей действительностью. Они носят двойственный характер, они социальны, поскольку исторически обусловлены, и индивидуальны, поскольку в них сосредоточен опыт конкретного субъекта. Именно подростковый возраст по праву признается периодом интенсивного формирования ценностей личности, которое опирается на ряд предпосылок: во-первых, определенный уровень умственного развития, способность воспринимать, применять и оценивать соответствующие нормы и поступки; во-вторых, эмоциональное развитие, включая способность к сопереживанию; в-третьих, накопление личного опыта более или менее самостоятельных моральных поступков и последующей их самооценки; в-четвертых, влияние социальной среды, дающей ребенку конкретные примеры нравственного и безнравственного поведения, поощряющей его поступать так или иначе.

Именно в подростковом возрасте достигается необходимый уровень интеллектуального развития, формируется самосознание и накапливается необходимый жизненный опыт[9]. В познании себя, в общении с другими люди в этом возрасте оценивают себя и других с позиций усвоенных норм, уточняя и обобщая эти критерии. Несмотря на зависимость от родителей, от школы, духовных стандартов и культурных запретов, в этом возрасте вырабатывается личность как нечто единственное и неповторимое, как собственный взгляд на мир, религию, моральные нормы и социальное устройство общества. Это период формирования установки на взрослую и серьезную жизнь.

По мнению Л. И. Божовича, именно «с мотивационной сферой тесно связано нравственное развитие подростка, которое существенным образом изменяется именно в переходном возрасте. Усвоение ребенком нравственного образца происходит тогда, когда он совершает реальные нравственные поступки в значимых для него ситуациях. Процессы эти весьма глубинные, поэтому часто изменения, происходящие в области нравственности, остаются незамеченными ни родителями, ни учителями. Но именно в этот период существует возможность оказать нужное влияние, потому что вследствие “недостаточной обобщенности нравственного опыта” нравственные убеждения подростка находятся еще в неустойчивом состоянии»[10].

Подобные выводы подтверждаются результатами исследования[11], представленными в табл. 1, в соответствии с которыми именно родители повлияли на выбор способов проведения досуга и учреждения дополнительного образования основной части воспитанников в возрасте 8–10 лет (41,6% данной возрастной категории). При этом с возрастом важность мнения родителей уступает мнению братьев и сестер, а также друзей и одноклассников, так как для подростков 11–12 лет становится наиболее важным мнение первых (42,9% в данной возрастной категории), а для 13–14-летних – мнение вторых (40% подростков этого возраста).

Большинству подростков (72%) в возрасте 8–14 лет, посещающих объединения бокса, волейбола, футбола, плавания, вязания, игры на фортепьяно, аппликации и т. д., это очень нравятся. Для 18% всех опрошенных посещение учреждений дополнительного образования является значимым, но не основным в их жизни. Лишь только для 6% респондентов занятия в учреждениях ДО не представляются важными.

Сложность протекания периода взросления является основной причиной формирования у подростков ценностных ориентаций, отличных от других возрастных категорий. Так, по результатам исследования, основной жизненной ценностью для большинства подростков является не семья, что свойственно для более старшего возраста, а карьера (36,3% ответов). При этом семья, включающая в себя родителей, бабушек, дедушек, братьев и сестер, становится для подростков второстепенной (31,1%). Для 12,5% наиболее важным становится образование, опережая ценность здоровья (11,6%). Вместе с тем подростки достаточно редко задумываются о собственном

социальном статусе (2,2%), безопасности (0,4), богатстве (0,4%), оценивая выше этого любовь (5,5%). Здоровье оказалось лишь на 4-м месте в данном рейтинге ценностей (рисунок).

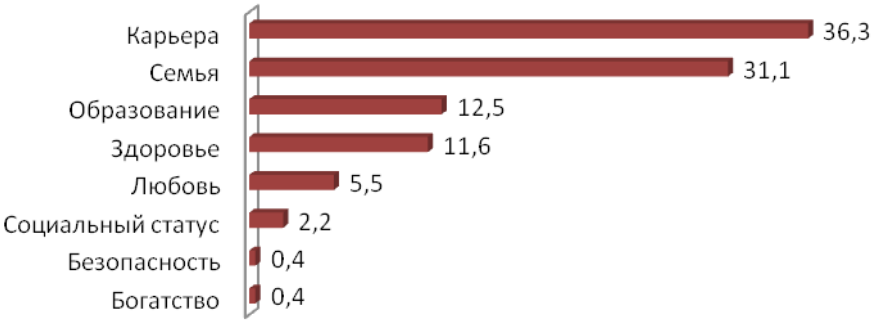
Это подтверждает и рейтинг значимости человеческих качеств. Среди них большинство подростков ценят доброту и заботливость (63,6%), 43,4% – умственные способности человека, 35,7% – любовь к детям, 34,9% – веселый характер (табл. 2).

Вместе с тем объективные характеристики человека не менее значимы для подрастающего поколения. Так, отсутствие вредных привычек важно для 45,3% подростков. Для каждого десятого важна национальность человека (10,9%). Красоту, крепкое здоровье, а также умение одеваться со вкусом ставят на первый план 35,3, 24,0 и 15,1% респондентов соответственно. Хозяйственность и умение материально обеспечить семью является важным для каждого третьего

Таблица 1

Влияние возраста школьников на советы по выбору способов проведения досуга и учреждения дополнительного образования, % по возрастным категориям

Субъекты влияния	8–10 лет	11–12 лет	13–14 лет
Родители	41,6	7,2	10,0
Брат, сестра	4,2	42,9	0,0
Друзья	8,4	14,3	40,0
Лучший друг	24,9	14,3	20,0
Товарищ	4,2	14,3	0,0
Одноклассник	16,7	7,2	30,0
Итого	100,0	100,0	100,0



Ценности современной подрастающей молодежи, %

Таблица 2

Рейтинг человеческих качеств для подростков

Человеческие качества	% от ответов
Доброта, заботливость	16,2
Нет вредных привычек	11,6
Ум	11,1
Любит детей	9,1
Красота	9,0
Веселых характер	8,9
Умение материально обеспечивать семью	8,3
Хозяйственность, умение все делать по дому	8,0
Крепкое здоровье	6,1
Одинаковые со мной интересы и взгляды	5,0
Умение хорошо, со вкусом одеваться	3,9
Одинаковая со мной национальность	2,8
Итого	100,0

подростка (31,4 и 32,6% соответственно). Таким образом, несмотря на то, что здоровье занимает девятое место в рейтинге ценимых подростками качеств, отсутствие вредных привычек – на втором месте. Можно предположить, что отказ от вредных привычек для школьников связан не столько с их отрицательным влиянием на здоровье, сколько с модой на здоровый образ жизни и общественные стандарты поведения.

Исследование показало, что здоровье занимает четвертое место в системе ценностей, оно является необходимым условием полноценной жизнедеятельности; но ряд социальных факторов, в том числе отказ от процедур закаливания организма (71,4%), употребление алкоголя (28,7%), увлечение табакокурением (36,9%), говорит о противоречивости взглядов на здоровый образ жизни и реальным поведением старшеклассников. Факторам риска для здоровья подвергаются 41% юношей и 71% девушек – курят, употребляют алкогольные напитки 1–2 раза в неделю 21% юношей и 14% девушек, по праздникам – 58 и 62% соответственно, что показывает явно выраженную девиантную форму поведения. Следует здесь же отметить отказ от выполнения зарядки и закаливающих процедур: 41% юношей и 48% девушек, 59 и 81% соответственно. В своем окружении школьники имеют лиц, употребляющих наркотики, – 34% юношей и 28% девушек. В такой социальной среде 31% юношей и 24% девушек не придают значения своему питанию. Удовлетворительные знания об отрицательном влиянии экологии на здоровье имеют 41% юношей и 29% девушек.

Наибольшее число школьников (61,7%) считает, что покупка спиртного разрешена с 18 лет. У половины респондентов мнения расходятся. Из числа тех опрошенных, которые учатся в классах с сильной успеваемостью, 69,7% ответили, что покупка спиртного разрешена с 18 лет (это больше, чем средний показатель – 61,7%). На 2-м месте – вариант ответа, что покупка разрешена с 21 года (39%, что меньше, чем средний показатель – 33,3%). И ни один респондент не ответил, что с 16–17 лет. Среди тех опрошенных, которые учатся в классах со слабой успеваемостью, на 1-м месте также стоит ответ, что покупка спиртного разрешена с 18 лет (52,6%, что меньше среднего – 61,7%), на 2-м месте – с 21 года (36,8%, что больше среднего), и на 3-м месте – с 16–17 лет (10,5%). Таким образом, общая успеваемость класса не влияет на относительно высокую степень информированности подростков о цензе на покупку спиртного.

В употреблении алкоголя в компании уличных друзей признаются 80% подростков. Это подтверждается и опубликованными данными[12]. Основными равнозначными мотивами этого являются уход от проблем (33%), снятие усталости от учебной деятельности и следование распространенным стандартам поведения (по 31%). При этом 5% подростков не скрывают, что употребляют алкоголь, чтобы казаться старше. Таким образом, на сегодняшний день алкоголь выступает не только средством компенсации, эскапизма среди подростков, ощущающих свое бессилие в решении многих жизненных проблем, но и средством адаптации подростков к окружающему миру взрослых, где, по их мнению, употребление спиртных напитков является общепризнанным стандартом поведения. Помимо алкоголя, 4% школьников также употребляют наркотики. 16% подростков подвержены влиянию и алкоголя и наркотиков одновременно. Вместе с тем значительная часть подростков не признает асоциальности вредных привычек: 47% подростков, употребляющих алкоголь и наркотики, считают свое поведение отклоняющимся, 52,8% – для современного общества.

Из числа учащихся сильных по успеваемости классов 12% принимали участие в акциях против наркомании и алкоголизма (что меньше среднего показателя – 22%), 88% опрошенных не участвовали в подобных акциях (что больше среднего – 78%). Из числа тех опрошенных, которые учатся в слабых классах, 32% принимали участие в акциях (что больше среднего – 22%), 68% не участвовали в подобном (что меньше среднего – 78%). В целом 22% респондентов указали, что они принимали участие в акциях против алкоголизма и наркомании, и 78% ответили, что нет. Все это наглядно демонстрирует низкий уровень просветительской работы о здравоохранительном поведении в школе.

Источники информированности подростков по проблемам наркомании и алкоголизма представлен в табл. 3. Из числа тех опрошенных, которые учатся в классах с сильной успеваемостью, большинство (39,8%) ответили, что «информацию о данных проблемах получают от учителей» (это больше, чем средний показатель – 37%), 33,4% – от родителей (что почти равно среднему показателю – 34%) и 26,8% обсуждают эти проблемы со сверстниками (что меньше среднего – 29%). Среди тех опрошенных, которые учатся в классах со слабой успеваемостью, на 1-м месте также учителя как источник информации (35%, что меньше среднего – 37%), на 2-м месте – родители (34%, что равно среднему 34%), и со сверстниками обсуждают подобные проблемы 31% (что больше среднего – 29%).Таким образом, родители выступают стабильными источником информации о проблемах наркомании и алкоголизма, хотя и не самым распространенным. В сильных классах доминируют учителя как источники данной информации, в слабых – сверстники.

В табл. 4 представлена взаимосвязь между работой родителей, а именно матери, и отношением подростков к алкоголизму и наркомании. Данные показывают, что у большинства подростков (38,3%) родители работают ИТР, специалистами,

Таблица 3

Источники информации подростков по проблемам наркомании и алкоголизма, % по категориям классов

Источники информации о проблемах наркомании и алкоголизма	Сильные классы	Слабые классы	По выборке
Сверстники	26,8	31,0	29,0
Учителя	39,8	35,0	37,0
Родители	33,4	34,0	34,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 4

Взаимосвязь между отношением подростков к девиациям (алкоголизм, наркомания) и родом деятельности родителей (матери), % по категориям отношения

Род деятельности родителей (матери)	Развлечение	Болезнь	По выборке
Рядовой работник	7,1	24,3	28,4
ИТР, специалист	1,4	40,0	38,3
Руководитель, владелец предприятия	0,0	9,4	8,6
Предприниматель (индивидуальный, мелкий бизнес)	1,4	19,0	18,5
Торговый работник	0,0	6,7	6,2
Итого	100,0	100,0	100,0

у 28,4% родители – рядовые работники, у 18,5% – мелкие предприниматели, руководители или владельцы предприятий – у 8,6% опрошенных и у 6,2% подростков родители – торговые работники.

Из числа тех респондентов, которые считают алкоголизм и наркоманию развлечением, в большинстве своем (7,1%) родители работают рядовыми работниками (это меньше, чем средний показатель – 28,4%), на 2-м месте – ИТР, специалисты и мелкие предприниматели (1,4%, что меньше средних показателей – 31 и 15%).

У тех опрошенных, которые считают эти отклонения болезнью, в основном родители также ИТР, специалисты (31%, что меньше среднего – 38,3%). На 2-м месте – рядовые работники (23%, что меньше среднего 28,4%), на 3-м – мелкие предприниматели (15%, что меньше среднего – 18,5%), на 4-м – руководители или владельцы предприятий (9,4%, что больше среднего – 8,6%), на 5-м – торговые работники (6,7%, что больше среднего – 6,2%). В результате вычисления коэффициента корреляции Спирмана оказалось, что фактор работы родителей является определяющим (0,8), т. е. именно статус родителей и влияет на отношение подростков к этим девиациям.

Из числа подростков, считающих алкоголь и наркоманию развлечением, большая часть родителей имеют высшее образование (65,1%, что больше среднего показателя – 61%), на 2-м месте – неполное высшее и техникум (2%, что меньше показателя – 13%), неполное среднее образование – у 1% (это равно среднему 1%). Из числа респондентов, считающих данные отклонения болезнью, большая часть родителей также имеют высшее образование (5,1%, что меньше среднего – 61%), на 2-м месте – неполное высшее (12,8%, что меньше среднего – 13%), на 3-м – техникум (9,3%, что меньше среднего – 12%), на 4-м – общее среднее образование (7%, что больше среднего – 6%), на 5-м месте – ПТУ (4,6%, что больше среднего – 4%).

Таким образом, в ходе анализа перекрестных таблиц установлено, что подростки имеют высокий уровень осведомленности о видах наркотических веществ и алкогольных напитков. Большинство считают алкоголизм и наркоманию болезнью, а не развлечением и баловством. Но у подростков не хватает информированности о том, излечимы алкоголизм и наркомания или нет. Учащиеся недостаточно просвещены в ряде важных вопросах, например, со скольких лет разрешена покупка спиртного и какое наказание предусмотрено за употребление, хранение и распространение наркотиков. Подавляющее большинство опрошенных не участвовали в акциях против алкоголизма и наркомании, следовательно, в среде подростков не проводилась агитация к участию в различных акциях или же в школе недостаточно мероприятий подобного рода. Но, как выяснилось, больше всего обсуждают проблемы алкоголизма и наркомании с подростками учителя, а не родители. Таким образом, потребность в проведении таких мероприятий есть, но до конца она не реализована, что и сказывается на проявлении отношения подростков к данным видам девиации.

Наше внимание привлек интересный факт: 29% опрошенных употребляют алкоголь именно с родителями. Причем 69% подростков посоветовали бы своему другу (подруге), попавшему в алкогольную или наркотическую зависимость, обратиться к врачу, а не к родителям. Семья – это социальный институт, в котором происходит нравственная формация личности молодых людей, и именно семья должна формировать отрицательное отношение к алкоголю, а не наоборот. Но защищенными от этой беды себя чувствуют

всего 47% опрошенных, 26% не знают, защищены они или нет от этого зла, и 27% подростков не считают себя защищенными, следовательно, существует группа старшеклассников, которые не защищены от алкоголизма и наркомании или уже испытывают на себе их пагубное воздействие.

Таким образом, результаты исследования показали, что подростки недостаточно осведомлены о той опасности, которая может им угрожать за стенами школы, в компаниях и в кругу друзей. Тем более что мероприятий, направленных на просвещение и пропаганду здорового образа жизни, проводится недостаточно, а в тех, что проводятся, подростки не участвуют (в нашем случае 83%). Выбор и круг этих мероприятий определяются не теми, кто в них предположительно должен участвовать, для кого они организуются, а самими организаторами. А ведь эффективные меры – это мероприятия, направленные на изменение общественного мнения.

Безусловно, этот формализм в воспитательной работе школы не остается незамеченным подростками и порождает стремление ребят к неформальному общению. Назидания и нравоучения родителей, а порой и элементарная некомпетентность учителей все более отдаляют их от воспитуемых, уводят последних на улицу – туда, где нет «нельзя», «вредно» и «плохо», где можно себя проявить, реализовать свою самостоятельность. Необходимо создание комплексных социальных программ, которые объединили бы общие неформальные усилия воспитателей детских дошкольных учреждений, педагогов школы, средства массовой информации и родителей на создание стойкой мотивации детей, подростков, юношества к здоровьесберегающим установкам, направленным на здоровый образ жизни.

Примечания

1. См.: Здравоохранение в России. Российский статистический сборник. М., 2014. С. 141–142.
2. См.: Российский статистический ежегодник. М., 2014. С. 279–280, 287–288.
3. См.: TransMONEE 2010 DATABASE. UNICEF Innocenti Research Centre. URL: www.unicef-irc.org (дата обращения: 17.04.2014).
4. См.: *Кислицына О. А.* Современные подростки – поколение, которое потеряла Россия? // Здоровье и социально-демографические процессы в России : сб. ст. / под ред. А. Ю. Шевякова. М., 2010. С. 148–160.
5. См.: *Смирнова Н. П.* Охрана репродуктивного здоровья – путь улучшения демографической ситуации // Демографическое развитие : проблемы и перспективы : материалы обл. науч.-практ. конф. (Саратов, 22 декабря 2006 г.). Саратов, 2007. С 37.
6. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992. С. 180.
7. См.: *Шклярук В. Я.* Самосохранительное поведение как фактор преодоления депопуляции населения России. Саратов, 2009. С. 20.
8. См.: *Колеченков Н. В., Сологуб Л. Г.* Что происходит в демографическом развитии России? // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 3. С. 202.
9. См.: *Кон И. С.* Психология ранней юности : книга для учителя. М., 1989. С. 243–244.
10. *Обухова Л. Ф.* Возрастная психология : учебник для вузов. М., 2007. С. 319.
11. Исследование «Мониторинг досуговых предпочтений молодежи» проведено в 2013 г. на базе ЦРСИ СГУ. Объем выборочной совокупности составил 305 человек. Были опрошены учащиеся 5–11 классов лицея гуманитарных наук и школ № 3, 34, 40 г. Саратова.
12. См.: *Нургалиев Р.* Свыше 80 процентов российских подростков пьют алкогольные напитки // Рос. газ. 2010. 6 окт.

УДК 316.454.54

ЭВОЛЮЦИЯ ДРУЖБЫ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

М. А. Шедловская

Саратовский государственный университет
E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

В статье анализируется процесс эволюции социальных представлений о дружбе, процесс ее трансформации из ритуального побратимства, через рыцарскую, гуманистическую дружбу в романтическую, сподвижническое товарищество и, наконец, в современный институт межличностных отношений. Уточняются объективные и субъективные факторы этой эволюции – постепенное усиление социальной дифференциации, увеличение роли добровольности и индивидуальной избирательности, усиление роли эмпатии и эмоциональности, относительной неформальности, неопределенности социальной ответственности при снижении жесткости социального контроля.

Ключевые слова: дружба как социальные институт, ритуализованная, рыцарская, гуманистическая, романтическая дружба, товарищество, неформальный социальный институт.

Evolution of Friendship as a Social Phenomenon: Sociological Discourse

M. A. Schedlowski

The article analyzes the evolution of social representations of friendship, the process of transformation of the ritual of fraternity

© Шедловская М. А., 2014

through the chivalrous, romantic humanist friendship, partnership spodvizhnicheskoe and finally in the modern institution of interpersonal relations. Clarifies the objective and subjective factors of this evolution – a gradual strengthening of social differentiation, increasing the role of the voluntary and individual selectivity, strengthening the role of empathy and emotion, the relative informality, uncertainty, social responsibility, with softening of social control.

Key words: friendship as a social institution, ritualized, courtly, humanistic, romantic friendship, administration, informal social institution.

Социальная история дружбы – история не только чувств, но и социального института дружбы, и того языка, «дискурса», которым она описывается. В разные периоды истории понятие «дружба» наполняется разным содержанием. В древнейших обществах, где личные отношения еще не отделены от общественных, дружба выступает прежде всего как социальный институт, где права и обязанности друзей строго регламентированы. Особое значение имела мужская воинская дружба. Лучше всего это видно на примере Древней Греции, которая издавна считается царством дружбы, а имена Кастора и Полидевка, Ореста и Пилада, Ахилла и Патрокла стали нарицательными[1].

Однако античный канон дружбы исторически развивался. Первоначально греческое слово «филия» (дружба) было синонимом кровного родства. Затем дружба превращается в самостоятельный институт, который ставится выше всех прочих общественных отношений. Изначальной формой дружбы было побратимство, которое можно интерпретировать как ритуализованные личные отношения между индивидами, независимо от их кровнородственной или территориально-общинной принадлежности[2]. Эти отношения существовали у многих народов, часто совпадали с обрядом инициации, хотя способы заключения дружбы, и ее конкретные социальные функции, и ее символизация были весьма многообразны[3]. Такая дружба, предусматривающая прежде всего взаимную помощь, особенно материальную, считалась священной и принципиально нерасторжимой.

Эту форму дружбы, по мнению Ш. Эйзенштадта, отличали четыре признака: во-первых, партикуляристские: взаимные обязательства их участников всегда подразумевают конкретного другого (в отличие от торговых отношений, регулируемых общими правилами), что сближает ритуализованные личные отношения с родством; во-вторых, личные: в отличие от кровного родства или «заданной» принадлежности к возрастной группе, побратимство связывает людей личными, индивидуальными узами; в-третьих, добровольные: создаются путем свободного индивидуального соглашения, что также отличает их от родственных отношений; в-четвертых, полностью институциальные: права и обязанности друзей по отношению друг к другу и к общине жестко фиксированы и охраняются традицией. И это решительно отличает их от современной дружбы[4].

С точки зрения привычного противопоставления деловых, «инструментальных» отношений («службы») и эмоционально-личностной близости («дружбы») древняя ритуализованная дружба внутренне противоречива, поскольку личное начало и добровольность сочетаются в ней с жесткой регламентацией поведения[5]. Таким образом, ритуализованная дружба – особого рода механизм социальной интеграции, разрядки внутригрупповой и межгрупповой напряженности, способ перехода от кровнородственных к индивидуально-избирательным отношениям. Институциональный характер позволял другу-побратиму занимать определенное место в социальной структуре местного сообщества. Однако позже Аристотель[6] и Платон[7] задавались вопросом, что делает одного человека привлекательным для другого. Иными словами, уже в Античности проявилась тенденция осмысления индивидуально-избирательного характера дружбы.

В раннем Средневековье восхваляются и поэтизируются героическая рыцарская дружба, воинское братство и побратимство[8]. В середине XVIII в. К. Гельвеций писал, что «во времена рыцарства, когда выбирали себе товарища по оружию, когда два рыцаря делили славу и опасность, когда трусость одного могла стоить жизни и потери чести другому»[9], дружба, несомненно, была более избирательной и прочной. Напротив, при «настоящей форме правления» (французский абсолютизм) «частные лица не связаны никаким общим интересом… И нет больше дружбы; со словом “друг” уже не связывают тех представлений, которые связывали раньше…»[10]. Важнейшей предпосылкой средневековой дружбы стало внутрисословное равенство, иерархическая взаимозависимость. Таким образом, средневековая рыцарская дружба продолжала быть социальным институтом, менее жестким, чем ритуальное побратимство, но более избирательным, иерархизированным и эмоциональным

В начале Нового времени дружеские чувства противопоставляются отношениям, основанным на сословной принадлежности. Для гуманистов эпохи Возрождения дружба – это самое естественное и высокое человеческое чувство. Гуманистический дискурс дружбы выдвигает на первый план интеллектуальное общение, что означало разрыв с феодально-рыцарской традицией. Важнейшей предпосылкой дружбы стало не сословное равенство, иерархическая взаимозависимость, а общность духовных интересов, которой можно гордиться. Вместе с тем в XVI в. М. Монтень писал, что для возникновения настоящей дружбы «требуется совпадение стольких обстоятельств, что и то много, если судьба ниспосылает ее один раз в три столетия»[11]. В XVII в. на расчетливость и своекорыстие дружбы «жаловался» Ф. Бэкон[12].

Быт постепенно индивидуализируется, люди отгораживаются друг от друга, потребность в коммуникации и самовыражении, напротив, усиливается. Одним из проявлений этого было рождение новой концепции дружбы – романтической, освобожденной от влияния религии и построенной на индивидуализации человеческих отношений. Романтики конца XVIII – начала XIX в. создали культ нежной лирической дружбы, главной ценностью которой является интимность межличностных отношений и самораскрытие собственного «Я». М. Монтень, например, ставил дружбу даже выше супружеской любви[13]. Если отвлечься от индивидуальных нюансов, романтический институт дружбы означал резкое повышение требований к её интимности и экспрессивности и ассоциацию «истинной дружбы» с юностью. Оба эти момента тесно связаны друг с другом.

Новый тип дружеского общения возникает в студенческой среде, прежде всего, как антитеза семейной скованности и формализму университетской системы. В Германии начало этого процесса относится к 70-м гг. XVIII в. В это время в немецких университетах создаются тесные дружеские кружки молодых людей, объединяемых общими интересами и личной привязанностью. Вместе с изменением состава и структуры дружеских кружков менялась и их эмоциональная тональность. Первые такие кружки культивировали настроения коллективного веселья. Более поздние кружки имеют уже иную настроенность: веселая групповая дружба уступает место интимному союзу избранных сердец[14].

Эволюция дружбы русской молодежи начала XIX в. проходила аналогично. Молодой В. А. Жуковский в дневниках и переписке определяет дружбу как главную жизненную добродетель, пишет о своем желании «сделаться достойным дружбы». Для него дружба «есть все, только не в одном человеке, а в двух (много в трех или четырех, но чем больше, тем лучше)». Высшей похвалой себе он считает, если о нем скажут, что «он истинный друг»[15]. У поколения А. С. Пушкина стиль дружбы уже иной. В произведениях лицейского периода (например в стихотворении «Друзьям») дружба описывается преимущественно в тонах бесшабашного группового веселья[16]. Однако в более поздних работах зрелого Пушкина «блаженство дружбы» это – «приют любви и вольных муз», а друзья – уже не просто веселые, интересные собеседники, а прежде всего единомышленники[17]. Но личная преданность и верность романтической дружбе сочетаются у этого поколения с внутренней закрытостью, сохранением определенной социальной дистанции.

Позже концепция романтической дружбы сменилась концепцией сподвижнической дружбы. Не случайно особенно тесная дружба и взаимная привязанность складывались в среде участников народнического, революционного движения, которое невозможно без доверия и сплоченности. Ярчайший пример тому – дружба Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Герцена и Огарева и пр. Как ни важны для поддержания дружбы взаимная симпатия и душевная близость, они всегда предполагают общность интересов и реальной личностно и социально значимой деятельности.

В XX в. заговорили об оскудении дружбы под влиянием урбанизации, ускорения темпов социального обновления и возникновения массового общества и рыночных отношений. Как писал Антуан де Сент-Экзюпери, «узнать можно только те вещи, которые приручишь… У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей»[18]. Этому способствует деперсонализация человеческих отношений под влиянием рыночной экономики, анонимность жизни в городах, рост социальной мобильности, не позволяющей людям узнавать друг друга и поддерживать стабильные отношения, кризис идентичности, развитие средств массовой коммуникации, мобильных телефонов, Интернета. Однако это не означает отсутствия дружбы как социального феномена. Скорее речь идет о его трансформации.

Современные толковые словари определяют дружбу (friendship) как близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов и т. д.[19] Этимологический анализ понятий «друг» и «дружба» в разных языках показывает их тесную связь со словами, обозначающими родство, товарищество (особенно воинское) и любовь. Так, древнеславянское слово «дроужьба» обозначало: близость, товарищество, общество. Обращение «друзья и братья», сегодня имеющее метафорический смысл, некогда звучало буквально и предполагало институциональные характеристики. Связь понятий дружбы и родства сохраняется очень долго и у разных народов[20]. За общностью этимологических корней, объединяющих понятия любви, близости, кровного родства, свободы и воинского союза, прослеживается первоначальная нерасчлененность общественных и личных отношений и сопутствующих им эмоций[21].

Сегодня дружба выступает как одна из форм проявления социальных представлений в межличностных отношениях и неформальный социальный институт. Современные нравственные нормы и ценности дружбы таковы, что выделяют ее из всех других отношений. Например, известно, что каждый индивид имеет свое «личное пространство», вторжение в которое, например попытка прикосновения, воспринимается как агрессия, вызывая инстинктивный отпор. Однако для отдельных личностей делается исключение, непосредственный телесный контакт с ними воспринимается как ласка и проявление

близости[22]. Такими знаками интимности служат похлопывание по плечу, прикосновения, шлепки и т. п. Иными словами, дружеская интимность проявляется как добровольное, по взаимному согласию нарушение телесных границ и общепринятых норм этикета[23].

Как показал анализ, эволюция дружбы неразрывно связана с такими фундаментальными макросоциальными процессами, как дифференциация социальной структуры и индивидуализация (персонализация) человека[24]. Подводя итог, еще раз подчеркнем, что по мере эволюции социума изменялся социальный институт дружбы, трансформируясь из ритуального побратимства, через рыцарскую дружбу, гуманистическую дружбу в романтическую, сподвижническое товарищество и, наконец, в современный институт межличностных отношений. Это происходило под влиянием тенденций усиления социальной дифференциации, увеличения роли добровольности и индивидуальной избирательности, роли эмпатии и эмоциональности, относительной неформальности, неопределенности социальной ответственности при снижении жесткости социального контроля.

Примечания

1 См.: *Гомер.* Илиада. М., 1960 ; Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы) : сб. ст. / ред. М. С. Петрова. М., 2010. С. 107–121.

2 См.: *Артемова О. Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1987 ; *Берндт Р. М., Берндт К. А.* Мир первых австралийцев. М., 1981 ; *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986 ; *Роуз Ф.* Аборигены Австралии. Традиционное общество. М., 1989.

3 См.: *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М,, 1983.

4 Цит. по: *Кон И. С.* Дружба : Этико-психологический очерк. 3-е изд. М., 1989. С. 8–10.

5 См.: *Кон И. С.* Дружба. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 330 с. URL: http://www.pseudology.org/Kon/Druzhba/index.htm (дата обращения: 14.12.2013).

6 См.: *Аристотель.* Соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 2. С. 127, 183.

7 См.: *Платон.* Соч. : в 3 т. М., 1970–1972. Т. 1. С. 217.

8 См.: *Кардини Ф.* Истоки средневекового рыцарства : пер. с итал. М., 1987.

9 *Гельвеций.* Соч. : в 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 397.

10 Там же. С. 398.

11 *Монтень М.* Опыты : в 3 кн. М., 1954–1960. Кн. 1. С. 237. (Сер. Литературные памятники).

12 См.: *Бэкон Ф.* Соч. : в 2 т.. М., 1971. Т. 1. С. 132–135.

13 См.: *Монтень М.* Указ. соч. С. 239–240.

14 Цит. по: *Кон И. С.* Дружба. С. 110–116.

15 *Жуковский В. А.* Собр. соч. : в 4 т. М. ; Л., 1959–1960. Т. 4. С. 453–454.

16 См.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Т. 1. М. ; Л., 1949. С. 216.

17 Там же. Т 2. С. 365.

18 *Сент-Экзюпери А де.* Сочинения. М., 1964. С. 178.

19 См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972. С. 166 ; Философская энциклопедия : в 5 т. М., 1962. Т. 2. С. 76–77 ; Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М., 1975. С. 82 ; Общая психология / под ред. А. В. Петровского. М., 1970. С. 357.

20 См.: *Преображенский А. Г.* Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1959. Т. 1. С. 198 ; *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. : в 3 т. М., 1958. Т. 1. С. 727.

21 См.: *Кон И. С.* Дружба. 4-е изд., доп. СПб. : Питер, 2005. 330 с. URL: http://www.pseudology.org/Kon/Druzhba/index.htm (дата обращения: 14.12.2013).

22 См.: *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. СПб., 2001.

23 См.: *Пришвин М. М.* Незабудки. М., 1969. С. 167–169

24 См.: История социологии в Западной Европе и США. 2-е изд. / под ред. Г. В. Осипова. М., 2002.

УДК 316. 344. 24

ХАРАКТЕР ТРУДОУСТРОЙСТВА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ КАЗАХСТАНА: ГЕНДЕРНЫЙ СРЕЗ

А. Б. Монтаев

Саратовский государственный университет
E-mail: elim_menim@mail.ru

В статье рассматривается характер трудоустройства по специальности вузовских выпускников Казахстана в рамке гендерного среза. Гендер определен как фактор, влияющий на отношение к своей специальности, самооценке уровня компетентности, значимости работы, профессиональным ожиданиям.

Ключевые слова: гендер, трудоустройство, компетентность, выпускник.

Character of Employment of Graduates by Specialty in Kazakhstan: the Gender Section

A. B. Montaev

This article discusses the nature of the employment of university graduates majoring in Kazakhstan in gender slice. Gender is defined as a factor influencing attitudes towards their profession, self-assessment of their competence level, the importance of work, professional expectations.

Key words: gender, employment, competence, graduate.

© Монтаев А. Б., 2014

Участие молодежи в экономической деятельности характеризуется ее потребностями и возможностями их удовлетворения, которые обусловлены здоровьем, нравственностью, творческими способностями, образованием, профессионализмом. Таким образом, человек в рыночной экономике выступает, с одной стороны, как потребитель экономических благ, производимых организациями, а с другой – как обладатель человеческого потенциала – способностей, знаний и навыков, необходимых организациям, государственным и общественным органам.

Характер трудоустройства социологически измеряется через такие индикаторы, как отношение к своей специальности, самооценка уровня профессиональной компетентности, значимость работы, профессиональные ожидания, уровень финансовой обеспеченности, отношение к работе, сложность трудоустройства. Это связано с тем, что главной целью студенчества является не только обучение, развитие в интеллектуальном плане, но и уверенность в своем выборе специальности и ее востребованности на рынке труда. Также процесс обучения не означает лишь посещение лекционных и практических занятий, оно должно включать удовлетворенность обучающихся по самооценке получаемых знаний. Кроме этого, значительное количество времени студентов занимает самообразование. Однако они сильно зависимы от материального положения своих родителей, которое, как известно, не у всех достаточно высокое. Поэтому студентам зачастую приходится искать работу и зарабатывать деньги самостоятельно, делая это в ущерб своему образованию. При этом и качество трудовой жизни у них находится на достаточно низком уровне.

В декабре 2013 г. было проведено социологическое исследование методом анкетирования, нацеленное на изучение стратегий вузовских выпускников Казахстана в сфере занятости (целевая выборочная совокупность составила 300 человек – выпускников всех факультетов Западно-Казахстанского аграрно-технического университета им. Жангир хана и Западно-Казахстанского гуманитарного университета им. М. Утемисова). Опрос, проведенный в вузах г. Уральска, позволил выяснить характер трудоустройства вузовских выпускников Казахстана. Анализ в рамках гендерного подхода показал, что получаемая специальность больше нравится юношам (45,4%), чем девушкам (39,5%). При этом значительная доля девушек (46,8%) выбрали вариант «нравится», что показывает заинтересованность в своей специальности. Однако среди выпускников, не определившихся в отношении к своей специальности, юношей (14,4%) больше, чем девушек (13,7%). Возможно, это связано с тем, что при поступлении именно эта часть абитуриентов не была профессионально ориентированной. Из числа тех, кому не нравится выбранная специальность, 3,1% именно юноши. Таким образом, девушки-выпускницы более стабильны в своих профессиональных ориентациях, чем юноши (табл. 1).

Таблица 1

Гендерные особенности отношения выпускников к своей специальности, % по гендеру

Отношение к специальности	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Очень нравится	45,4	39,5	42,1
Нравится	37,1	46,8	42,5
По ситуации	14,4	13,7	14,0
Не нравится	3,1	–	1,4
Итого	100,0	100,0	100,0

При выявлении специфики доходов выпускников выяснилось, что для девушек главной финансовой поддержкой являются стипендия (43,1%), средства родителей (42,6%), заработная плата (7,1%), средства мужа, партнера (5,6%), социальное пособие (1,5%). У юношей рейтинг финансовых доходов несколько иной: значимую позицию занимают средства родителей (37,3%), стипендия (35,3%), на 3-м месте заработная плата (24,8%), менее значимые позиции занимают средства жены, партнера (1,3%), а также социальное пособие (1,3%). Тот факт, что заработная плата оказалась более значимым доходом именно для юношей, свидетельствует о большом стремлении к независимости (табл. 2).

Анализ результатов показал, что юноши (22,2%) чаще оценивают свои знания по специальности на «отлично», чем девушки (18,5%). При этом большая часть девушек (65,3%) выбрали вариант «хорошо», показывая самооценку своей компетентности по специальности (табл. 3). Однако среди выпускников, оценивающих свое знание по специальности на «удовлетворительно», юношей чуть меньше (12,1%), чем девушек (13,7%). Среди тех, кто низко оценивает свою компетентность по специальности, доминируют юноши (5,1%), девушек здесь в 2 раза меньше (2,4%). Таким образом, уровень самооценки компетентности по специальности у девушек выше, чем у юношей, но они более осторожны в максимальной выраженности. Самооценки юношей отличаются биполярной категоричностью.

Таблица 2

Гендерная специфика доходов выпускников, % по гендеру

Источники дохода	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Средства родителей	37,3	42,6	40,29
Заработная плата	24,8	7,1	14,86
Стипендия	35,3	43,1	39,71
Средства мужа (жены), партнера	1,3	5,6	3,71
Социальное пособие	1,3	1,5	1,43
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 3

Влияние гендера на самооценку выпускников своей компетентности, % по гендеру

Самооценка своей компетентности	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Отлично	22,2	18,5	20,2
Хорошо	60,6	65,3	63,2
Удовлетворительно	12,1	13,7	13,0
Плохо	5,1	2,4	3,6
Итого	100,0	100,0	100,0

При выявлении значения работы для выпускников (табл. 4) было обнаружено, что для юношей превалирующими причинами работать является необходимость обеспечить собственную семью (жену, детей, родителей) (32,3%), возможность проявить себя, осуществить свои планы (24,2%), необходимость в средствах существования (17,2%). У девушек рейтинг причин работать несколько иной: возможность проявить себя, осуществить свои планы (31,1%), необходимость обеспечить себе средства существования (23,8%), необходимость обеспечить собственную семью (мужа, детей, родителей) (15,6%). Тот факт, что для юношей важнее, чем для девушек, оказался стимул «необходимость обеспечить семью», говорит не только о традиционной функции мужчин в семье, но и показывает адекватность понимания своей ответственности.

В ходе анализа предполагаемого характера трудоустройства по специальности вузовских выпускников было выявлено, что большинство вы-

Таблица 4

Влияние гендера на значимость работы для выпускников, % по гендеру

Значимость работы	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Необходимость обеспечить себе средства существования	17,2	23,8	20,8
Возможность иметь деньги для личных нужд	11,1	13,1	12,2
Работа позволяет установить контакты и связи, которые могут пригодиться в будущем	11,1	11,5	11,3
Необходимость обеспечивать собственную семью (мужа, жену, детей, родителей)	32,3	15,6	23,1
Возможность общения	3,0	2,5	2,7
Возможность получения общественной поддержки, одобрения.		0,8	0,5
Возможность проявить себя, осуществить свои планы	24,2	31,1	28,1
Неприятная обязанность, если бы мог, вообще бы не работал	1,0	1,6	1,4
Итого	100,0	100,0	100,0

пускников будут трудоустраиваться с большим трудом. Это характерно как для юношей (50%), так и для девушек (46,2%). Понимание того, что потребуется приложение небольших усилий для трудоустройства, свойственно больше девушкам (45,2%), чем юношам (41,3%); 5% юношей и 5,8% девушек полагают, что это будет легко. Крайне пессимистичную позицию, согласно которой трудоустроиться будет невозможно, разделяют 3,8% юношей и 2,9% девушек. Таким образом, большинство выпускников уверены в трудоустройстве по своей специальности (табл. 5).

Таблица 5

Влияние гендера на предполагаемый характер трудоустройства по специальности, % по гендеру

Характер трудоустройства	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Легко	5,0	5,8	5,4
Приложив небольшие усилия	41,3	45,2	43,5
С большим трудом	50,0	46,2	47,8
Практически невозможно	3,8	2,9	3,3
Итого	100,0	100,0	100,0

Анализ результатов показал, что большинство (90%) выпускников готовы в крайней необходимости обратиться в службу занятости по вопросу поиска работы (юноши – 89%, девушки – 91,2%). Не готовы в случае крайней необходимости обратиться в службу занятости по вопросу поиска работы 11% юношей и 8,8% девушек (табл. 6). Вероятно, это связано с относительно большим недоверием юношей к официальным государственным структурам.

Таблица 6

Возможность обращения в службу занятости, гендерный срез, % по гендеру

Обращение в службу занятости	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Да	89,0	91,2	90,2
Нет	11,0	8,8	9,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Также была выявлена высокая степень готовности выпускников в случае крайней необходимости устроиться на менее оплачиваемую работу (табл. 7). К этому готовы 77,5% юношей и 83,9% девушек. Возможно, это связано с тем, что девушки ориентированы не на заработок, а на карьеру. Юноши более заинтересованы в заработанной плате, нежели в карьере.

Таблица 7

Влияние пола на готовность к менее оплачиваемой работе, % по гендеру

Готовность к менее оплачиваемой работе	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Да	77,5	83,9	81,0
Нет	22,5	16,1	19,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Юноши считают, что вуз поддерживает их в трудоустройстве предоставлением информации (33%), рекомендаций (16%), обеспечением стажировки с последующим трудоустройством (15%), профессиональным устройством на конкретную работу (6%). У девушек по этому вопросу мнения несколько иные: информационную поддержку ощущают 37,3% выпускниц, рекомендательную – 24,6%, обеспечение стажировки с последующим трудоустройством – 14,3%, профессиональное устройство на конкретную работу – 10,3%. Полагающих, что вуз не оказывает поддержки в трудоустройстве, среди юношей (30%) в 2 раза больше, чем среди девушек (13,5%) (табл. 8). То, что значительная часть юношей считают, что вуз не оказывает поддержки в трудоустройстве, еще раз доказывает их относительное недоверие к государственной структуре, видимо, им хотелось больше получать конкретной помощи в трудоустройстве от вуза.

Результат исследования показал, что чуть больше девушек-выпускниц (94,4%) считают необходимым принятие закона о выделении рабочих мест, чем юношей (94,1%) (табл. 9). Это говорит о том, что девушки-выпускницы в большей степени настроены на защиту со стороны

Таблица 8

Гендерная специфика мнения выпускников о способах поддержки вуза в трудоустройстве, % по гендеру

Мнение о поддержке вуза в трудоустройстве	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Информационная	33,0	37,3	35,4
Рекомендательная	16,0	24,6	20,8
Профессиональное устройство на конкретную работу	6,0	10,3	8,4
Обеспечение стажировки с последующим трудоустройством	15,0	14,3	14,6
Не оказывает поддержки	30,0	13,5	20,8
Итого	100,0	100,0	100,0

Таблица 9

Влияние пола на мнение выпускников о необходимости закона о квотировании рабочих мест, % по гендеру

Мнение о необходимости закона о квотировании рабочих мест	Пол		По выборке
	Мужской	Женский	
Да	94,1	94,4	94,3
Нет	5,9	5,6	5,7
Итого	100,0	100,0	100,0

государства особой социальной программой. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости повышения внешнего контроля за процессом трудоустройства.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что гендерная идентичность оказывает значимое влияние на характер профессионального трудоустройства выпускников вузов Казахстана. Так девушки-выпускницы более стабильны в своих профессиональных ориентациях, чем юноши. У них выше уровень самооценки своей компетентности по специальности, чем у юношей, но они более осторожны в максимальной выраженности, самооценки юношей отличаются биполярной категоричностью. Для юношей важнее, чем для девушек, оказался стимул обеспечения семьи. Большинство выпускников уверены в трудоустройстве по своей специальности, но готовы обращаться в службу занятости по вопросу поиска работы. Было выявлена высокая степень готовности выпускников в случае крайней необходимости устроиться на менее оплачиваемую работу. Девушки больше ориентированы на карьеру, чем на заработок, юноши более заинтересованы в заработанной плате, нежели в карьере. Каждый третий юноша (в 2 раза больше, чем среди девушек) не удовлетворен поддержкой вуза в трудоустройстве. Это свидетельствует о необходимости повышения внешнего контроля вуза за процессом и характером трудоустройства выпускников.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 328. 36

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИИ

А. А. Вилков

Саратовский государственный университет
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены основные направления анализа накопившихся проблем российской деревни в отечественном обществознании в контексте актуализации политики обеспечения продовольственной безопасности современной России. Особое внимание уделено анализу имеющейся литературы по различным аспектам политизации вопросов продовольственной безопасности в условиях кризиса международных отношений, изучению проблематики социально-политических настроений и ориентаций российского крестьянства, политических механизмов активизации его социальных ресурсов и участия в модернизации аграрного сектора современной России.
Ключевые слова: аграрная политика РФ, социальные проблемы российской деревни, политика обеспечения продовольственной безопасности, политические интересы российского крестьянства.

Political Aspects of Food Safety Supply in Russia within a Framework of Modern Social Sciences

A. A. Vilkov

The article examines the main branches of analysis of accumulated problems of the Russian countryside in the national social sciences within the context of policy of food safety supply in contemporary Russia. Special attention is accorded to analysis of the literature on various aspects of politicization of food safety issues within international relations' crisis, the way social and economic moods and orientations of Russian peasantry are explored, political mechanisms of activation of its social resources and participation in modernization of agricultural sector of the modern Russian economy.
Key words: agricultural policy of Russia, social problems of the Russian countryside, policy of food safety supply, political interests of the Russian peasantry.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Проблема продовольственной безопасности имеет как междисциплинарную, так и специфически политологическую актуальность. Первая определяется негативными тенденциями, проявившимися в последние десятилетия в российской деревне, не только в экономической, но и в социальной, культурной, духовной сферах. Каждая из данных сфер нуждается во всестороннем объективном исследовании в рамках соответствующих наук. В то же время имеет смысл изначально ориентироваться на междисциплинарный подход с учетом, что все эти сферы есть различные грани одного и того же предмета исследования и связаны с особенностями сельского образа жизни и спецификой сельскохозяйственного производства в современной России.

Политологическая актуальность, с одной стороны, определяется общемировой тенденцией политизации вопросов продовольственной безопасности в жизни развитых государств современного мира и, соответственно, выдвижением тематики продовольственной безопасности в ряд первостепенных проблем международной и внутренней политики. С другой стороны, обострение международного кризиса в связи событиями на Украине выпукло обозначило застаревшую, но

© Вилков А. А., 2014

не утратившую своего стратегического значения типично российскую проблему – кризисное состояние аграрного сектора в целом в постсоветский период. Без понимания данной проблемы невозможно объяснить, почему колоссальный природный потенциал для сельскохозяйственного производства в России не приносит должной отдачи, соответствующей современным технологическим возможностям.

Масштаб и острота кризисных явлений в российской деревне в последние годы признаются на официальном уровне. Одним из свидетельств тому стало принятие в 2002 г. и реализация федеральной целевой программы «Социальное развитие села до 2013 года»[1], приоритетных национальных проектов «Развитие агропромышленного комплекса»[2], «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы»[3], которые создали определенные предпосылки для укрепления производственного и инфраструктурного потенциала сельских территорий, способствовали повышению занятости и доходов сельского населения, решению вопросов улучшения их жилищных условий и социальной среды обитания.

Тем не менее, в 2013 г. была принята еще одна федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года», в которой констатировалось, что «интегральный эффект от негативного социально-экономического развития сельских территорий выражается в сокращении в 2010 году количества сельских населенных пунктов по сравнению с 1989 годом на 9,2 тысячи сел и деревень. Количество сельских населенных пунктов без проживающего населения увеличилось с 9,4 тысячи в 1989 году до 19,4 тысячи в 2010 году. Населенные пункты с населением до 10 человек в 2010 году составили 23,7 процента»[4]. В качестве одной из причин такой неблагоприятной ситуации в комплексном развитии села был отмечен крайне низкий уровень комфортности проживания в сельской местности. За этими сухими показателями скрывается драма миллионов сельских жителей, которые в мирное время в силу различных обстоятельств вынуждены были оставить свою малую родину и искать новое место жительства и работу в разных городах и крупных населенных пунктах постсоветской России.

Кризисные явления в аграрном секторе привели к тому, что еще в феврале 2010 г. была утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации[5], в которой определены критичные для России продукты и минимальный уровень их собственного производства. Для ее реализации государство увеличило субсидии на развитие сельского хозяйства, однако обострение международных отношений в 2014 г. и начавшаяся «война санкций» показали, что современное состояние российской деревни наиболее адекватно можно определить как сложное и противоречивое. С одной стороны – очередные победные реляции о намолоте хлеба, достаточного не только для удовлетворения собственных потребностей, но и для экспорта. Показатели последних лет свидетельствуют, что выполнены условия доктрины (или близки к запланированным) по картофелю, сахару, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам. С другой стороны – остается существенная зависимость России по мясу, молоку, фруктам и целому ряду других продуктов, ставших для россиян привычными в повседневном рационе.

Стратегическое значение проблемы обусловлено тем, что в России сосредоточено 8,9% пашни, 2,6% пастбищ от мировых сельскохозяйственных угодий, однако доля страны в мировом сельскохозяйственном производстве существенно ниже: в производстве молока и корнеплодов – около 5%; зерновых, зернобобовых, яиц – около 3%; мяса – около 2%. Производительность труда в сельском хозяйстве России, согласно расчетам Всероссийского НИИ экономики сельского хозяйства, относительно ее уровня, например, в этой же отрасли США в целом в 8,5 раза ниже. Это говорит о том, что имеющийся сельскохозяйственный потенциал используется недостаточно эффективно и нуждается в интенсификации, невозможной без подключения политических механизмов активизации социального ресурса села.

Научная значимость анализа политической субъектности сельских социумов состоит в том, что позволяет сделать акцент не только на институциональных механизмах стимулирования развития сельского хозяйства, но и на субъективной составляющей этого процесса, на анализе качества социального капитала проводимых преобразований. От настроения и психологической готовности жителей в конкретных селах сотрудничать с властью в решении задач продовольственной безопасности и развития деревни в целом в определяющей степени зависит эффективность государственных программ развития АПК. Кроме того, важно учитывать, что именно деревня является главным хранителем и транслятором традиционных российских культурных ценностей, что также является одним из факторов актуализации обозначенной проблемы.

Изучением проблем продовольственной безопасности и развития российского сельского хозяйства в целом занимаются многие исследовательские центры. Например, на данной проблематике специализируются: Аграрный центр МГУ (Евразийский Центр по продовольственной безопасности); Научно-образовательный центр «Национальный центр продовольственной безопасности» (НОЦ НЦПБ); Московский государственный университет пищевых производств; Институт аграрных проблем РАН (Саратов);

ГНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства» Россельхозакадемии. Кроме того, проблемы российской деревни изучают многие представители вузовской науки.

Имеющаяся новейшая литература по проблемам российской деревни достаточно обширна. Значительное место в исследованиях отводится экономическим аспектам реформирования сельского хозяйства в постсоветской России и особенностям методов государственного регулирования и взаимодействия форм хозяйствования в АПК в современных условиях[6].

По утверждению академика Л. Абалкина, российская аграрная проблема не просто относится к разряду «вечных», но справедливо оценивалась им по глубине и сложности как трагедия, покончить с которой возможно лишь на основе продуманной долгосрочной стратегии государства и общества. По его мнению, «в политических и общественных дискуссиях, в научном сообществе и в средствах массовой информации упор делается на решении текущих вопросов. Такой подход лишает нас исторической памяти и не позволяет выйти из тупиков, в которые заводят многие политические и хозяйственные решения. Внимательный и объективный анализ истории с октября 1917 г. показывает, что аграрная трагедия в России продолжалась при всех режимах. Это было при В. Ленине и И. Сталине, при Н. Хрущеве и Л. Брежневе, при М. Горбачеве и Б. Ельцине, да и сейчас при В. Путине и Д. Медведеве»[7].

Как представляется, эта вечная трагедия была обусловлена тем, что деревня во все времена рассматривалась российскими правителями как бездонный неиссякаемый источник социальных и материальных ресурсов для обеспечения разнообразных потребностей государства, армии и управленческого аппарата. Не случайно, что в массовом сознании достаточно прочно закрепилась циничная фраза «берегите пушки, а солдат бабы еще нарожают», которая приписывается то Петру I, то российским военачальникам различных эпох и которая вошла в отечественные литературу и кино.

Достоверно то, что И. Сталин в ходе подготовки массовой коллективизации открыто заявлял о неизбежности взятия «дани» с российского крестьянства. Обозначая в 1928 г. необходимые источники накопления для проведения социалистических преобразований, он подчеркивал, что крестьянство платит государству не только прямые и косвенные налоги, но «еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности… и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты. Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе и крестьянство. Это есть нечто вроде “дани”, нечто вроде сверхналога, который мы вынуждены брать временно…»[8]. Последующая история показала, что эта «временная дань» в открытом виде взималась с колхозов более двух десятилетий, а все последующие десятилетия – в завуалированном виде в результате планового неэквивалентного обмена между городом и деревней. Полностью дисбаланс не был устранен даже в 1970–1980-е гг., когда колхозы и совхозы стали получать достаточно большое количество сельскохозяйственной техники и средств на развитие производственной и социальной инфраструктуры села.

Не устранил неэквивалентный обмен и переход к рыночной экономике. По мнению академика РАСХН И. Н. Буздалова, продолжается масштабная «перекачка» (экономически необоснованное и социально несправедливое изъятие) ресурсов деревни «в пользу государства, партнеров по АПК, посредников и прочих субъектов монопольного окружения отрасли… в результате возрастает угроза не только продовольственной, но и общей национальной безопасности страны»[9]. С учетом того, что пополнение современной российской армии в значительной степени осуществляется за счет призывников из деревни, данная оценка, на наш взгляд, имеет не только метафорический, но и прямой смысл.

Постоянное внимание проблематике современной российской деревни уделяют представители социологии[10]. Акцент в данных работах сделан на социальных последствиях радикального реформирования аграрной сферы в постсоветский период, на проблематике социальных настроений российского крестьянства, на особенностях его образа жизни в рыночных условиях, на изменениях в структуре сельского населения.

Некоторые авторы исследуют взаимосвязь экономического положения современного российского крестьянства, его производственных ресурсов и возможностей, размеров имеющихся наделов с его социально-психологическими настроениями и потребительскими практиками[11]. Данное направление, основанное на материалах масштабного мониторинга современного российского села, представляется очень важным, но недостаточным для выявления социально-политических настроений крестьянства, мотивации его участия в экономической деятельности и в общественно-политической жизни, для определения его социального потенциала в решении проблем обеспечения продовольственной безопасности страны.

Признанными в научном мире считаются работы саратовских исследователей[12], продолжающих традиции социологического изучения проблем села, заложенные известным аграрником В. Б. Островским. По их расчетам, «шестикратное уменьшение по сравнению с 1990 г. сельских тружеников обусловлено тем, что сложившаяся структура сельскохозяйственного производства сделала излишними более 7 млн человек. Это

трудоспособные люди, которые при разумной организации дела могли бы изменить ситуацию на рынке отечественного продовольствия. Но они потеряли связь с сельским хозяйством современного типа, которое основано на науке, высокомеханизировано и экономично»[13].

Как видится, это не просто итог естественного вытеснения избыточных ресурсов из аграрного сектора в результате его рационализации, технологизации и соответствующего повышения производительности труда, но последствия целенаправленной государственной политики начала 1990-х гг., решающей одну из важнейших задач по разрушению колхозно-совхозного «агрогулага». Расчет был на то, что «невидимая рука рынка» сбалансирует ситуацию обмена между городом и деревней и на месте неэффективных и громоздких коллективных хозяйств возникнут миллионы ориентированных на рынок товарных хозяйств. Однако прошедшие два с лишним десятилетия показали, что сами по себе рыночные реформы не приводят к быстрому появлению эффективно работающих фермерских хозяйств. Оказалось, что для этого нужны большие капиталовложения и соответствующая инфраструктура с соответствующими технологиями, шлейфом необходимой современной техники, современной логистикой, перерабатывающей промышленностью и т. д.

По сравнению с другими странами, уровень государственной поддержки российского сельского хозяйства до сих пор значительно уступает. Например, в США субсидии достигают 30% стоимости произведенной сельским хозяйством товарной продукции, в странах ЕС — 45–50%, в Японии и Финляндии — 70%, в России — лишь 3,5%[14]. Не случайно, что даже через 15 лет после начала рыночных реформ доля крестьянских фермерских хозяйств в сельскохозяйственном производстве составляла лишь 6,5%, тогда как доли сельскохозяйственных предприятий и ЛПХ – соответственно 41,2 и 52,3%[15].

По мнению исследователей, постсоветское фермерство демонстрирует четыре типа домохозяйств: 1) крупные фермы-колхозы во главе с представителями бывшей колхозной верхушки, работающие на рынок; 2) средние фермерские хозяйства с высокотоварным производством; 3) семейные фермы с плохо оснащенной сельскохозяйственной техникой; 4) мнимые фермеры с невысокой товарностью[16]. Последние, на наш взгляд, особенно характерны для тех собственников земли, которые пользовались своей близостью к властным структурам различного уровня и имели возможность получить льготный долгосрочный кредит на развитие своих аграрных хозяйств. Реально эти деньги вкладывались в другие, не столь трудозатратные и не столь рискованные, но зато быстро окупаемые сектора российской экономики (например в оптовую торговлю). Земля таких собственников оказывалась без должной обработки и необходимых вложений и в результате приходила в упадок.

В отдельное направление можно выделить группу работ, в которых акцент делается на взаимозависимости социокультурных особенностей российского крестьянства, специфики сельскохозяйственного производства с институциональным развитием российского государства и общества в целом, на роли крестьянства в российских реформах и революциях[17].

Своего рода «оптимистичный» вариант данного направления представлен виталистской социологией села на основе ноосферной модели. По мнению его представителя С. И. Григорьева, «развитие села у нас в стране, как, впрочем, и на большей части земного шара, становится сегодня характерным показателем возникновения новой цивилизации управляемой социоприродной эволюции, где разум человека, постигая законы природы и социума, формирует оптимальную среду обитания и образ жизни людей, их жизненное пространство. Возникает новое сочетание и виды урбанизированных и сельских поселений, различных экополисов, видов деятельности человека как биопсихосоциального существа, культура жизни которого интегрирует природное и социальное по законам ее сохранения и оптимального гуманистического и природосообразного развития»[18]. С одной стороны, автор признает, что в результате «вульгарной радикально-либерально-рыночной реформации» уклада жизни не только сельского населения, но и российского общества в целом оно «оказалось отброшенным в его социальной истории на сотни лет назад в период первоначального капиталистического накопления, “дикого рынка” со всеми вытекающими хозяйственно-экономическими, социально-бытовыми, духовно-нравственными и экологическими последствиями, образом жизни людей в обществе, где “все покупается и продается”»[19]. С другой стороны, обосновывает автор, виталистская модель, «ориентируя и исследователя, и практика на обстоятельное изучение жизненных сил и жизненного пространства человека, субъекта социальной жизни, их взаимозависимости и взаимодействия, позволяет сегодня со всей остротой ставить и эффективно решать не только проблемы села и сельских жителей, но и общества, государства и человека в целом»[20]. Как представляется, данный подход, который по долгосрочности своей ориентации вполне может быть отнесен к футурологическим проектам, применим для разработки комплексной долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны и перспективной государственной аграрной политики. В то же время он явно недостаточен для разработки первоочередных шагов по выводу из кризиса современной российской деревни, по решению наиболее острых наболевших проблем, требующих неотложного вмешательства и помощи.

Среди них, прежде всего, – деградация деревни, пьянство и социальная апатия, обусловленные отсутствием работы и соответствующих перспектив у многих сельских жителей, умирание значительной части небольших российских деревень. Уровень производства по многим отраслям сельского хозяйства, сокращение сельскохозяйственных угодий до сих пор находятся на критическом уровне. Только в действующих хозяйствах (всех категорий) не используется как минимум *четвертая часть* пригодных для сельскохозяйственной деятельности земель. Это немыслимая даже для военного времени ситуация, когда на протяжении многих лет поля зарастают уже не только бурьяном, но кленом и вязом, превращаясь в своеобразные лесные заросли. Уже сегодня, для того чтобы вернуть данные земли в сельскохозяйственный оборот, потребуются значительные средства для выкорчевывания заросших неугодий.

Отдельно стоит отметить публикацию Г. С. Лисичкина. Известный своей критической публицистикой периода перестройки, автор справедливо констатирует крайне негативное состояние современной российской деревни, однако выход предлагает в виде неизбежности проведения реформы аграрного сектора, преимущественно на основе тех либеральных принципов, которые лежали в основе радикальных преобразований начала 1990-х гг. С большим пафосом Г. С. Лисичкин говорит о «живучести теоретических основ сталинской аграрной политики», которые «оставались в основе хозяйственной практики при Н. Хрущеве, Л. Брежневе, М. Горбачеве, Б. Ельцине и с меньшей последовательностью, но большим эклектизмом при В. Путине»[21]. Он подробно критикует большевиков, «полуинтеллигентов», «образованцев» за политику раскрестьянивания, на основе апелляции к классикам марксизма, к таким авторитетам, как Н. Бердяев, И. Ильин, А. Зиновьев, А. Чаянов, Н. Кондратьев, к опыту «зеленой революции» в Индии. Неэффективную советскую колхозно-совхозную систему, сохранившуюся, по его мнению, в основных чертах и сегодня, он оценивает как «черную дыру», способную поглотить без отдачи любые государственные средства. Выход видится в проведении «зеленой революции», начинать которую «надо не с безрассудного, как прежде, вколачивания денег в сомнительные проекты, а с “собирания” своих заброшенных богатых земельных угодий»[22].

Все предложенные им меры по развитию аграрного сектора не вызвали бы сомнения в их определенной действенности, если бы не повторяли в совокупности того подхода, который уже попытались реализовать радикальные либеральные реформаторы в начале 1990-х гг. Последние руководствовались в числе прочих перестроечными идеями Г. Лисичкина, В. Селюнина, публициста и политика Ю. Черниченко об «архангельском мужике», которого нужно только освободить от «агрогулага» колхозно-совхозной системы и он накормит всю Россию и половину Европы. Однако «невидимая рука рынка» и предоставление российской деревне «свободы от диктата государства», которые должны были сформировать «хозяина на земле», на практике отбросили российское крестьянство и сельскохозяйственное производство на много десятилетий назад по экономическим и особенно социальным показателям.

Не случайно на первое место в ряду мер «зеленой революции» Г. С. Лисичкин поставил всего лишь введение погектарного налога «на бюджеты тех административных единиц, где выведены из оборота земли сельскохозяйственного назначения» для создания фонда восстановления земель, а также введение отчисления «от окладов местных депутатов и местных министров в упомянутый фонд»[23]. Эти предложения, на наш взгляд, носят очевидно популистский характер и могут сработать лишь в том случае, если будут служить дополнением к долгосрочным государственным программам развития производственной инфраструктуры на селе для различных форм собственности и размеров хозяйств, внедрения инновационных технологий, государственного страхования, системы льготного кредитования, развития сельскохозяйственного машиностроения. Не менее значима поддержка и развитие социальной инфраструктуры российской деревни, без которой она не сможет выдержать конкуренцию по уровню комфортности с городской средой. Поэтому без сельского учителя и медработника, без нормальных дорог, магазинов, яслей и детсадов, клубов, перерабатывающих и закупочных предприятий «хозяин» на земле укрепиться не сможет.

Особый интерес представляют негативные последствия рыночных реформ для анализа социально-психологических и социально-политических настроений деревни. Исследованию данной проблематики посвящено достаточно большое количество работ, авторы которых констатируют, что оставшаяся без стабильной работы третья часть[24] трудоспособного сельского населения вынуждена выживать за счет тяжелого ручного труда в личном подсобном хозяйстве, а также за счет пенсий своих престарелых родителей. По мнению П. П. Великого и П. А. Михеева, социальным следствием этого стало «принятие членами семьи статуса сиротской непритязательности, полного отказа от защиты своих ущемленных прав». Такую ситуацию они определяют как «тотальную несвободу» и «социальную изоляцию»[25]. Не случайно, что в первое десятилетие после реформ значительная часть российского крестьянства традиционно голосовала за представителей КПРФ в надежде в случае их победы на возвращение старой колхозной системы, а аграрные регионы получили образное наименование «красного пояса России».

Тем не менее, именно особенности политического участия российского крестьянства и особенности его мотивации остаются недостаточно изученными. В немногих социолого-политологических исследованиях акцент сделан на социальных тенденциях реформирования российской деревни, на детерминантах процесса раскрестьянивания, на деструктивных социально-экономических последствиях радикальных преобразований постсоветского периода, на социальной ответственности российского государства за сохранение и адаптацию «остатков» российского крестьянства к новым условиям[26].

Не осталась без внимания тенденция эволюции политических предпочтений российского крестьянства в первое десятилетие текущего столетия. Она показала, что ситуация с «красным поясом» постепенно изменилась и сельский электорат в значительной своей части стал голосовать за «партию власти». Данные тенденции отмечены исследователями электоральной географии по отдельным регионам Российской Федерации. По данным Р. Туровского, традиционный для России раскол «город – село» вновь начал играть заметную роль, но в ином политическом измерении: «…если на выборах 1995 г. доля сельского населения коррелировала с голосованием за КПРФ, то теперь село демонстрирует повышенную политическую лояльность»[27]. Автор объясняет это не только политико-культурными особенностями сельского населения, но и воздействием конъюнктурных факторов избирательной кампании, к которым относит использование «Единой Россией» административного ресурса, слабость организационных ресурсов других партий, меньшую насыщенность информационного поля в сельской местности.

С этой констатацией можно согласиться, но она не объясняет до конца, почему в социальной среде, наиболее пострадавшей от рыночных реформ, оппозиционные партии не получают должной отдачи. Остается без полноценного всестороннего объяснения тот факт, что за два с половиной десятилетия постсоветских преобразований в России так и не сложилась мощная и стабильная политическая сила, ориентированная на представительство специфических интересов российской деревни. Трансформация Аграрной партии России и ее исчезновение с политической арены рассматривается преимущественно в работах исследователей эволюции российской многопартийности в целом. На ключевой вопрос, чем объяснить отсутствие в партийно-политической системе постсоветской России успешной партии интересов сельского населения, составляющего по удельному весу примерно треть российского электората, данные работы всестороннего ответа не дают, так как изучение этой проблемы требует специального междисциплинарного подхода.

Ответ на данный вопрос особенно актуален с учетом того, что в условиях плюрализации партийной системы современной России и понижения избирательного порога на выборах депутатов Государственной думы уровень конкуренции политической борьбы за сельский электорат существенно возрастает. Кроме традиционных парламентских партий и ВПП «Аграрная партия России», на политическом пространстве появились также Партия Возрождения Села, партия «Возрождение аграрной России», политическая партия «Объединенная аграрно-промышленная партия России». На рассмотрении в Минюсте РФ находятся документы политической партии «Земский Союз крестьянских и фермерских хозяйств «ТвердЪ». С учетом того, что значительная часть из 75 зарегистрированных политических партий в той или иной степени также ориентируется в своих программах на отдельные сегменты сельского электората, прогнозировать политическое представительство российского крестьянства во властных структурах различного уровня становится еще сложнее.

Уже сегодня имеется потребность в анализе политической деятельности данных партий в сельской местности, чтобы понять, какие из них ориентированы на непосредственное взаимодействие с жителями села, на создание региональных отделений из представителей крестьянства, на выявление и формулирование реалистичных программ решения наиболее злободневных проблем российской деревни, а какие представляют собой очередной вариант «крестьянской партии на асфальте» и выполняют функции партий-спойлеров и другие технологические задачи.

В целом же, учитывая специфику нынешних политико-экономических условий развития Российской Федерации, можно констатировать тот факт, что многие проблемы обеспечения продовольственной безопасности России и развития российской деревни в целом в настоящий момент, по сути, остаются за рамками внимания ученых, тем более – специалистов в области политических наук.

Изучение важнейших проблем современной российской деревни строится в основном на оценке институциональных, экономических и социальных преобразований. Вне поля зрения исследователей остаются многие аспекты политических механизмов воздействия на современную российскую деревню, форм активизации имеющихся социальных ресурсов села, особенностей социально-политических настроений российского крестьянства, сохранившегося потенциала его участия в политической жизни и в развитии местного самоуправления. В этой связи имеющийся на сегодня уровень исследования политических аспектов мобилизации российского крестьянства не может считаться достаточным и нуждается в научном анализе на основе адекватных эмпирических данных и новых теоретических подходов.

Примечания:

1 О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2013 года» : постановление Правительства РФ от 3 декабря 2002 г. № 858. URL: http://base.garant.ru/2159191/ (дата обращения: 30.09.2014).

2 Государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса». URL: http://www.mcx.ru/navigation/docfeeder/show/145.htm (дата обращения: 30.09.2014).

3 Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы. URL: http://www.vgsa.ru/nir/program/russia_agro2012.pdf (дата обращения: 30.09.2014).

4 О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» : постановление Правительства РФ от 15 июля 2013 г. № 598. URL: http://government.ru/media/files/41d47baf642258e68c1b.pdf (дата обращения: 30.09.2014).

5 Утверждена Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru/news/6752 (дата обращения: 03.09. 2014).

6 См.: *Зиятдинова Ф. Г., Кунаева Е. И.* Российское село в рыночных условиях. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008 ; *Калугина З. И.* Парадоксы аграрной реформы в России. Социологический анализ трансформационных процессов. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2001 ; *Назаренко В.* Задачи восстановления агропромышленного комплекса и продовольственной безопасности России // Рос. экон. журнал. 1999. № 5–6. С. 43–51; *Петриков А. В. [и др.]*. Рейтинги крупных и средних сельскохозяйственных организаций в России за 2004–2006 гг. М. : Энциклопедия российских деревень. 2007 и др.

7 *Абалкин Л.* Аграрная трагедия России // Вопр. экономики. 2009. № 9. С. 4.

8 *Сталин И. В.* Соч. : в 16 т. Т. 11. М. : Политиздат, 1955. С. 159.

9 *Буздалов И.* Перекачка как отражение социально-экономической ущербности аграрной политики // Вопр. экономики. 2009. № 10. С. 121.

10 См.: *Григорьев С. И.* Социология жизненных сил российского села и сельского жителя в начале XXI века // Социс. 2010. № 9. С. 39–44 ; *Калугина З. И., Фадеева О. П.* Российская деревня в лабиринте реформ : социологические зарисовки. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2009 ; *Серова Е. В., Тихонова Т. В., Храмова И. Г. [и др.]*. Сельская бедность и сельское развитие в России. М. : Изд-во ИЭПП. 2004 ; *Староверов В. И.* История и теория социологического анализа российской агросферы. М. : Изд-во РАН, 2009 ; *Хагуров А. А.* Социология российского села / ред. В. И. Нечаева. М. : Изд-во ИС РАН, 2008 и др.

11 См.: *Бессокирная Г. П.* Происходит ли «разложение крестьянства» в реформирующейся России? // Социс. 2014. № 6. С. 104–111.

12 См.: *Великий П. П.* Неоотходничество, или Лишние люди современной деревни // Социс. 2009. № 9. С. 44–49 ; Сценарии социального развития села (на примере Саратовской области) / под ред. С. Н. Семенова. Саратов : Саратовский источник ; ИАгП РАН, 2010.

13 *Великий П. П., Бочарова Е. В.* Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социс. 2012. № 1. С. 126.

14 См.: Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С. Ю. Глазьева «О продовольственной безопасности России», 5 сентября 2013. URL: http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/ (дата обращения: 03.09.2014).

15 См.: *Ефимов Н. М.* Эволюционный анализ русской аграрной институциональной системы // Мир России. 2009. № 1. С. 113.

16 См.: *Рощина Я. М., Сухова А. С.* Типологический анализ поведения российских домохозяйств в сфере частного сельскохозяйственного производства. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2009. С. 18.

17 См.: *Ефимов Н. М.* Указ. соч. С. 74–116 ; *Жвитиашвили А. Ш.* Социокультурные типы в эволюции российского села // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 39–46 ; *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического. процесса. М. : РОССПЭН, 1998 ; *Нефедова Т.* Сельская Россия на перепутье. М. : Новое изд-во, 2003 ; *Нефедова Т., Пэллот Дж.* Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова. М. : Новое изд-во, 2006 ; *Никольский С. А.* Аграрный курс России (Мировоззрение реформаторов и практика аграрных реформ в социально-историческом, экономическом и философском контекстах). М. : Колос, 2003 ; *Петухов Г. Н., Чепасов Н. М.* Российское крестьянство : очередной перелом. М. : ФГНУ «Росинформагртех», 2004 и др.

18 *Григорьев С. И.* Указ. соч. С. 40.

19 Там же.

20 Там же.

21 *Лисичкин Г. С.* Аграрный сектор – ключ к выходу России из кризиса // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 69.

22 Там же. С. 75.

23 Там же.

24 Численность занятых в сельском, лесном и рыбном хозяйстве за период с 1992 по 2007 г. сократилась на 2,9 млн человек (34,8%). (См.: Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2020 года. URL: http://econsec.ru/files/28.pdf (дата обращения: 30.09.2014)).

25 *Великий П. П., Михеев П. А.* Российское село в перспективе вероятных перемен // SPERO. Социальная политика : экспертиза, рекомендации, обзоры. 2005. № 2. С. 28–29.

26 См.: *Староверов В. И.* Раскрестьянивание: социолого-политологический анализ // Социс. 2010. № 4. С. 23–32.

27 *Туровский Р. Ф.* Электоральное пространство России : от навязанной национализации к новой регионализации? // Полития. 2012. № 3. С. 117.

УДК 338

СУБЪЕКТИВНЫЙ ФАКТОР ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. И. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируются возможности оптимизации современных научных представлений о стратегии обеспечения продовольственной безопасности России в той ее части, в которой реализация этой стратегии находится под воздействием субъективного фактора. Предложены подходы к концептуализации субъективного фактора политики продовольственной безопасности.
Ключевые слова: продовольственная безопасность, аграрная политика, российское общество.

The Subjective Factor of Food Security in Modern Russia

N. I. Shestov

The article analyzes the possibilities of optimization of modern scientific concepts of the food security strategy in Russia in the part of it, in which the implementation of this strategy is under the influence of the subjective factor. The approaches to the conceptualization of the subjective factor in food security policy are proposed.
Key words: food security, agricultural policy, Russian society.

Санкции в отношении России со стороны США, стран Евросоюза, некоторых других государств (Канада, Япония, Австралия), коснувшиеся в числе прочего и поставок продовольствия в нашу страну, довели проблему продовольственной безопасности страны до того критического уровня, при котором ни элитам, ни обществу отступать в ее осмыслении и решении уже некуда. Ситуация, если принять во внимание доминирующий дискурс обсуждения проблемы в СМИ и на самом «высоком» официальном уровне, выглядит так: или заместим дефицит импортируемого продовольствия на свои, отечественные продукты питания, или будем действительно в положении «школьника», которого более мудрые и сильные, более демократически воспитанные «сородичи» по мировой политике наказывают за неразумное поведение и непослушание. Возможно, именно такая конфигурация проблемы, как ни парадоксально это прозвучит, обусловила и общую доминирующую оптимистичность прогнозов, которые относительно ее решения дают патриотически настроенные отечественные специалисты.

Они сегодня предпочитают не политизировать проблему и смотреть на нее преимущественно в экономическом и организационном ракурсах. Потому что именно такие ракурсы дают все основания для оптимизма. Действительно, все выглядит так, что население России и без импортного продовольствия в ближайшие годы будет чувствовать себя вполне благополучно. Проблема продовольственной безопасности начала всерьез рассматриваться отечественными аналитиками именно с политической стороны в последние лет пять. Знаковым событием в этом отношении стало принятие «Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»[1], определившей количественные и качественные рубежи наращивания производства продуктов питания в нашей стране. И в течение этого времени постоянно появлялись экспертные оценки успехов и недочетов в развитии российского аграрного сектора, ориентированные на чисто статистические показатели.

Оценки, основанные на данных аграрной статистики, и показатели по перерабатывающим производствам различались уровнем оптимизма их авторов. Пока не было внешнеэкономических санкций, направленных против России, пока была просто «конкуренция на мировых рынках продовольствия» и в реальной «продуктовой корзине» рядового гражданина бок о бок лежали отечественные и импортные продукты, эксперты свободнее оперировали статистическими показателями успехов российского сельского хозяйства и градус оптимизма был повыше, чем это можно наблюдать сегодня. Имели место, например, такого рода экспертные оценки статистических показателей по российскому аграрному сектору: «В 2012 году уровень потребления на человека в год только за счет собственного производства превысил общий уровень потребления 2005 года вместе с импортом. Резюме: что бы ни кричали всёпропальщики, от голода мы точно не умрем. Наоборот, как бы тут не растолстеть с такими тенденциями»[2].

По мере того как в течение первой половины 2014 г. в «продуктовой корзине» среднестатистического российского гражданина импортных продуктов становилось все меньше, росло и понимание аналитиками, что в «корзине» должен лежать реальный съедобный продукт, а не статистический показатель, от которого точно никто не «растолстеет». Соответственно, осторожнее и критичнее становились и экспертные оценки. «В программе развития АПК на 2013–2020 годы, – говорится, в частности, в одном из экспертных заключений по нынешнему состоянию молочной отрасли в РФ, – была поставлена амбициозная цель повышения удельного веса российских

© Шестов Н. И., 2014

продовольственных товаров по молоку и молокопродуктам до 90,2%. (Это также закреплено в принятой чуть ранее Доктрине продовольственной безопасности.) Уже сейчас можно говорить о том, что, начиная отсчет с нынешних примерно 55% отечественной продукции на рынке (сейчас не говорим о качестве) при зафиксированном в прошлом году снижении объемов производства молока, эта цель вызывает лишь грустную улыбку»[3].

Но в целом оптимизм отечественных экспертов не покидал: «Санкции – это, конечно, плохо. – пишет в Интернете отечественный бизнесмен, создатель одной из сетей быстрого питания. – Но российскому бизнесу они дают крайне нужный стимул заняться наконец своей эффективностью, на которую долго время все просто закрывали глаза. Рост экономики нас избаловал. Мы давно разучились считать копейки, занимаясь развитием. Для нас в России все эти годы построить что-нибудь было важнее, чем хорошо наладить работу того, что уже есть. В результате по производительности труда мы по-прежнему катастрофически отстаем от Запада»[4]. Довольно часто в течение последнего года ту же мысль, что санкции несут не только урон отечественной экономике, но и будут непременно стимулировать ее рост, озвучивали в своих публичных выступлениях партийные лидеры и государственные деятели самого высокого ранга. Так что такой подход к проблеме продовольственной безопасности, можно сказать, обладает официальной санкцией.

Не лишено осторожного оптимизмам и заключение другого эксперта, тщательно посчитавшего, сколько в стране на сегодняшний день производится, перерабатывается и доходит до реального потребителя мяса, молока, хлебобулочных изделий, яиц, круп и т. д. и сколько чего реально недостает в этой самой «потребительской корзине»: «Таким образом, можно заключить, что миф о деградации сельского хозяйства за время “правления Путина” изрядно преувеличен. Также мы можем наблюдать, что дефицит продуктов России ни при каком раскладе не грозит, и что даже депрессивные (в пищевом смысле) регионы могут быть обеспечены продуктами питания за счет излишков в регионах-донорах. Снижение производства продуктов в указанный период *в депрессивных регионах* вызвано в основном процессами урбанизации и *переводом сельскохозяйственных земель под другие нужды*»[5] (курсив наш. – *Н. Ш.*).

Я специально выделил курсивом эти две детали. Как еще верно замечали «ведущие аналитики» европейского средневековья – инквизиторы: «Дьявол кроется в деталях!». Проблема, если вдуматься в логику цитированного текста, из статистико-экономической плоскости переходит в плоскость административно-правовую: есть депрессивные регионы, перераспределить в пользу которых свои запасы («излишки») продовольствия регионы-доноры, судя по всему, будут вынуждены не столько под влиянием рыночной конъюнктуры, сколько подчиняясь общегосударственным интересам и требованиям структур государственного управления. Тот, у кого товар есть, и тот, у кого товара нет, – не рыночные конкуренты. Они – монополист-продавец и покупатель, находящийся в полной зависимости от монополиста. По крайней мере, до той поры, пока в их процедуры купли-продажи не вмешается государство и не принудит административно-правовыми способами монополиста-продавца быть лояльнее интересам покупателя как гражданина того же, что и для покупателя, государства и перераспределить свои ресурсы в его пользу. И появляется (в оптимистическом, в целом, прогнозе) упоминание о неких сельхозугодьях, кем-то и когда-то переданных под какие-то «другие нужды».

Если посмотреть аналитику второй половины 2014 г., то оказывается, что это очень важная «деталь». Потому что здесь проблема продовольственной безопасности страны приобретает уже не формально-статистическое, а реальные правовое и даже социальное измерения. На очень авторитетном и представительном по составу участников 6-м Международном форуме «Продовольственная безопасность» (Форум специалистов агропромышленной отрасли. 18–19 ноября 2013 г., С.-Петербург) проблема «других нужд» была конкретизирована: «Заброшенные поля надо возвращать в сельхозоборот, а не застраивать новыми домами. По данным экспертов, выступивших сегодня на Международном форуме “Продовольственная безопасность”, 30 млн гектаров посевных площадей в стране не используются. А тех, на которых ведутся работы, просто не хватает, чтобы удовлетворить потребность страны в сельхозпродукции. Уровень производства не растет, а вот цены постоянно поднимаются. В таких условиях обеспечить продовольственную независимость страны, а именно эта задача поставлена правительством, вряд ли возможно. Непросто будет и вернуть заброшенные пашни крестьянам»[6].

Эксперты известного в России и за рубежом интеллектуального сообщества – «Изборского клуба» – акцентируют внимание отечественных специалистов по аграрной проблематике еще на одной «детали». На землях, задействованных в производстве продовольствия, вполне можно собирать неплохие урожаи. Но эксперты клуба отмечают: «В то же время сегодня значительная часть – по разным оценкам, от 40% до 45% отечественного зернового рынка – находится под контролем иностранных компаний: Bunge Limited, Cargill Inc., Glencore Int. AG, Louis Dreyfus Group, Nestle S. A. и других»[7]. А это уже не вопрос статистики, и даже не правовой вопрос.

Это вопрос субъективного фактора политики обеспечения продовольственной безопасно-

сти страны. Иначе говоря, качества той среды, в которой, судя по всему, и будет разворачиваться борьба за продовольственную безопасность страны. Есть ли, в принципе, сегодня в российском селе тот самый «крестьянин», который готов проявить повышенную активность, повышенное сочувствие политическим интересам государства и жизненным интересам городских жителей, мобилизовать все наличные ресурсы и быстро заполнить бреши в продовольственном рынке от исчезающего импорта своими продуктами питания – это вопрос отдельный. Он нуждается в самостоятельном и желательно комплексном исследовании усилиями социологов, политологов и экономистов. Более очевидна в свете экспертных оценок, приведенных выше, другая проблема: будет ли этот самый крестьянин, на патриотический порыв которого сегодня возлагается всеми столько надежд, в своей борьбе за продовольственную безопасность страны сам чувствовать себя в безопасности? В безопасности от иностранных конкурентов, хозяйствующих бок о бок с ним в гораздо лучших, чем у российского крестьянина, финансовых и правовых условиях. В безопасности от изъятий пахотных угодий под «нецелевое» использование.

Если будет сельхозпроизводитель чувствовать себя в безопасности от неконтролируемых им самим рисков, то можно надеяться на пробуждение его патриотического энтузиазма и на то, что масштабные финансовые вливания в российский аграрный сектор (за девять месяцев этого года 91 млрд руб. из федерального бюджета и 45 млрд руб. из региональных бюджетов, плюс еще 67 млрд из региональных бюджетов до конца года, по заявлению главы Минсельхоза Н. Федорова)[8] будут действительно инвестициями в обеспечение продовольственной безопасности. Не будет у сельхозпроизводителя такого ощущения своей огражденности государством от таких рисков и угроз – финансовые вливания останутся простым очередным материальным вспомоществованием сельским жителям со стороны государства. Сельхозпроизводители потратят эти деньги как раз на обеспечение собственной безопасности в качестве субъектов, действующих на очень структурно сложном и рискованном российском рынке продовольствия.

Проблема «безопасности» никогда не сводилась и не может быть сведена к формальным количественным показателям. «Безопасность», это, прежде всего, субъективное ощущение себя застрахованным от случайностей в современном рискогенном мире, в котором даже «обладание всем» не избавляет его, человека, от постоянного страха потерять многое или даже «потерять все». Для современного человека своеобразной гарантией ответственного отношения государства и общества к его интересам и нуждам, в том числе в сфере продовольственной безопасности, выступает соблюдение ими принципа справедливости при осуществлении инвестиций в сельское хозяйство, распределении их между производителями, назначении цены на топливо, электроэнергию, землю и удобрения, саму произведенную и продаваемую сельхозпродукцию.

С учетом того, что общественное сознание может признать или не признать какие-то действия государства справедливыми, проблема субъективного фактора политики обеспечения продовольственной безопасности приобретает другое измерение. В этом измерении важным становится ощущение своей безопасности уже российским обществом в целом, как субъектом этой самой политики. Вряд ли сегодня чувствуют себя и свои семьи в безопасности те 85% респондентов, которые, согласно одному из последних опросов ВЦИОМ, заметили, что за последние два месяца цены на продукты, прежде всего мясные, существенно выросли[9]. Только каждый пятый из них винит в этом внешние санкции. Остальные четверо из пяти, логично предположить, считают, что это российские государство и бизнес обходятся с ними несправедливо, используя санкции как повод для спекулятивного поднятия цен на продукты на внутреннем рынке.

При этом речь идет не только о росте цен на молоко, мясо, хлеб, другие продукты, которые являются базовыми в «продуктовой корзине» среднестатистического российского гражданина. В образование «справедливых» цен на эти продукты питания государству, в принципе, не сложно вмешаться и получить одобрение такого вмешательства от своих граждан. Но такое вмешательство будет недостаточным для достижения стратегического результата – формирования в массовом сознании российских граждан устойчивой уверенности в завтрашнем дне. Устойчивость такой уверенности напрямую не связана с наличием в «продуктовой корзине» большего или меньшего количества базовых продуктов питания и даже в определенной мере с ценами на них. Она больше связана с тем, как в «продуктовой корзине» складывается связь «базовых» продуктов питания с теми продуктами, которые часто не присутствуют в повседневном рационе российского гражданина, но присутствуют в его сознании, в ряду его культурных ценностей в качестве маркеров «достойной», «человеческой» жизни.

Исторические аналогии тут представляются вполне уместными. Советский человек, например, в свое время ощущал свою социальную полноценность и защищенность не только потому, что по неизменным государственным ценам и без большой очереди мог купить нужное ему количество молока и куриных яиц. С мясными и некоторыми молочными продуктами (сыры, майонез, например) уже возникали серьезные проблемы в плане количества и качества, и это обстоятельство не лучшим образом влияло на отношение граждан к государству и его политике.

Но сама по себе нехватка даже тех продуктов, которые сегодня включаются специалистами в их экспертные оценки в качестве «базовых», не ставила под сомнение полноценную социальность человека, естественность его включенности в ту систему социальных связей и ценностных установок, в которой он как личность мог чувствовать себя относительно комфортно и безопасно. Советский человек ощущал себя именно «человеком», если мог, например, «достать» (это понятие имело очень широкий смысл) и в праздничный день поставить перед гостями и родственниками на стол банку шпрот, салат оливье с вареной колбасой проблемного качества, еще более проблемного качества зеленые бананы, шоколадные конфеты. Все это отсутствовало в его повседневной «продуктовой корзине», но повседневно присутствовало в его культурном коде, в той его части, которая отвечала за ощущение собственного достоинства и безопасности. Количество и даже качество того, чем советский человек питался каждый день, было, может быть, и выше качества того, что стояло на праздничном столе, но эти продукты служили для советского гражданина убедительным аргументом в пользу того, что он живет «не хуже других».

Постсоветское российское общество сохранило многие свойства общества советского, особенно в культурных основаниях. По аналогии можно предположить, что и сегодня, когда российский гражданин заглядывает в свою «продуктовую корзину» и определяет для себя, условно говоря, лимит продовольственной безопасности, он ориентируется не только и, может быть, даже не столько на те показатели, которые являются необходимыми и достаточными для отечественных научных экспертов. Он больше ориентируется на социальный стандарт «нормальной жизни», одним из параметров которого является возможность потреблять некие «знаковые» продукты питания. Стандарт этот эволюционирует во времени и различается в разных частях огромного российского социокультурного пространства, а потому нуждается в изучении средствами разных наук. Подсчет урожаев зерновых и надоев молока, прироста производства говядины и свинины – это хорошо. Но, может быть, имеет смысл обратить внимание на то, что (перефразируя известную пословицу) не единым хлебом, молоком и мясом жив современный российский гражданин. Что в ряду обязательных продуктов, определяющих сегодня социальный стандарт «нормальной жизни», присутствует много чего другого. В больших города это могут быть такие импортные продукты, создать аналоги которых отечественным производителям будет трудно или даже невозможно. Россия – страна с разнообразными региональными культурными традициями. Для каких-то регионов, например, показатели валового прироста производства свинины или вылова рыбы на самом деле никак не будут характеризовать уровень обеспечения продовольственной безопасности населения. Потому что население этих регионов данные продукты просто не потребляет, а потребляет другие продукты, входящие, так сказать, в региональный стандарт «нормальной» жизни. Все эти нюансы имеет смысл принять во внимание, раз речь идет именно о политике обеспечения продовольственной безопасности, и политика эта должна реализовываться в масштабах всей страны.

Технически возможно, если судить по оптимизму экспертов, в ближайшие годы накопить в стране большие запасы продовольствия. Но без учета субъективного фактора есть вероятность не добиться полноценного результата именно в том, что касается *политики продовольственной безопасности*. Не состоится политика, т. е. взаимопонимание и конструктивное взаимодействие власти и общества, если российский гражданин, глядя на большие запасы продовольствия, будет понимать, что чего-то принципиально важного для его нормального повседневного самочувствия среди этих запасов нет, если он будет чувствовать, что для него остается риск в любой момент перейти от «человеческого» образа жизни к простому физическому выживанию.

Конечно, реальный масштаб проблемы субъективного фактора политики обеспечения продовольственной безопасности намного шире тех ее аспектов, которые были затронуты в данной публикации. Самостоятельным предметом научного анализа может и должна быть правовая составляющая этой политики. Нетрудно предположить, что отношение к ней российских граждан, как на селе, так и в городе, будет определяться не только принятием хороших правил «игры» на рынке продовольствия государственных и частных производителей, переработчиков, продавцов и потребителей сельхозпродукции. Отношение будет определяться понятностью и стабильностью этих правил, возможностью для участников политики продовольственной безопасности прогнозировать изменения правил, если таковые будут неизбежны, и готовиться к таким переменам.

Самостоятельным и масштабным предметом анализа является проблема направленности культурных процессов в современном российском селе. Наша страна имеет опыт нэповской политики и политики коллективизации. Обе они, в сущности, тоже были моделями политики обеспечения продовольственной безопасности страны, накопления ресурсов для модернизации экономики. Этот опыт наглядно показывает, что политика обеспечения продовольственной безопасности может быть выстроена в русле культурных процессов, идущих на селе, а может быть выстроена и в противоречии с этими процессами. Многое зависит в данном случае как раз от того, как сущность таких культурных процессов будет понята участниками политики обеспечения продовольственной безопасности.

Примечания

1 Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента РФ от 30 января 2010 г. № 120. URL: http://www.mcx.ru/documents/document/show/12214.19.htm (дата обращения: 28.10.2014).

2 Продовольственная безопасность России 2013. URL: http://voprosik.net/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii-2013/ (дата обращения: 05.09.2014).

3 Молочная недостаточность. Проблема продовольственной безопасности остается важнейшей для страны. Текст: Михаил Брейтман (президент компании ДМС, Белгород), Андрей Яровой (член Совета директоров ЗАО «Мелеузовский молочноконсервный комбинат», Уфа) // Рос. газ. 14.04.2014. URL: http://www.rg.ru/2014/04/14/moloko.html (дата обращения: 14.04.2014).

4 *Федор Овчинников.* Все стало хуже и дороже. Почему это хорошо? URL: http://daily.rbc.ru/opinions/business/14/10/2014/543d06ebcbb20fd89fc615b6?utm_source=newsmail&utm_medium=news&utm_campaign=news_mail2 (дата обращения: 15.10.2014).

5 Продовольственная безопасность России. URL: http://оглавном.рф/prodovolstvennaya-bezopasnost-rossii/ (дата обращения: 10.09.2014).

6 6-й Международный форум «Продовольственная безопасность». Форум специалистов агропромышленной отрасли. 18–19 ноября 2013, г. С.-Петербург. URL: http://www.tv100.ru/news/ne-stroit-seyat-83660/ (дата обращения: 19.09.2014).

7 О продовольственной безопасности России. Доклад группы экспертов Изборского клуба под руководством академика РАН С. Ю. Глазьева. URL: http://www.dynacon.ru/content/articles/1725/ (дата обращения: 19.09.2014).

8 См.: РИА НОВОСТИ. URL: http://ria.ru/economy/20141009/1027593750.html#14128500980454&message=resize&relto=login&action=removeClass&value=registration (дата обращения: 09.10.2014).

9 См.: Граждане в обиде. Западные санкции достигли предела своей эффективности // Газета. ru. 2014. 17 окт. URL: http://www.infox.sg/politics/frame/zapadnye-sankcii-dostigli-predela-svoey-effektivnosti/ (дата обращения: 17.10.2014).

УДК 32:001.8

ОТКРЫТЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНКОРПОРИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СИСТЕМУ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

И. В. Мирошниченко

Кубанский государственный университет, Краснодар
E-mail: mirinna78@mail.ru

В статье определяется изменение роли социальных сетей в результате их инкорпорирования в систему публичного управления. Автор типологизирует и характеризует открытые механизмы инкорпорирования социальных сетей во властно-политическую и административно-управленческую подсистемы публичного управления. На основе исследования российских практик инкорпорирования социальных сетей оценивается их конструктивный потенциал для разрешения общественно значимых проблем и повышения эффективности публичного управления.
Ключевые слова: социальные сети, система публичного управления, открытые и латентные механизмы инкорпорирования, проблемные сети, межсекторное социальное партнерство, общественное и гражданское участие.

The Open Mechanisms of Social Networks Incorporation to the System of Public Administration: the Russian Experience

I. V. Miroshnichenko

The article defines the changing role of social networks as a result of their incorporation into the system of public administration. The author classifies and characterizes the open mechanisms of social networks incorporating to power-political and administrative subsystems of public administration. Based on a study of Russian practices of social networks incorporating the research assesses networks potential for constructive resolution of socially significant problems and improvement of public administration.
Key words: social networks, system of public administration, public and latent mechanisms of incorporating, problem networks, intersectoral social partnership, social and civic participation.

Процессы принятия публичных решений как в глобальном контексте, так и общероссийском непосредственно связаны с различными по содержанию механизмами инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления, которая имеет сложную организационно-коммуникативную конфигурацию. Публичное управление в пространстве публичной политики рассматривается как целеориентированная, управляемая, комплексная и организованная совместная деятельность индивидов и их групп по легитимному разрешению общественных проблем при руководящей интегративной роли институтов государственной власти на основе использования коллективных ресурсов общества, которая включает в себя совокупность публичных целей и задач, условий и норм, решений и действий, а также их социальных результатов и последствий[1].

© Мирошниченко И. В., 2014

В организационном аспекте система публичного управления связана с существованием двух относительно автономных в функциональном плане подсистем власти (властно-политической подсистемы) и управления (административно-управленческой подсистемы) в публичном управлении, которые имеют два дифференцирующих критерия: вертикальный (национальный, региональный и локальный) и горизонтальный (отраслевая спецификация сегментов публичного сектора). Властно-политическая подсистема способствует совмещению доминирующих ценностей и целей общества и правящего режима с решением конкретных управленческих задач, при реализации которых обеспечивается целостность государства и стабильность социально-политического порядка. Структуру властно-политической подсистемы публичного управления составляют институты политического представительства, политические элиты и политическое руководство, позиционирующие важнейшие приоритеты и направления в развитии государства. Соответственно, на политическом уровне принятие публичных решений в виде формулировки управленческих целей (политического курса) зависит от характера режима правления и способов организации власти. Административно-управленческая подсистема публичного управления обеспечивает сохранение и развитие организационной структуры государственного (муниципального) управления и поддержание непосредственных контактов иерархиизированных государственных (муниципальных) структур с гражданами как потребителями оказываемых государством (муниципальными органами) услуг. При этом и властно-политическая, и административно-управленческая подсистемы публичного управления имеют институциональные сегменты, которые непосредственно связаны с гражданским сектором, усложняющим их взаимодействие. Во властно-политической подсистеме влияние гражданского общества связано со способностями доминирующих социальных общностей (поддерживающих или оппонирующих политическому руководству) влиять на характер правящего режима и выработку политического курса; административно-управленческая подсистема предполагает включенность дифференцированных групп и объединений граждан в освоение разнообразных ресурсов (общественных благ)[2]. Исследователи считают важным, с одной стороны, выявление «потенциальных возможностей в сфере гражданского общества (степени готовности граждан к социально-политическому и социально-экономическому участию, внутренних тенденций развития существующих институтов, перспективы появления новых структур, сферы малого и среднего бизнеса и т. д.), а с другой – степень реального участия граждан и их объединений в различных сферах общественной жизни»[3].

Органичное функционирование сложносоставной системы публичного управлении обеспечивается коммуникативными связями, которые имеют определенную специфику, проявляющуюся в:

– модификации мотивов и действий государственных агентов под воздействием средовых обстоятельств внутренне диверсифицированной структуры публичного управления, в которой существуют различные площадки административной активности, связанные с уровнем публичных ресурсов и включенностью агентов и контрагентов и их распределение;

– наличии множества каналов коммуникации (открытые и латентные) между агентами и контрагентами в системе публичного управления;

– невозможности обеспечения совпадения индивидуальных и общественных мотивов в деятельности агентов и контрагентов в институциональных условиях публичного управления.

В связи с этим реальное состояние системы публичного управления определяется сетевыми характеристиками, обусловленными динамическими комбинациями властной иерархии с горизонтальными структурами агентов и контрагентов на основе внутренней коммуникации. Содержание сетевых характеристик публичного управления связано с публичной или латентной институционализацией механизмов инкорпорирования социальных сетей в процесс принятия публичных решений, способствующих расширению или сужению национального пространства публичной политики.

Механизмы инкорпорирования социальных сетей представляют собой комплекс институциональных формальных и неформальных взаимодействий индивидуальных и коллективных сетевых акторов с агентами государства, позволяющих им интегрироваться в систему публичного управления или оказывать на нее влияние для достижения определенных целей. Институциональные и коммуникативные характеристики инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления определяются латентными и публичными механизмами, которые влияют на результаты принятия публичных решений.

Латентное инкорпорирование социальных сетей представляет собой комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных механизмов, обеспечивающих интеграцию закрытых сетевых сообществ в систему публичного управления и занятие их индивидуальными сетевыми акторами статусных властных и административных диспозиций с целью использования ресурсов государства и общественных благ для реализации частных интересов. Латентные механизмы инкорпорирования социальных сетей, как правило, обусловлены политико-культурными паттернами российского общества, в которых воспроизводятся генетические коды социокультурной эволюции и константы политического

развития. Во властно-политической подсистеме это происходит в виде формирования в системе публичного управления политических клиентел, рекрутинга политической элиты на основе закрытых сетевых сообществ, субъективного институционального строительства, политического инвестирования бизнесом власти, а в административно-управленческой подсистеме – в виде установления особых правил игры представителями сетевых сообществ и коррупционного механизма рыночного взаимодействия бизнеса и власти. Латентные механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления не обусловливают партисипационных форм их политической институционализации, которые могут приобрести формат сетевого управления, а, наоборот, демонстрируют высокие возможности адаптировать коммуникативные компетенции акторов сетевых сообществ к рыночным и иерархическим принципам функционирования государственной организации, в которой параметры сетевого взаимодействия не играют системообразующей роли.

Открытые (публичные) механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления связаны с партисипационными формами политической институционализации сетевых сообществ и целенаправленным проектированием со стороны государства сетевого взаимодействия агентов и контрагентов в решении общественно значимых проблем, способствующих закреплению институционализированных форм сотрудничества органов власти и гражданского общества. Во властно-политической подсистеме формируются следующие публичные механизмы инкорпорирования социальных сетей: мобилизационная интеграция проблемных сетей в систему публичного управления; субстанциональное взаимодействие новых социальных движений и органов публичного управления; сетевая интеграция экспертных сообществ в делиберативный процесс. В административно-управленческой подсистеме это механизм процедурной интеграции проблемных сетей в систему публичного управления и комплекс механизмов межсекторного социального партнерства.

Механизм формирования проблемных сетей связан с подвижным взаимодействием акторов, различных по уровню (институционализированные, коллективные, индивидуальные) и статусу (органы власти, общественность), цель которого – разрешение общественно значимой проблемы в условиях конфликтной ситуации. Для проблемных сетей характерны разнородность и непостоянство уровней контактов, нестабильность соглашений, несбалансированность объемов ресурсов у акторов сети (что усложняет процесс их аккумуляции для решения коллективных задач), неравномерность распределения власти в сети.

В качестве проблемной сети, влияющей на формирование региональной инновационной политики, рассмотрим инновационную сеть Краснодарского края. Ее цель – способствовать формированию региональной инновационной системы для вывода на рынок конкурентоспособной инновационной продукции в интересах реализации стратегических национальных приоритетов РФ. Были опрошены 30 участников инновационной сети из разных ее сегментов: руководители органов государственной власти и управления, структурных подразделений вузов и НИИ, организаций инфраструктуры инновационной деятельности, предприятий и фирм[4].

Результаты исследования показали, что существуют правовые, финансовые, организационные и кадровые барьеры в развитии инновационной деятельности, но не менее важен и такой барьер, как дефицит доверия в сети. Представители науки и бизнеса фиксируют противоречие между номинальной и реальной поддержкой инноваций государственными структурами: *Бюрократизация пути и отсутствие «долгоиграющих» государственников. По существу, многие – временщики, а инновационная деятельность – это долгоиграющий процесс.* Ученые не готовы к коммерционализации своих научных разработок, поскольку не доверяют представителям бизнеса: *Есть проблема чисто психологическая: наши люди готовы платить и вкладывать деньги в то, что уже на поверхности, оно реально… А здесь инновационные проекты окупаются не в один день, не завтра и не послезавтра.* Предприниматели высказывают претензии по поводу неэффективной защиты интеллектуальной собственности и собственности вообще: *Государство в структуре инновационной деятельности должно обеспечить гарантию мне как изобретателю, что завтра ко мне не придет чиновник и не раздавит меня, захотев воспользоваться результатами бизнеса, когда он станет очевиден.*

Следует подчеркнуть, что проблемная сеть в региональной инновационной политике только формируется и отличается высокой фрагментацией и недостаточностью механизмов координации действий. Как полагает Е. В. Морозова, «без консолидации сообщества экспертов, занимающихся инновационной деятельностью, невозможно преодолеть иные барьеры»[5]. Важно, что в качестве основного инструмента согласования различных групп интересов в проблемных сетях используются консультации. М. Липски, называя непосредственное взаимодействие с населением «уличным уровнем» политики, отмечает приближенность к проблемам граждан чиновников низшего звена управления, высокую скорость принятия решений[6]. «Не все участники проблемной сети являются деловыми партнерами. На самом деле некоторые из них могут находиться в состоянии постоянного антогонизма друг с другом. Объединяющим началом и друзей, и врагов в проблемной сети служит их компетентность в

сфере политики»[7]. Большую роль проблемные сети играют на этапах рассмотрения управленческих альтернатив, выдвижения целей и согласования позиций. К. Джанда называет это качество процесса выработки и реализации публичной политики фрагментацией и считает непрерывное взаимодействие групп интересов одним из основных условий появления проблемных сетей[8], которые посредством дискурсивных практик вовлекают в процесс целеполагания и выработки политических решений не только профессионалов, но и общественность.

Региональным примером конфликтного согласования интересов является проблемная сеть, связанная с выработкой публичного решения о возможности переноса крупного олимпийского объекта. Грушевый хребет, на котором предполагалось возвести санно-бобслейную трассу, представляет собой природную территорию, которая ранее входила в Кавказский биосферный заповедник, а сейчас относится к буферной зоне, примыкающей к заповеднику.

Проблемная сеть, сформированная в 2006 г., состояла из следующих участников: экологов, экологических организаций (Гринпис России; Всемирный фонд дикой природы) и госкорпорации «Олимпстрой». Также в данную сеть были вовлечены федеральная власть в лице председателя правительства В. В. Путина и международная общественность, представленная экспертами Программы по окружающей среде ООН (ЮНЕП).

Экологические организации первыми заявили о недопустимости строительства санно-бобслейной трассы в районе Грушевого хребта. Проведя независимую экологическую экспертизу, научное сообщество экологов и специалисты некоммерческой организации «Прозрачный мир» предложили несколько альтернативных мест расположения санно-бобслейной трассы, которые были донесены в результате длительных переговоров посредством организованных встреч и круглых столов представителям «Олимпстроя». В данном случае интересы экологических организаций состояли в сохранении в первозданном виде всемирного природного наследия в соответствии с Конвенцией об охране всемирного культурного и природного наследия 1973 г. и действующего российского законодательства. Госкорпорация «Олимпстрой», в свою очередь, была заинтересована в скорейшем выполнении своих обязательств по строительству. В соответствии с договором санно-бобслейную трассу планировалось возвести к середине 2012 г., а изменение уже имеющегося плана строительства, поиск и утверждение нового объекта под стройку, согласование прочих документов с Международным олимпийским комитетом, несомненно, затягивали и усложняли процесс, вплоть до срыва «белой» Олимпиады.

Таким образом, вопрос о месте расположения санно-бобслейной трассы стал краеугольным при подготовке к проведению Олимпиады. В результате данное противостояние было выведено на международный уровень. В 2008 г. представители Программы по окружающей среде ООН (ЮНЕП) поддержали требование Всемирного фонда дикой природы и Гринписа России о переносе санно-бобслейного комплекса и олимпийской деревни с Грушевого хребта в Сочи. Чтобы не допустить дальнейшей эскалации конфликта, к данной проблемной ситуации в 2008 г. был привлечен премьер-министр РФ В. В. Путин. Интерес федеральных властей состоял в том, чтобы не допустить подрыва международного престижа России вследствие скандала по поводу несоблюдения российской стороной Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия. Только прямое вмешательство В. В. Путина помогло урегулировать эту проблему. По словам председателя правительства, «принятие очевидно непроработанных решений привело к потере денег»[9].

Из приведенного кейса видно, что проблемные сети имеют высокий конструктивнй потенциал для разрешения общественно значимых проблем различного уровня. Вместе с тем «на практике проблемные сети редко встречаются в “чистом” виде, чаще они сочетаются с другими вариантами сетевых структур – лоббистскими или клиентелистскими сообществами»[10]. По мнению О. Н. Яницкого, проблемные сети, системообразующим основанием которых является треугольник «власть – НКО – бизнес», представляет собой переплетение межорганизационного и межличностного процессов взаимодействия индивидуальных и коллективных акторов, образующих цепь событий, связанных какой-то проблемой или конфликтом[11]. Исследование цепи событий позволяет выявить двухфазность деятельности акторов проблемной сети: а) рутинные действия акторов, которые, как правило, ориентированы на определение точек доступа к принятию решений по данной проблеме и связаны с неформальными политическими практиками; б) мобилизационные действия, когда конфликтующие стороны прибегают к прямым гражданским действиям, имеющим протестный характер. С одной стороны, консервация проблемной сети и ее латентное инкорпорирование в систему публичного управления связано с доминированием органов власти, которые устанавливают инструктивные патрон-клиентарные взаимодействия с другими акторами проблемной сети, так как их существование целиком зависит от ресурсов органов власти. Это обусловливает их структурное поглощение в виде реализации процедурных технологий гражданского участия – «ручного» общественного контроля и экспертизы, консультативных советов и т. д. С другой стороны, расширение и интенсификация мобилизационных действий влечет за собой перерастание проблемной сети в новое социальное

движение, выходящее за пределы локального или регионального сообществ. Речь идет о субстанциональном уровне взаимодействия сетевого социального движения и органов власти, а именно о способах интеграции их целей в государственную политику. К оценке возможностей субстанциональной интеграции новых социальных движений применима шкала реакций органов публичного управления на внешние вызовы, разработанная П. Бурштейном, Р. Айновером и Дж. Холландером и включающая в себя шесть ступеней.

Ступень 1 – сетевой актор, представляющий новое социальное движение, получает доступ к институциональным каналам гражданского участия (общественные слушания, экспертиза, судебные разбирательства и т. д.).

Ступень 2 – доступ к политической повестке дня, когда общественная проблема, актуализируемая информационными сетями нового социального движения, формулируется в политическом дискурсе как общественно значимая.

Ступень 3 – «политическая чувствительность», предполагающая интеграцию целей социального движения в формирование политического курса, что отражается в разработке соответствующего законодательства.

Ступень 4 – «результативная чувствительность», отражающая реализацию принятого законодательства в масштабах всего государства.

Ступень 5 – воздействие, которое характеризует развитие нового социального движения как в масштабах государства, так и в глобальном измерении.

Ступень 6 – «структурная чувствительность», предполагающая изменение структуры гражданских и политических действий социального движения, которая основывается на новых институционализированных каналах влияния на систему публичного управления[12].

Именно мобилизационные действия расширяют дискурсивность проблемных сетей до формата новых социальных движений и способствуют в дальнейшем партисипационным формам их политической институционализации с комплексом инвариативных технологий общественного и гражданского участия в системе публичного управления.

Другая распространенная форма институционализации сетевого взаимодействия различных агентов и контрагентов публичного управления – межсекторное социальное партнерство, под которым понимается «конструктивное взаимодействие организаций двух или трех секторов (государство, бизнес и некоммерческое сообщество), выгодное населению территории и каждой из сторон и обеспечивающее синергетический эффект от “сложения” разных ресурсов при решении социальных проблем»[13]. Механизмы межсекторного социального партнерства разнообразны и представляют собой разработанную сообща представителями секторов совокупность правил, способов, технологий и документации по организации, обеспечению ресурсами и реализации совместных работ (проектов, акций), которая встроена в схему функционирования социальной сферы на данной территории[14]. На основе разработанного В. Н. Якимцом подхода в комплексе механизмов межсекторного социального партнерства можно выделить несколько групп, которые включены в формирование нового многослойного механизма социальной политики:

– конкурсные механизмы, реализуемые по специально разработанной схеме, предполагающей финансирование деятельности некоммерческих организаций (конкурс НКО, поддержка деятельности НКО в виде субсидий и т. д.) или реализацию определенных проектов/гражданских инициатив (муниципальный грант, социальный заказ, конкурс проектов, авторских программ и т. д.);

– социально-технологические механизмы, предусматривающие политический трансферт различных социальных технологий из зарубежной практики или других сфер, а также уникальных социальных технологий, созданных на базе интеллектуальных сетевых ресурсов некоммерческих организаций и гражданских объединений;

– организационно-структурные механизмы, предполагающие создание новых координационных структур, которым делегируется часть функций по решению социально значимых задач территорий на базе сетевых ресурсов акторов межсекторного взаимодействия через вовлечение в публичность граждан и общественных объединений;

– процедурные механизмы, включающие институционализированные правила сотрудничества организаций трех секторов при решении определенных социальных задач.

В качестве эффективной формы межсекторного социального партнерства можно привести социальное инвестирование, которое способствует развитию сетевых отношений бизнеса и его стейкхолдеров – власти и гражданского общества. Социальное инвестирование представляет собой инновационную модель социальной политики компаний, направленную на развитие местных сообществ и включающую в себя практически весь комплекс механизмов межсекторного социального партнерства, в том числе уникальные варианты их комбинаций.

Инновационным механизмом инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления служит сетевая интеграция экспертных сообществ в делиберативный процесс, который связан с изменением функций управления в условиях формирования общества знаний, с ориентацией на развитие посредством сетевой координации и опорой на совместные знания,

доверие и публично разделяемые ценности. К сетевым агентам экспертных сообществ относятся разнообразные фабрики мысли, функционально настроенные на горизонтальные, сетевые формы взаимодействия на многих уровнях публичного управления:

а) сети фабрик мысли, объединяющие те институты и центры, которые организационно схожи по своим целям и структурам;

б) сети адвокатского действия, т. е. объединения неправительственных акторов, которые главной своей задачей считают защиту общественных интересов и активное вовлечение граждан в процессы обсуждения, выработки и реализации политических решений (участники сетей адвокатского действия видят свое предназначение в информировании общественности о важнейших экономических, экологических, социальных, международных проблемах, в выдвижении новых вопросов для общественного обсуждения в СМИ);

в) эпистемические сообщества, т. е. сообщества экспертов из правительственных и независимых исследовательских центров, которые объединены приверженностью не только к научному анализу действительности, но и к определенным нормативным ценностям, решая задачу экспертного влияния на выработку подходов к проблемам общественного развития[15].

Фабрики мысли работают на принципах децентрализации и конвергенции интересов их основных участников, решая приоритетные задачи своей деятельности: служить посредниками между государством и обществом, между сферами интеллектуального производства и политики, развиваться как центры междисциплинарных исследований, как мосты между несколькими научными дисциплинами.

Рассмотренные публичные механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления способствуют формированию новых свойств и качеств публичной власти, которые В. Г. Ледяев определяет как интеркурсивную власть: «Акторы с взаимодополняющими типами ресурсов и/или обладающие командной властью в своих сферах вступают в переговоры для выработки условий кооперации. Кооперация позволяет достичь им целей, которых они не смогут достичь самостоятельно… В этом случае более значимым становится вопрос о том, кто может обеспечить координацию усилий нескольких акторов, занимающих стратегические позиции»[16]. В современном постиндустриальном обществе механизмы обеспечения координации деятельности различных агентов и контрагентов государства все в большей степени обеспечиваются информационно-коммуникационной инфраструктурой, на основе которой разрабатываются и внедряются интерактивные механизмы развития публичной политики и сетевого управления, которые невозможны без формирования сетей знаний и активной позиции государства в определении универсальных публичных ценностей.

Публичные механизмы инкорпорирования социальных сетей в систему публичного управления играют важную роль в модернизации современной России. Ресурсный потенциал социальных сетей в модернизационных процессах современной России обусловлен, в первую очередь, их динамическими характеристиками, ведущими к активизации и актуализации скрытых отношений в сфере публичной политики, наполнению существующих связей различных акторов новым содержанием или к ориентации на поиск новых связей для достижения определенной цели. Как отмечает Р. М. Эмерсон, сети возникают не как самоцель, они формируют политическую структуру возможностей, позволяющих субъектам преследовать их цели, намерения и т. д.[17] В этом случае государственное управление предстает здесь не столько административно-управленческой функцией, очень отдаленно связанной с непосредственным общественным влиянием, сколько одним из субъектов общественно-политического процесса по выработке согласованного публичного решения совместно со структурами гражданского общества. Будучи структурами гражданского общества, социальные сети, инкорпорированные в процесс принятия политических решений, участвуют в формировании государственной политики, отвечающей потребностям общественного развития и целям социально-экономической и политической модернизации государства. Интеграция социальных сетей в систему публичного управления способствует формированию политических сетей, которые открыты для иерархических и неиерархических форм взаимодействия различных государственных структур, а также между ними и частными группами интересов.

Будут ли обозначенные сетевые структуры работать на модернизацию Российского государства в качестве ее ресурсов, зависит от существующего институционального дизайна публичной политики, который отражает практически действующие законы и формы координации действий, предопределяет свод институционализированных, а равно неформальных правил, которых придерживаются люди, участвующие в принятии и реализации государственных решений. В случае деформализации институциональной среды публичной политики политические сети становятся структурами, подчиненными частным интересам патрон-клиентарных и вертикально интегрированных политических сообществ, с помощью которых осуществляется жесткий административный контроль над различными формами гражданской активности и давление на них. В данной ситуации политические сети в условиях непроницаемости для общественности системы принятия публичных

решений становятся значимым барьером для решения модернизационных задач, так как активизируют полутеневые и теневые механизмы распределения общественных ресурсов.

В то же время, если интересы сетевого сообщества игнорируются формальными политическими институтами, то коррупция становится альтернативным каналом политического влияния, с помощью которого возможно уже воздействие на процесс имплементации политического решения. В этом случае коррупция выполняет диагностическую функцию в оценке качества системы государственного и муниципального управления, что важно для формулирования последующих задач политической модернизации.

На сегодняшний день важным модернизационным ресурсом для России являются социальные сети, инкорпорированные в проблемные сети и межсекторное социальное партнерство. Они способствуют созданию эффективных механизмов решения социальных проблем отдельных территорий/сообществ за счет вовлечения всех заинтересованных сторон, что ведет к повышению эффективности политических мер в повседневной практике с точки зрения как процесса, так и результата. Социальные сети становятся организованными структурами в процессе принятия публичных решений, инструментами осуществления целей и намерений политических субъектов. Как отмечает К. Шуберт, широкомасштабное, а в тенденции и нарастающее производство политики в современных демократиях предполагает осмысление многообразных политических интересов и объективных аргументов с учетом двух основных условий[18]. Во-первых, это соблюдение демократических принципов и процедур в ходе принятия политических решений, а во-вторых (в значительной мере), транспарентная, безупречная в формально-правовом плане, эффективная с точки зрения как результата, так и процесса подготовка публичных решений и их воплощение в жизнь.

Публичные механизмы предполагают образование открытых сетевых сообществ, интегрирующихся или примыкающих к системе публичного управления, которые способствуют формированию культуры доверия на основе универсальных публичных ценностей и разрешению конфликтов между различными агентами и контрагентами, обмену информацией и продуцированию новых знаний, разрешению общественно значимых проблем и повышению эффективности публичного управления. Развитие публичных механизмов инкорпорирования социальных сетей позволит в перспективе сформировать институциональную систему сетевого публичного управления, которое не только существенно расширит возможности гражданского общества воздействовать на процесс принятия решений, но и качественно изменит пространство публичной политики.

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 12–33-01264 «Трансформация социальных сетей в online- и offline-среде публичной политики: нейтрализация угроз и развитие позитивного потенциала».

Примечания

1 См.: *Дегтярев А. А.* Принятие политических решений. М. : КДУ, 2004. С. 19.

2 См.: *Соловьев А. И.* Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти // Полис. 2011. № 5. С. 71–72.

3 *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 69.

4 Исследование выполнено коллективом ученых под руководством Е. В. Морозовой в рамках проекта «Формирование и реализация региональной модели поддержки инновационной деятельности на всех этапах инновационного цикла в Краснодарском крае» по программе «Развитие научного потенциала высшей школы» Министерства образования и науки РФ.

5 *Морозова Е. В.* Проблемные сети как форма связи государства и гражданского общества // Политика развития и политико-административные отношения : сб. науч. ст. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2009. С. 91.

6 См.: *Липски М.* «Уличный» уровень бюрократической системы управления : важнейшая роль чиновников данного уровня // Классики теории государственного управления : американская школа / под ред. Д. Шафритца, А. Хайда. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. С. 524–535.

7 *Джанда К. [и др.]* Трудным путем демократии. Процесс государственного управления в США : пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2006. С. 534.

8 Там же.

9 Путин согласился с экологами в вопросе переноса строительства олимпийских объектов. URL: http://realty.lenta.ru/news/2008/07/03/sochi/ (дата обращения: 12.05.2013).

10 *Морозова Е. В.* Проблемные сети в государственном и муниципальном управлении. URL: http://manag.kubsu.ru/gpgu/miroshni4enko/12.html (дата обращения:12.05.2013).

11 См.: *Яницкий О. Н.* Экологическая политика как сетевой процесс // Полис. 2002. № 3. С. 46.

12 См.: *Burstein P., Einwohner R. L., Hollander J. A.* The Success of Political Movements : a Bargaining Perspective. L. : Minneapolis, 1995.

13 *Якимец В. Н.* Социальное партнерство в России : исследования, механизмы, опыт // Социальное партнерство. Российский опыт. Год 2000. СПб. : Интерлэнт, 2001. С. 30.

14 См.: *Якимец В. Н.* Межсекторное социальное партнерство : возможности и ограничения. М. : РОО «Кеннан», 2001. С. 40.

15 См.: *Клицунова Е. В.* Фабрики мысли и политический трансферт // Публичная политика–2004 : сб. ст. / под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб. : Норма, 2004. С. 39–41.

[16] *Ледяев В. Г.* Эмпирические исследования власти в городских сообществах : проблемное поле // Политическая наука. 2003. № 3. С. 45–46.

[17] См.: *Emerson R. M.* Exchange Theory. Part I and II // Sociological Theory in Progress. Boston, 1972. Vol. 2. P. 38–47.

[18] См.: *Шуберт К.* Логика структуры, логика субъектов и логика инновации : концепции сетей и анализ сфер политики // Методические подходы политологического исследования и метатеоретические основы политической теории. Комментированное введение / сост. Н. Коненген, К. Шуберт. М. : РОССПЭН, 2004. С. 202.

УДК 261.7

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ НА ПОЧВЕ ИСЛАМА В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Р. Г. Галихузина[1], М. М. Марданшин[2]

[1] Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: garezeda@yandex.ru
[2] Учреждение среднего профессионального религиозного образования медресе «Фанис», Уруссу
E-mail: maratmardanshin@rambler.ru

На основе результатов вторичного исследования, анализа материалов периодической печати изучаются причины радикализации мусульман в Приволжском федеральном округе, определяется характер проявлений экстремизма на почве ислама. Формулируются механизмы, способствующие снижению экстремистских настроений и сохранению конфессионального диалога в округе.
Ключевые слова: власть, возрождения ислама, традиционный ислам, политизация ислама, религиозный экстремизм, профилактика.

Religious Extremism in the Soil of Islam in the Volga Federal District

R. G. Galikhuzina, M. M. Mardanshin

Based on the results of the secondary research, analysis periodicals studied the causes of radicalization of Muslims in the Volga Federal district, is determined by the nature of extremism on the soil of Islam. Formulated mechanisms contributing to the reduction of extremist attitudes and preservation of religious dialogue in the district.
Key words: power, renaissance of Islam, traditional Islam, politicization of Islam, religious extremism, prevention.

Современная повестка дня, формируемая событиями, происходящими в различных точках конфликтного кипения в России и мире, актуализирует необходимость научного осмысления возрастания влияния исламского фактора на геополитические процессы. Ислам, регламентируя различные стороны социальных отношений, определяет не только характер взаимодействия внутри конфессионального сообщества, но и стремительно расширяет свое присутствие в общественно-политической сфере.

В многонациональной России в последние десятилетия выкристаллизовываются проблемы, связанные с отношением социума к исламу, стремлением части деструктивных элементов использовать его как средства радикальных преобразований, проявлением импортированных форм ислама, религиозной нетерпимости. Данные аспекты привлекают внимание все большего количества исследователей[1].

Как отмечает известный исламовед Р. М. Мухаметшин, «в России последователи ислама проживают практически во всех субъектах Федерации и принадлежат к 40 этносам России. По экспертным оценкам, их количество колеблется в пределах 12–20 млн человек и может составлять от 8 до 12 процентов населения России»[2]. Исторически мусульманская культура представлена на территории Северного Кавказа, Поволжья, Урала, Западной Сибири.

Изучение векторов развития такого количества российских мусульман, откат части из них к радикализму, увеличение количества проявлений экстремизма на почве ислама не теряет своей актуальности. В этой связи интерес представляет рассмотрение проблем, стоящих перед мусульманской умой ПФО, факторов, приводящих к проникновению в регион радикальных течений, и выработка механизмов противодействия религиозному экстремизму.

В изучаемом округе состоящим из шести республик – Башкирии, Татарстана, Чувашии, Мордовии, Удмуртии, Марий Эл, Пермского края, семи областей – Кировской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской, «проживают около 40% мусульман России»[3]. В частности, количество мусульман в «Башкирии составляет 54,5%, в Татарстане – 54%, в Оренбургской области – 16,7%, в Ульяновской – 13%»[4].

Рассмотрим спектр деструктивных течений, распространенных в округе. Среди организаций, признанных в России экстремистскими и террористическими, в Башкирии действуют «Имарат Кавказ», «Булгарский джамаат» (по данным ФСБ, часть «Аль-Каиды»), «Исламский джамаат», «Хизб ут-Тахрир»[5]. В Чувашской Республике в 2008 г. пятеро мусульман были привлечены к ответственности за причастность к «Хизб ут-Тахрир» по ч. 2 ст. 282–2 (участие в деятельности религиозного объединения, в отношении

© Галихузина Р. Г., Марданшин М. М., 2014

которого судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности) и ч. 2 ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти и вражды, а равно унижение человеческого достоинства)[6].

В Татарстане ведется борьба с такими объединениям как, «Хизб ут-Тахрир» и «Вакф», последователями шейха Умара (Айрата Шакирова, «Ахль ас-Сунна»), аполитичным движением «Таблиги Джамаат»[7]. В Нижегородской области к уголовной ответственности привлекаются члены «Хизб ут-Тахрир» и последователи турецкого богослова Сайда Нурси.

В Оренбургской области с 2007 г. судами последовательно запрещается большое количество сочинений, рекомендованных для чтения, – сборники хадисов, трудов средневековых богословов, которые включаются в Федеральный список экстремистских материалов.

В Пензенской области объектом внимания правоохранительных служб стало медресе, расположенное в татарском селе Средняя Елюзань. В феврале 2008 г. Городищенский городской суд признал экстремистской книгу И. Галяутдина «За добро – добро, а за зло – зло», которая была изъята из медресе. Происходили проверки по установлению причастности имама к деятельности «Таблиги Джамаат», которые выявили лишь факт обучения имама в Индии, Бангладеше и Пакистане. Региональные власти Самарской области ведут борьбу с последователям турецкого богослова Сайда Нурси, «Хизб ут-Тахрир» и другим.

В Ульяновской области в 2008 г. были осуждены восемь членов группы «Джамаат», которые обвинялись в совершении разбойных нападений, похищении людей и убийствах. По версии следствия, обвиняемые – жители Ульяновской области, Чувашской Республики, республик Татарстан и Дагестан – «в специально оборудованной под мечеть квартире проводили религиозные обряды, церемонии, проповеди и занятия, на которых публично возбуждали ненависть и вражду к иноверцам, а также неоднократно обращались к лидерам мусульманских общественных организаций Ульяновской области и прихожанам с предложением о распространении вероучения “ваххабизм”»[8]. В области по антиэкстремистским статьям преследуются последователи Сайда Нурси.

По оценкам крупнейшего отечественного исламоведа А. В. Малашенко, в разное время «проявления “ваххабизма” замечены в Татарстане (Набережные Челны, Альметьевск, Нижнекамск, Кукмор), Башкирии (Агидель, Баймак, Октябрьское, Сибай, Уфа), Мордовии (Белозерье), Самарской (Тольятти), Оренбургской, Пензенской, Пермской, Ульяновской областях»[9].

Данная статья посвящена выявлению причин распространения религиозного экстремизма на почве ислама в российском измерении на материалах Приволжского федерального округа и определению характера его проявлений.

Генезис указанных процессов в изучаемых российских регионах, по мнению авторов, имели, прежде всего, внутренние предпосылки, которые более четко обозначились на фоне мировых тенденций политизации ислама в странах исламского мира, достигнув тем самым пределов российских субъектов.

Как отмечает Л. В. Сагитова, «к началу XXI в. стало ясно, что “вернувшийся ислам” часто отличается от дореволюционных канонов. Появилось другое понятие – “исламская глобализация”, подразумевающее заполнение духовной ниши тюрков арабской версией ислама» . В то же время она указывает, что проповедники с Востока и подготовка местного мусульманского духовенства в зарубежных образовательных центрах легли в основу «ревизии традиций предков»[11] .

Таким образом, традиционность ислама, по мнению исследовательницы, стала спорным явлением. Обозначились два субъекта конфликтного взаимодействия: это «сторонники региональной исторической традиции, для которых истина была в канонах предков, и исламские неофиты, где арабская модель ислама считалась единственной истинной», считает исследовательница. Парадоксальность, по ее словам, «заключается в причудливом сплетении исторической инерции и новых глобализационных заимствований, которые не всегда идеологически сочетаются»[12].

Для понимания процессов, происходящих в мусульманском пространстве ПФО, в статье определяются проблемы, существующие в развитии ислама в округе, решение которых позволит снизить такие последствия возрождения исламских традиций, как исламофобия, радикализация среди молодых мусульман.

Ислам как система ценностей и социальный регулятор в России прошел сложный путь своего развития. В российских субъектах, где исторически ислам имел глубокие корни, в 1990-е гг. прошлого века наблюдался рост религиозного сознания мусульман, которые формировали свою исламскую идентичность, активно приобщаясь к культуре исламского мира, получали различное религиозное образование за рубежом. В это время, после долгих десятилетий забвения религии, наблюдался масштабный процесс строительства мусульманской уммы, возводились мечети, открывались исламские учебные заведения. Исламский фактор применительно к Татарстану, по мнению российского исламоведа Р. М. Мухаметшина «воспринимался как важнейший компонент национального самосознания и необходимый атрибут в борьбе за суверенитет Татарстана»[13]. Полагаем, что и для мусульман, проживающих в округе, в 1990-е гг. ислам становился неким механизмом осознания себя в новых постсоветских реалиях.

Активное возрождение ислама в округе приводило не только к росту духовности, укреплению нравственных устоев в обществе, возрождению утраченных традиций. Параллельно с этим происходило проникновение «чуждых поликонфессиональному обществу мировоззренческих установок, что, в свою очередь, выступает основой для возникновения религиозных и этнических конфликтов»[14].

Кратко остановимся на том, что представляли собой данные не характерные для Приволжского федерального округа, исламистские идеи. Отличия радикальных течений от традиционного (официального) ислама, состоит в том, что «они находятся обособленно от других групп, не признают их как равных участников в исламском возрождении, также считая все остальные группы отошедшими от базисных основ Ислама в отношении вероубеждения»[15].

Анализ публикаций периодической печати, экспертных докладов позволяет говорить, что в округе распространение получили так называемые протестно-политические течения «Хизб ут-Тахрир», «Ат-Такфир валь-Хиджра». Они относятся к суннитскому направлению ислама и призывают к построению альтернативной светской модели форме государства, отвечающей нормам шариата.

В соответствии с классификацией, предложенной киргизским исследователем К. К. Маликовым, салафитов, о наличии которых в ПФО сообщают нам правоохранительные органы, научное сообщество, СМИ, он относит их к «нерадикальному или умеренному “васытыя” салафизму (ваххабизму). Данное течение «направлено на критику традиционного ислама в большей части вероучения (аль-акыда матуридия), отрицания обязательности придерживаться определенного мазхаба (юридической школы)»[16].

Первоочередной проблемой, воздействующей на уровень конфликтности в религиозной сфере и в то же время обладающей потенциалом противодействия экстремизму, по мнению авторов, является проблема разработки контуров образовательной политики мусульманских учебных заведений в современной России.

Этот вопрос, на протяжении многих лет обсуждающийся в кругах мусульманского духовенства, до сих пор не получил своего разрешения. При этом в современной России именно система мусульманского образования определяет развитие мусульманской уммы, выстраивает будущее ислама как мировой религии в стране, способствуя формированию межконфессионального согласия.

Более чем двадцатилетний опыт построения системы исламского образования в округе накоплен в Татарстане. В этой связи обращение к нему позволит определить место мусульманского образования в процессах проникновения в ПФО чуждой идеологии так называемого «чистого ислама». В значительной мере с учетом специфики общие тенденции развития ислама можно распространить и на другие регионы округа.

Р. М. Мухаметшин отмечает, что в 1990-е гг. «многие процессы, связанные с возрождением ислама в Татарстане, развивались независимо от деятельности Духовного управления мусульман. Существующие мусульманские учебные заведения, имеющие различный статус, в лице ДУМ РТ не нашли ни научно-методического и координационного, ни тем более достаточного материально обеспечивающего центра. Тем не менее, несмотря на отсутствие единого координационного центра, в 1990-е годы в Татарстане появились первые мусульманские учебные заведения»[17]. Они, по оценкам исламоведа, остались без поддержки и испытывали финансовые и материально-технические проблемы. Остро, по его мнению, стояла проблема кадрового обеспечения по богословским дисциплинам. В этих условиях, поясняет Р. М. Мухаметшин, они «приглашаются, точнее, присылаются различными международными мусульманскими организациями. Мусульманские учебные заведения Татарстана, не имея возможности обеспечивать себя педагогическими кадрами и контролировать их профессиональный уровень, вынуждены довольствоваться теми, которые приезжали за счет различных фондов. Наряду с низкой профессиональной подготовкой, среди педагогов довольно часто встречаются и представители других, не характерных для мусульман Поволжья мазхабов (араб. “путь”, юридическая школа шариатского права в исламе. – *Авт.*)»[18].

Г. Галиулла, занимавший в 1995 г. пост муфтия в Татарстане (от араб. высказывающий мнение, дающий фетву; знаток шариата, глава мусульманского духовенства. – *Авт.*), отмечал: «…в скором будущем я не исключаю и более глубоких расколов в нашей среде, и не только по политическим соображениям. На сегодняшний день свыше 100 студентов только из Татарстана обучаются в духовных учреждениях Турции, Сирии, Иордании, Ливии, Марокко, Туниса, Саудовской Аравии, Арабских Эмиратов, Малайзии, Индонезии. Это страны мусульманского мира, среди них есть и такие, где исповедуется шиизм»[19].

Мы можем предположить, что причиной, выталкивающей отдельных мусульман из мусульманского образовательного пространства региона, стала их оценка уровня и качества преподавания в российских медресе.

Потеря авторитета к местным, находящимся преимущественно в преклонном возрасте служителям культа – хазратам (уважительное обращение к человеку с высоким религиозным статусом. – *Авт.*) и имамам (духовный наставник, руководитель прихода. – *Авт.*) объясняется тем, что время их профессионального становления как религиозных деятелей пришлось на эпоху

атеизма. В этот период в России изучать основы своей религии было крайне опасно и запрещено. Несмотря на жесткие ограничения в религиозной сфере, эти люди все же тайно продолжали совершать обряды и обучать единоверцев основам ислама. В силу этих причин имамы не могли овладеть глубинными теоретическими знаниями в области богословия.

Иными словами, отдельные молодые мусульмане, испытывающие определенное недовольство уровнем квалификации местных имамов, не желали воспринимать знания, основанные на традициях предков, предпочли усваивать нормы религии, призывающие использовать насилие и оказывать вооруженное сопротивление властям.

Своеобразный «отток» мусульман за рубеж с целью получения религиозного образования авторы склонны связывать с тем, что создать целостную и многоступенчатую систему мусульманского образования к концу 1990-х гг. в Татарстане, равно как и во всем ПФО, за короткие сроки было невозможным. Более того, подготовка квалифицированных специалистов требовала длительного времени.

Мотивация отъезда мусульман в ближнее и дальнее зарубежье заключается также и в том, что данная категория мусульман зачастую утверждала, что местный, «народный», ислам за семьдесят лет своего забвения не отражал истинного смысла и воспроизводился только в погребально-ритуальных обрядах, не затрагивая глубинных основ вероучения. В данной ситуации получить истинные и фундаментальные знания, как считали они, возможно было только на родине Пророка – в Саудовской Аравии, где ислам сохранился в неизменном виде. Поясним, что ханбалистский мазхаб, распространенный в Саудовской Аравии и некоторых странах Персидского залива, в отличие от ханафитского мазхаба, обладает большей строгостью, консервативностью.

Оборотной стороной получения религиозного образования за рубежом российскими мусульманами стало их порою критическое восприятие традиционного уклада единоверцев среди соотечественников.

Через призму становления исламского образования в округе, таким образом, можно выявить субъекты поколенческого, внутриконфессионального конфликта. Л. В. Сагитова указывает, что «привнесение исламских норм и практик, полученных в зарубежных исламских университетах, вызвало конфликтную ситуацию: “старые” имамы не соглашались с новой интерпретацией ислама; “молодые” – оспаривали “старую”версию российского ислама, по их мнению, искаженную советской действительностью. “Молодых”, получивших образование в признанных центрах ислама, можно в какой-то степени назвать неофитами. Пафос их “истинной” мусульманской идентификации основан не только на мнении о том, что в советское время ислам был сильно искажен, а его служители были подконтрольны власти. Опыт многолетнего наблюдения “другой” жизни в мусульманских странах заставил их оценить не в лучшую сторону постсоветскую повседневность, где присутствуют алкоголизм, наркомания, проституция, коррупция и социальная незащищенность. Поскольку в негативе находится та часть жизни, что связана с моралью, нравственностью и духовными ценностями, то спасением видится следование нормам ислама. Но не того, привычного, традиционного для России ислама, который не дал пока ожидаемого эффекта, а “истинного” ислама с арабского Востока»[20].

Второй проблемой, приводящих к радикализации мусульман ПФО, являются разногласия внутри мусульманской уммы, которые используют в своих целях представители деструктивных течений.

Косвенным свидетельством разобщенности в среде мусульманского духовенства может служить наличие в регионе нескольких централизованных религиозных организаций, порой дублирующих функции друг друга.

А. В. Малашенко, определяя роль государства в этих процессах, отмечает, что власть «своей приоритетной задачей в отношении ислама сделала установление контроля над ним… и чтобы “дирижировать” мусульманством, власти было необходимо, во-первых, определить степень своей заинтересованности в его организационном единстве…»[21]

Как указывает в своей статье А. В. Сызранов, рассматривающий государственную политику России по отношению к мусульманским организациям Поволжья в 1991–2008 гг., «собственные Духовные управления мусульман (ДУМы) созданы в каждом из поволжских субъектов, причем в Башкортостане, Оренбургской и Ульяновской областях существуют сразу по три таких структуры, а в Татарстане, Мордовии, Чувашии, Пермском крае и Пензенской области – по две»[22]. Эта тенденция характерна и для других регионов. Для сравнения, на сегодняшний день в Уральском федеральном округе только в г. Екатеринбурге действуют 5 муфтиятов.

Противоречия проявляются и в высшей структуре управления мусульманскими организациями. В ноябре 2011 г. Центральное духовное управление мусульман Чувашской Республики вышло из состава Совета муфтиев России. В апреле 2012 г. Единое духовное управление мусульман Пензенской области откололась от Духовного управления мусульман европейской части России. Вплоть до 2010 г. приходы Самарской области были подконтрольны Центральному духовному управлению мусульман России под руководством Т. Таджутдина (г. Уфа), однако уже несколько лет в области существует местная мусульманская религиозная организация, подчиняющаяся татарстанскому муфтияту.

Лояльность мусульманского духовенства к власти также является объектом критики радикально настроенной молодежи и отворачивает их от представителей традиционного ислама. Наиболее характерно ситуацию с подконтрольностью мусульманского духовенства государству выразил А. В. Малашенко: «Так, в Татарстане и Башкирии светская власть, опираясь на административный ресурс, свободно манипулирует исламом и контролирует религиозную ситуацию»[23]. А. В. Сызранов указывает, что, в частности, «ДУМ республики (Татарстан. – *Авт.*) оказался встроенным в систему власти. Строгий надзор администрации над исламом объясняется высокой степенью влияния религии на общество, а также тем, что межконфессиональное согласие является одним из главных козырей республиканских политиков в его непростых отношениях с Кремлем»[24]. Необходимо указать, что контроль над исламом вызван стремлением не допустить проявлений религиозного экстремизма и противодействовать ему.

По оценкам Л. В. Сагитовой, «ислам стал важнейшим ресурсом в поиске экономических и политических союзников для региональных администраций и мусульманских институтов в условиях новых политических реалий и рыночной экономики»[25].

В централизованных религиозных организациях отмечаются внутриорганизационные конфликты как горизонтального, так и вертикального типа. Примером тому может служить ситуация, с которой столкнулись в 1998 г. самарские мусульмане. Тогда «группа мусульманских активистов во главе с лидером местного отделения Всемирного конгресса татар Р. Ягудиным созвала чрезвычайный съезд, попытавшийся сместить муфтия В. Яруллина и выбрать новым председателем РДУМ СО имама хатыба самарской Соборной мечети А. Канюкаева»[26].

На низовом уровне разногласия проявлялись в установлении влияния представителей «чистого ислама» над мечетями. В частности, в 2011 г. «ваххабиты захватили мечеть в Альметьевске (Татарстан), чуть раньше Красноуфимске (Свердловская область), Бугуруслане и Абдулино (Оренбургская область)»[27].

Внутриполитические процессы в России, связанные с первой чеченской кампанией 1996 г., представляли третью проблему, влияющую на степень радикализации молодежи. Через данный канал молодые мусульмане приобретали не только искаженные знания об исламе, они получали опыт вооруженного сопротивления властям и переносили его, вернувшись, в свой регион, организуя и участвуя в подрывной деятельности. Чеченские события напрямую повлияли на выбор стратегий поведения части молодых мусульман ПФО, определив их политические взгляды, которые были отнюдь не мирными и стоящими вдалеке от гуманистического характера ислама, под флагами которого они выступали. «Эти события в республике нашли своеобразное отражение: в вину некоторым медресе Республики Татарстана (“Юлдуз” в г. Набережные Челны и Исламскому институту им. Р. Фахретдинова в г. Альметьевск) ставили участие их бывших шакирдов в отрядах чеченских боевиков»[28].

Боевые действия, происходившие в то время на Северном Кавказе, отразились на работе медресе Татарстана. Деятельность мусульманских фондов, которые финансировали мусульманские учебные заведения, как отмечал муфтий Татарстана Г. Исхаков, «оказалась под жестким контролем федеральных властей, и они, по сути дела, свернули свою благотворительную деятельность. До сих пор в основном их финансировали международные арабские благотворительные организации, которые всегда выдвигали свои условия для приглашения иностранных преподавателей, выплаты зарплаты административно-преподавательскому составу, соблюдения учебных планов и использования литературы. Таким образом, игнорировался многовековой опыт нашего традиционного мусульманского вероисповедания и наследие великих татарских просветителей и ученых…»[29] Г. Исхаков призывал государство к участию в частичном финансировании религиозных учебных заведений, выражая опасение, что «проблема, не решенная на уровне религиозного общества, рано или поздно распространится по всему обществу, проникнет в самые разные области жизни»[30].

Идеи о необходимости участия в военных действиях распространялись вербовщиками в одной из мечетей Набережных Челнов, крупнейшем промышленном городе региона, «которые рассказывали прихожанам, что в Чечне существует учебный центр “Кавказ”, созданный в 1997 г. Хаттабом и Ш. Басаевым в Шалинском районе Чеченской Республики для обучения теории и практике диверсионно-террористической деятельности, где арабы учат мусульман “правильному исламу”»[31].

Примером невключенности мусульман в мусульманское образовательное пространство Татарстана является судьба Рамазана Ишкильдина, в 1999 г. организовавшего подрыв магистрального газопровода в Кукморском муниципальном районе Татарстана. Он не пожелал получить образование в татарстанских медресе и уехал учиться «на имама» в Веденский район Чечни, где действовал печально известный учебный центр террористов «Кавказ», в котором вербовщики проводили религиозное обучение и диверсионно-тактическую подготовку. Таким образом, в условиях зарождающейся системы мусульманского образования в Татарстане, которая сталкивалась с организационными проблемами, отдельные лица предпочли получить знания об исламе не у местных проповедников, а усваивали нормы ислама, не свойственные татарстанскому мента-

литету, вставая на преступный путь, пополняя ряды религиозных экстремистов.

Радикализация некоторой части мусульман происходит и в российских тюрьмах. Глава управления ФСИН В. Трофимов указывает, что проповедники радикального ислама, оказавшиеся в местах лишения свободы, «представляют угрозу не только потому, что способны эффективно распространять свою идеологию на осужденных мусульман, но и активно вовлекать в свои ряды заключенных других вероисповеданий»[32].

Так, житель Ульяновска чувашин В. Ильмендеев, новообращенный в «чистый ислам», создал в 2002 г. джамаат. Под лозунгами ислама ячейка «творила преступления против "неверных", к которым относились и мусульмане-традиционалисты. Костяк джамаата занимался рэкетом и грабежами, особенно доставалось дальнобойщикам, проезжающим через Ульяновскую область, а остальные члены объединения делали регулярные взносы в общак»[33]. Отбывая наказание в исправительном учреждении, он занимался вербовкой ваххабитов, поддерживал отношения с представителями «Имарат Кавказ», вследствие чего на него завели новое дело о создании террористической ячейки в тюрьме.

Четвертую серьезную проблему в системе радикализации молодежи ПФО представляют миграционные потоки из Средней Азии. Часть мигрантов, прибывающих в округ, имеют боевой опыт, полученный в ходе участия в различных горячих точках постсоветского пространства, предварительно попав под идеологическое влияние зарубежных миссионеров.

В целом проявления экстремизма на почве ислама в ПФО можно классифицировать следующими противоправными деяниями:

– агитация необходимости непримиримой войны с «кяфирами» (неверующий) после массовых молитв в мечетях;

– серия терактов на промышленных объектах (линии электропередач, газораспределительных станций) ПФО. Так, в 2005 г. «в Самарской области экстремисты взорвали опору высоковольтной линии, произошел подрыв магистрального газопровода в Ульяновской области»[34];

– распространение экстремистской литературы и проведение публичных акций.

Так, в 2012 г. в Татарстане был организован автопробег с символикой радикальной организации. В частности, участников акции обвиняют по пункту «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенное организованной группой»), предъявлено обвинение в участии в деятельности экстремистской организации (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ). Участники партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» «занимались изучением и распространением экстремистской литературы, вовлечением в организацию новых лиц, распространением среди населения экстремистских настроений»[35].

В мае 2009 г. в Ромодановском районе Мордовии в мусульманских общинах села Белозерье были обнаружены книги, «внесенные в Федеральный список экстремистских материалов ("Ислам сегодня", "Необходимость соблюдения «Сунны Посланника Аллаха»", "Объяснение основ веры")»[36]. Муфтию Мордовии были внесены предостережения о недопустимости нарушений закона о противодействии экстремизму:

– изучение запрещенных трудов турецкого богослова Сайда Нурси и организация деятельности запрещенной организации «Нурджулар». Уголовные дела по ч. 1 и 2 ст. 282 УК в 2013 г. были возбуждены против двоих жителей и одной жительницы Набережных Челнов. Ленинский районный суд Оренбурга в марте 2012 г. также запретил исламскую литературу по ассоциации «Нурджулар» (68 материала). За наличие запрещенных книг Нурси в библиотеках исправительных колоний Ульяновска и ульяновской тюрьмы к дисциплинарной ответственности были привлечены сотрудники ФСИН;

– создание «джамаатов» в округе. К примеру, в Татарстане был ликвидирован «Чистопольский джамаат». 24-м задержанным лицам предъявили обвинение по статье «Организация террористического сообщества». Именно эти люди, по мнению следствия, стоят за попыткой обстрела самодельными ракетами «Нижнекамскнефтехима» и поджогами православных храмов, совершенными в конце 2013 г. в Татарстане;

– организация, участие и привлечение новых адептов в религиозно-политическую партию «Хизб ут-Тахрир». Как правило, дела возбуждают по ст. 282.1 («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282.2 («Организация деятельности экстремистской организации»). «Причастность к деятельности "Хизб ут-Тахрир" нередко доказывается с помощью обысков и обнаружения в домах подозреваемых и мечетях исламской литературы, внесенной в Федеральный список экстремистских материалов». В Уфе 2013 г. против четверых местных жителей, сторонников «Хизб ут-Тахрир», были выдвинуты обвинения по ст. 30 и 278 УК («Приготовление к насильственному захвату власти»), ранее также обвинявшихся по ч. 1 ст. 282 УК («Организация и участие в запрещенной за экстремизм организации»)[37];

– координация «Хизб ут-Тахрир» с местными «джамаатами». В Казани и Набережных Челнах возбудили уголовные дела в отношении участников данной запрещенной религиозной организации и установлена их связь, в том числе с так называемым «Чистопольским джамаатом»[38];

– стремление заручиться поддержкой со стороны органов государственной власти. Как отмечает министр внутренних дел РФ по Татарстану А. Хохорин: «Все более настойчиво салафиты для достижения своих целей стремятся проникнуть в органы государственной власти, заручиться их поддержкой»[39];

На основании сказанного выше можно сделать следующие выводы.

Основной круг проблем, требующих решения для мусульманского сообщества округа, определяется укреплением позиций традиционного ислама. Базисом, цементирующим мусульманскую общность Приволжского округа, является система просвещения, которая переживает период своего становления. Эффективное функционирование системы мусульманского образования, отвечающего запросам будущих представителей духовенства, способно создать мощный культурный пласт, в котором будет культивироваться местная богословская школа, ограждающая от проникновения в ПФО радикальных идей.

Полноценное интегрирование молодых имамов в систему постиндустриальных отношений представляется важной задачей для современного российского общества. В настоящий момент вопрос их социальной поддержки и гарантий зачастую остается за пределами внимания, в связи с чем закономерен отток ценных кадров из этой области. Повышение авторитета мусульманского духовенства России при опоре на многовековой опыт в системе религиозного образования позволит перехватить инициативу в формировании мировоззренческих установок и сознания мусульманской молодежи в рамках традиционных мусульманских ценностей, исторически сложившихся в округе.

Опасность для стабильности религиозной сферы представляют усиливающиеся деструктивные течения, появление которых было вызвано как внутренними, так и внешними обстоятельствами. Среди внутренних факторов, способствующих радикализации, выделим проблему возрождения мусульманской образовательной традиции, которая была прервана в советский период. Это привело к тому, что в 1990-е гг. в условиях отсутствия должного финансирования руководство местных медресе строило образовательную политику, опираясь не на местную для региона исламскую идеологию, а на арабскую, оправдывая тем самым зарубежную материальную помощь. В то время молодые мусульмане, не довольствуясь качеством образования, получаемого в медресе, искали альтернативные источники знаний и находили их в лице псевдопроповедников. Оторванные от местной исламской культуры, проповедуя импортированные ортодоксальные исламистские идеи, ряд мусульман по возвращении все же сумели адаптироваться и заняли умеренные позиции, другие же стали на путь экстремистской деятельности.

Несмотря на длительный процесс строительства мусульманского сообщества, мусульмане ПФО в последние годы сталкиваются с внутриконфессиональными противоречиями, которые институционализируются в организационные, финансовые, идеологические конфликты. Данные споры, помимо разрушения целостности мусульманской уммы, приводят к ослаблению авторитета и доверия к мусульманской управленческой вертикали.

Внешние причины радикализации мусульман округа были связаны с событиями на Северном Кавказе и процессами глобализации. Они активизировали проникновение в ПФО радикальных форм ислама, за которыми последовали проявления религиозного экстремизма (создание ячеек «Хизб ут-Тахрир», рост приверженцев ваххабизма или салафия, подрывы линий электропередач, газопроводов, распространение экстремистской литературы и др.).

Интернет открыл значительные возможности для обмена информацией, и на этом фоне воспроизводство культурной и религиозной идентичности мусульманин ПФО, основываясь на исламских традициях и местной культуре, представляется весьма сложным. Количество сайтов экстремистской направленности, размещенных на зарубежных серверах, в условиях отсутствия возможности блокировки их деятельности представляет угрозу для национальной безопасности. Добиться их закрытия в странах, где существует максимально либеральное законодательство в отношении Интернета, сложно.

Следует активно вовлекать в образовательную среду молодых мусульман, в возрасте от 13 до 35–40 лет, с целью избежать неофициального обучения исламу и сгенерировать вокруг медресе мусульман, желающих приобщиться и развивать собственные богословские традиции, лишенные агрессивного понимания сути ислама. Все это позволит направить духовные искания молодых мусульман в конструктивное русло, т. е. приобщаться к богословскому наследию, что даст возможность избежать сползания к религиозному экстремизму.

Полагаем, что установление диалога между последователями традиционного ислама и альтернативных его форм, преодоление идеологических разногласий, оптимизация вертикали управления мусульманскими организациями, а также создание стабильной системы их самофинансирования позволит воспитать последующие поколения мусульман в духе толерантности и снизит риски ее радикализации.

Примечания

1 См.: *Вилков А. А.* Толерантность межэтнических отношений как основа противодействия политическому экстремизму // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Т. I / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхъяева, А. М. Муртазалиева, К. М. Ханбабаева. Махачкала : Лотос, 2008. С. 492–497.

2 *Мухаметшин Р. М.* История ислама : учеб. пособие. Наб. Челны : Духовно-деловой центр «Ислам нуры», 2012. С. 101.

[3] Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2013. С. 7.

[4] *Силантьев Р.* Новейшая история исламского сообщества России. М. : ИИПК «Ихтиос», 2005. С. 149.

[5] См.: *Раздъяконов В. С., Сергазина К. Т.* Общественно-религиозные отношения // Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад. С. 15.

[6] Там же. С. 23.

[7] Там же. С. 17.

[8] Там же. С. 35.

[9] *Малашенко А.* Ислам для России / Моск. центр Карнеги. М. : РОССПЭН, 2007. С. 30.

[10] *Сагитова Л. В.* Поволжский ислам в эпоху глобализации : традиция-реставрация или традиция-инновация? // Вестн. Ин-та социологии. 2010. № 1. С. 481.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] *Мухаметшин Р. М.* Ислам в Татарстане. М. : Логос, 2006. С. 10.

[14] *Мухаметшин Р. М.* История ислама. С. 6.

[15] *Маликов К.* Теоретические и практические основы по взаимодействию с мусульманской общиной : Краткое пособие по исламу. Бишкек, 2013. С. 78.

[16] Там же. С. 99.

[17] Там же. С. 383.

[18] Там же. С. 384.

[19] Там же.

[20] *Сагитова Л. В.* Указ. соч. С. 484–485.

[21] *Малашенко А*. Указ. соч. С. 96.

[22] *Сызранов А. В.* Государственная политика России по отношению к мусульманским организациям Поволжья (1991–2008 гг.) // Политика и общество. С. 121. URL: http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR%204(33)%202012/120-130.pdf (дата обращения: 23.07.2014).

[23] *Малашенко А.* Указ. соч. С.103.

[24] *Сызранов А. В.* Указ. соч.

[25] *Сагитова Л. В.* Указ. соч. С. 482.

[26] *Сызранов А. В.* Указ. соч.

[27] *Емельяненко В.* Халифат всея Руси // Русский репортер. 2013. № 43. С. 26.

[28] *Мухаметшин Р. М.* Возникновение и функционирование официальных мусульманских институтов в Татарстане // Ислам в Среднем Поволжье : история и современность. Очерки. Казань : Мастер Лайн, 2001. С. 385.

[29] Там же. С. 388.

[30] Там же.

[31] *Сафаров А. А.* Закат казанского феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана. Казань : Татарское кн. изд-во, 2012. С. 218.

[32] Откуда берутся исламские радикалы? URL: http://www.islamnews.ru/news-142920.html (дата обращения: 20.07.2014).

[33] *Мельников С.* Ислам строго режима // Огонек. 2013. № 33 (5289). С. 33.

[34] *Сафаров А. А.* Указ. соч. С. 249.

[35] В Казани будут судить организаторов автопробегов с флагами «Хизб ут-Тахрир». URL: http://rt.rbc.ru/tatarstan_topnews/14/07/2014/936382.shtml (дата обращения: 20.07.2014).

[36] *Раздъяконов В. С., Сергазина К. Т.* Указ. соч. С. 21.

[37] Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году : сб. ежегодных докл. Информ-аналит. центра «Сова» / под ред. А. М. Верховского. М. : Центр «Сова», 2014. С. 106.

[38] См.: А. Хохорин планирует привлечь к ответственности всех участников «Хизб-ут-Тахрир» в РТ. URL:http://rt.rbc.ru/tatarstan_freenews/15/07/2014/936683.shtml (дата обращения: 20.07.2014).

[39] В МВД Татарстана считают Нижнекамский район одним из самых сложных в части распространения экстремизма. URL:http://info.tatcenter.ru/article/117483/ (дата обращения: 20.06.2014).

УДК 32.019.51

ФРЕЙМИНГ МЕДИА-ТЕКСТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА АУДИТОРИЮ: ОБЗОР РАСПРОСТРАНЕННЫХ ТРАКТОВОК

А. А. Казаков

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com

В статье рассмотрены основные подходы к определению фрейминга, проанализированы виды и механизмы формирования фреймов. Автор обосновывает тезис о неправомерности отождествления фрейминга и установления повестки дня второго уровня.

Ключевые слова: фрейминг, фрейм, повестка дня, установление атрибутивной повестки дня, массмедиа.

Framing in Media Stories as a Tool of Influence on the Audience: Review of Widely Spread Interpretations

A. A. Kazakov

The main approaches to definitions of framing are examined; types and mechanisms of frames' formation are analyzed in this article. The author substantiates the idea that framing and the second-level agenda setting cannot be regarded as equal phenomena.

© Казаков А. А., 2014

Key words: framing, frame, agenda, attribute agenda setting, mass media.

В современной российской политической коммуникативистике методам воздействия средств массовой коммуникации на аудиторию уделяется достаточно много внимания. Изучаются самые разнообразные аспекты функционирования массмедиа, анализируются используемые ими механизмы влияния на массовое сознание, сравнивается характер освещения отдельных событий или процессов журналистами различных изданий[1]. Между тем до сих пор недооцененными в отечественной науке остаются аналитический потенциал и познавательные возможности такого метода воздействия, как фрейминг.

В зарубежной коммуникативистике эта теория находится сегодня едва ли не на пике своей популярности[2]. При этом практически не подвергается сомнению научная продуктивность данного подхода: считается, что исследование механизмов фрейминга способно привести к получению нового объективного знания о специфике коммуникационного взаимодействия власти, общества и массмедиа. В России же устойчивый интерес к теории фрейминга только начинает формироваться. В частности, активно разрабатывает данную проблематику В. Вахштайн, опубликовавший целую серию посвященных этому работ[3]. Вместе с тем зачастую фрейминг рассматривается отечественными учеными в контексте социолингвистики, психологии, социологии повседневности и других общественных наук. Попыток же применить этот подход к проблемам политической коммуникации пока не так много.

В этом плане настоящая статья представляет собой обзор наиболее типичных для западной науки подходов к фреймингу применительно к материалам массмедиа. Полагаем, что анализ основных имеющихся на этот счет позиций мог бы быть весьма полезным в плане уточнения методологии и терминологического аппарата, используемых в работах занимающихся данными проблемами российских коммуникативистов.

Прежде всего, считаем необходимым пояснить суть понятия, которое активно используется и в теории фрейминга, и в достаточно тесно с ней связанной теории установления повестки дня. Понятия, для которого очень сложно подобрать точный русскоязычный аналог. С английского «salience» дословно может быть переведено как «выступ», «выпуклость» или «отличительная черта». В рамках же политико-коммуникационной тематики данный термин подразумевает характер представленности определенного события в СМИ, степень важности, которую придают ему журналисты, объем уделяемого ему внимания или «заметность» на фоне остальных информационных тем. В дальнейшем в качестве эквивалента понятия «salience» для краткости мы будем использовать словосочетание «характер представленности».

Считается, что характер представленности – это не только внешние атрибуты присутствия определенной темы в материалах массмедиа (объем внимания и место расположения), но еще и сугубо внутренняя – не зависимая от двух предыдущих – характеристика (позитивный, негативный или нейтральный тон)[4]. Иными словами, материал о чем-то может быть не самым большим и располагаться в самом «подвале» предпоследней страницы газетного номера, но при всем этом его эмоциональный заряд может быть очень высоким. Как результат, воздействие такого текста на читателя может оказаться б*о*льшим, чем эффект от прочтения пространной статьи, размещенной на второй полосе с анонсом на первой. Во многом именно поэтому – в силу сложности структуры данного понятия – в западной науке до сих пор нет единого мнения относительно того, как соотносятся между собой фрейминг и установление повестки дня. Однако этот вопрос будет рассмотрен нами ниже. Пока же – о сути теории фрейминга.

Вообще, существует достаточно много определений фрейминга. Более того, можно даже сказать, что это понятие является одним из самых дискуссионных в тезаурусе политической коммуникативистики. Но, тем не менее, выявить в многочисленных дефинициях нечто общее все же возможно. Так, большинство исследователей полагают, что фрейминг означает процесс отбора отдельных аспектов отображаемой журналистами реальности, усиление характера представленности этих аспектов (making them more salient) в целях формулирования определенных причинно-следственных связей, морально-нравственных интерпретаций и рекомендаций по тому, как нужно поступать в отношении той или иной ситуации[5]. Словом, образно говоря, результатом фрейминга являются диагноз, оценка и предписание.

Очевидно, что ключевым для фрейминга является понятие фрейма. По этому поводу в науке также имеется масса дефиниций. В английском языке это слово (frame) может быть глаголом и существительным. В первом случае (to frame) имеется в виду действие по созданию журналистом определенного образа действительности. По большому счету, получается, что to frame – это, собственно, и есть процесс фрейминга (на русский язык этот глагол буквально может быть переведен как «(за) фреймингoвать»).

Во втором случае, когда фрейм – это существительное (a frame), под ним обычно понимается уже результат фрейминга. В науке достаточно распространено определение, которое еще в 1989 г. дали фрейму Гэмсон и Модильяни. В их понимании фрейм – это стержневая идея коммуникационного текста, раскрывающая суть и содержание основного сюжета информацион-

ного сообщения[6]. При этом данная центральная сюжетная линия обычно содержит в себе также артикуляцию проблемной ситуации, предпочтительные способы ее разрешения и определенные моральные суждения[7]. Стало быть, можно сказать, что фрейм – это окружающая действительность в том виде, в каком она преподносится прессой. А значит, любой фрейм изначально несет в себе не только отпечаток субъективного восприятия реальности, но и – вполне вероятно – элемент манипулятивного потенциала.

В пользу этого предположения отчасти говорит и тот факт, что среди многочисленных разновидностей фреймов выделяют, например, и такой, как «фрейм в поддержку» (advocate frame). По мнению Б. Ван Горпа и Д. Тьюксбери, зачастую представители групп интересов, так называемые спин-докторы и сотрудники рекламных агентств, изначально – еще на этапе проектирования и анонсирования какого-либо события – ориентируют внимание массмедиа на вполне определенных, выгодных для стоящих за ними структур аспектах[8]. Тем самым фрейм получается заданным с самого начала; журналистам же остается только взять его на вооружение и наполнить конкретным содержанием.

В зависимости от того, кто является носителем фреймов, выделяют также медийные и индивидуальные фреймы. Первые позволяют журналистам оперативно «упаковать» событие в уже имеющийся шаблон и транслировать его публике. При этом экономятся временные и интеллектуальные ресурсы создателя текста, так как заново разрабатывать контекст описываемого явления необходимости нет – достаточно просто поместить его в уже имеющуюся «оболочку»-фрейм. Вторые же представляют собой имеющиеся в сознании членов аудитории образы и идеи, сквозь призму которых люди обычно перерабатывают поступающую от массмедиа информацию[9].

Необходимо заметить, что в западной науке есть и еще одна – во многом альтернативная приведенной выше – трактовка индивидуальных фреймов. Так, например, Ван Горп, Фиске, Тэйлор, Викс и Грабер предлагают разделять индивидуальные фреймы и так называемые когнитивные схемы (schemata). В их понимании фреймы, являясь частью общей культуры того или иного социума, представляют собой набор укорененных в общественном сознании устойчивых образцов или шаблонов оценивания реальности. Когнитивные схемы же относятся к отдельно взятому индивиду: основываясь на имеющихся у человека жизненном опыте и ценностных установках, они помогают ему «перерабатывать» большой массив поступающей информации и определять собственное отношение к конкретному событию, явлению или персоне[10]. Полагаем, что, вне зависимости от того, какая из приведенных трактовок будет взята отдельным исследователем за основу, важно учитывать разницу в масштабе «немедийных» фреймов, которые, получается, могут носить как массовый, так и индивидуальный характер.

Уже упоминавшийся нами Ван Горп предпринял попытку поместить в «культурный» контекст и медийные фреймы. Для этого он предложил понятие «фрейм-набора» (frame package) – совокупности логически связанных между собой механизмов, при помощи которых, собственно, и создается транслируемый журналистом фрейм. Структурными элементами «фрейм-набора», по мнению ученого, являются: а) очевидные / явные приемы фрейминга (the manifest framing devices) – используемая лексика, метафоры, примеры, описания, визуальные образы; б) очевидные или латентные приемы аргументации (the manifest or latent reasoning devices) – обоснование причинно-следственных связей; в) скрытый культурный подтекст (implicit cultural phenomenon) – помещает описываемый объект в пространство распространенных в данном обществе культурных архетипов и ценностей[11].

В этой связи необходимо уточнить, что упомянутые выше «фреймы в поддержку» медийными фреймами не являются: коль скоро они формируются не журналистами, а отдельными, имеющими свой собственный интерес субъектами, такие фреймы правильнее будет называть «фреймами посредством массмедиа» (frames through the media).

Вообще, механизмам формирования медийных фреймов в западной науке уделяется особое внимание. По аналогии с выстраиванием информационной повестки дня (agenda building) этот процесс получил отдельное наименование – frame building, что на русский может быть переведено как строительство или формирование медийного фрейма. Считается, что данный процесс происходит при непосредственном участии властных структур, различного рода элит, групп интересов и лоббистских формирований[12]. Кроме того, по мнению Л. Беннета и Т. Кука, на это также влияет склонность журналистов к драматизации того, о чем они сообщают[13].

Наконец, не менее важным представляется также и еще одно распространенное в западной политической коммуникативистике деление медийных фреймов – на эквивалентные и «акцентные». Первые (equivalence frames) влияют на восприятие людьми информации за счет использования журналистами определенных фраз и оборотов, которые, впрочем, не являются логически противоречивыми и не изменяют сути передаваемого сообщения. Классический пример – дилемма «стакан наполовину пуст vs. стакан наполовину полон»: при выборе одной из формулировок смысл высказывания не исказится. Вторые же (emphasis frames) фокусируют внимание аудитории на одних аспектах, но при этом оставляют за рамками внимания другие[14]. И достигается это за счет варьирования харак-

тера представленности (salience) того или иного сюжета. Как результат, в отличие от эквивалентных фреймов, здесь уже, как правило, имеет место логическое несоответствие между тем, что было упомянуто, и тем, о чем журналист предпочел умолчать.

В какой-то степени логическим продолжением данного деления можно считать варианты фрейминга, предложенные М. Нисбетом, Д. Броссардом и А. Кропшем. По их мнению, фреймы, которые преобладают в тексте, следует считать основными (dominant / lead frames), а те, что находятся на втором плане, – вспомогательными (secondary / complementary frames)[15]. Так или иначе, очевидно, что многие из этих вариантов фреймов подразумевают наличие ситуации, когда одни аспекты описываемого явления упоминаются, а другие – нет. Либо же на одних внимание заостряется, другие же при этом, напротив, отходят в тень.

К такому же выводу приходит и Р. Энтман, полагающий, что фрейминг – это не только то, каким образом что-то преподносится в прессе. Фрейминг, по его словам, предполагает также и умолчание об отдельных сторонах какого-либо события, явления или личности[16]. Действительно, трудно не согласиться с тем, что, предлагая одну из имеющихся интерпретаций чего-либо и опуская при этом другую, журналист косвенно влияет на то, какое мнение сформируется на этот счет у аудитории. Примеров тому можно привести сколько угодно. Особенно в условиях нынешнего информационного противостояния, которое имеет место в отношениях России с некоторыми странами мира.

Вместе с тем, если исходить из такого понимания фрейминга, возникает вопрос: чем же тогда этот процесс отличается от установления повестки дня второго уровня[17]? Ведь там так же, как и здесь, одни атрибуты реальности «выпячиваются», а другие «умалчиваются». В попытках ответить на данный вопрос занимающиеся этими проблемами коммуникативисты разделились на два лагеря. Одни – группа ученых во главе с Маккоумбсом и Шоу – полагают, что, по сути, фрейминг – это то же самое, что и установление повестки дня второго уровня (или атрибутивной повестки)[18]. Другие – Шойфель и приверженцы его точки зрения – считают такой подход принципиально неверным и настаивают на том, что фрейминг – совершенно самостоятельный процесс, базирующийся на собственных теоретических основаниях[19].

На наш взгляд, оба подхода действительно очень похожи, так как имеют дело с одним предметом – механизмом влияния прессы на общественное сознание. Вместе с тем, полагаем, различие, пусть и не самое существенное, между ними все-таки имеется. Считать так нас заставляют два обстоятельства. Во-первых, один и тот же аспект какой-либо темы, очевидно, может быть преподнесен по-разному. Стало быть, в рамках теории установления повестки дня второго уровня проанализировать его было бы весьма затруднительно, а значит, пришлось бы обращаться к анализу использовавшихся журналистами систем аргументаций и причинно-следственных связей – всего того, что, собственно, и лежит в основе фрейминга. Во-вторых, одни и те же фреймы, по нашему мнению, могут использоваться применительно к различным сюжетам. Тем самым снова создается ситуация, когда возможностей, которые дает теория установления атрибутивной повестки дня, было бы явно недостаточно для полноценного анализа. Поэтому возникает необходимость в отдельной теории, которая могла бы учесть фреймы, «кочующие» от одного сюжета к другому.

Еще одно понятие, которое, с одной стороны, сильно напоминает фрейминг и установление атрибутивной повестки, а с другой, отчасти способно их объединить, – это предвзятость, пристрастие или ангажированность (bias). Р. Энтман выделил две вариации данного феномена. Первая имеет место тогда, когда создается впечатление искажения или даже фальсификации журналистами описываемой ими реальности (decision-making bias). Вторая же подразумевает ситуацию, когда пресса по-разному относится к сторонам политического конфликта (content bias)[20]. На наш взгляд, сходство между фреймингом, установлением повестки дня второго уровня и предвзятостью действительно присутствует. Однако по своей сути это все же разные вещи. Представляется, что фрейминг и установление атрибутивной повестки дня – это своего рода механизмы по созданию предвзятого, пристрастного, ангажированного взгляда на вещи. Иными словами, последнее – это результат целенаправленного использования возможностей первых двух способов воздействия на общественное сознание.

Рассуждая о фрейминге, западные ученые нередко задаются вопросом и о том, что побуждает журналистов использовать при описании окружающей действительности те или иные фреймы. Одну из наиболее удачных попыток ответить на этот вопрос предпринял Д. Шойфель. По его мнению, на это влияют пять факторов: социальные нормы и ценности; организационная среда и ограничения; давление групп интересов; рутина журналистской работы; идеологические или политические ориентации самих журналистов[21]. Разделяя общий подход данного ученого, заметим лишь, что в отдельных случаях на выбор определенного фрейма существенное влияние может оказывать политический фактор. Имеем в виду ситуацию, когда лояльные или подконтрольные власти средства массовой коммуникации вынуждены подстраиваться под интересы и требования государства и его лидеров.

Подводя итог рассмотрению разновидностей фрейминга, связанных с этим процессов и

обстоятельств, оказывающих влияние на продуцирование фреймов, считаем необходимым упомянуть о теоретической модели все того же Шойфеля, в которой все это увязывается в единый замкнутый процесс. Суть ее заключается в следующем. Под воздействием названных выше факторов складываются (frame building) медийные фреймы, которые адресуются (frame setting) аудитории. В результате у потребителей транслируемой прессой информации формируются индивидуальные фреймы. Они, в свою очередь, во многом предопределяют политическое поведение и отношение аудитории к происходящему. А это в конечном итоге оказывает влияние в том числе на журналистов (и, следовательно, на создаваемые ими фреймы), так как они сами являются членами того общества, для которого создают свои материалы[22]. Таким образом, «жизненный цикл» фрейминга замыкается: порождая определенный фрейм, массмедиа впоследствии сами же оказываются его «заложниками».

Таковы основные подходы к фреймингу, распространенные в зарубежной политической коммуникативистике. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что даже самые эффективные и продуктивные западные теоретические подходы не всегда могут быть столь же полезны в российских реалиях. Особенности исторического прошлого, менталитета и политической культуры нашего общества требуют скрупулезной проработки и адаптации заимствованных конструкций применительно к нашей – порой принципиально отличной от американской или европейской – страновой специфике. Однако, несмотря на все это и принимая во внимание все потенциальные ограничения, мы убеждены, что в целом обращение к разработкам иностранных авторов вполне оправданно. Тщательный анализ накопленных ими знаний и опыта, их адаптация к особенностям коммуникационного взаимодействия в России в конечном итоге все же могут способствовать развитию отечественной политической науки.

Примечания

1 См.: *Вилков А. А., Некрасов С. Ф., Россошанский А. В.* Политическая функциональность современных российских СМИ / под ред. А. А. Вилкова. Саратов, 2011.

2 Подробнее о количественных параметрах интереса к теории фрейминга см.: *Weaver D. H.* Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journal of Communication. 2007. Vol. 57, № 2. P. 143–144.

3 См., например.: *Вахштайн В.* 2011. Анализ фреймов голосования. Эссе об организации электорального опыта // Социологическое обозрение, 2011. № 1–2. С. 114–136 ; *Он же.* «Практика» vs. «фрейм» : альтернативные проекты исследования повседневного мира // Социологическое обозрение, 2008. № 1. С. 65–95 ; *Он же.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб., 2011.

4 См.: *Kiousis S.* Explicating Media Salience : A Factor Analysis of New York Times Issue Coverage During the 2000 US Presidential Election // Journal of Communication. 2004. Vol. 54, № 1. P. 73–76.

5 См., например: *Entman R. M.* Framing : Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication, 1993. Vol. 43, № 4. P. 52 ; *Scheufele D. A.* Framing-Effects Approach : A Theoretical and Methodological Critique // Communications. 2004. № 29. P. 405.

6 См.: *Gamson W. A., Modigliani A.* Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power : A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. Vol. 95, № 1. P. 3.

7 См.: *Entman R. M., Matthes J., Pellicano L.* Nature, Sources, and Effects of News Framing // Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch T. (eds.). The Handbook of Journalism Studies. N.Y., 2009. P. 177.

8 См.: *Tewksbury D. [et al].* The Interaction of News and Advocate Frames: Manipulating Audience Perceptions of a Local Public Policy Issue // Journalism and Mass Communication Quarterly, 2000. Vol. 77, № 4. P. 806 ; *Van Gorp B.* The Constructionist Approach to Framing : Bringing Culture Back In // Journal of Communication, 2007. Vol. 57, № 1. P. 68.

9 См.: *Entman R. M.* Framing : Toward Clarification of a Fractured Paradigm. P. 52 ; *Scheufele D. A.* Agenda-Setting, Priming, and Framing Revisited : Another Look at Cognitive Effects of Political Communication // Mass Communication and Society. 2000. Vol. 3, № 2–3. P. 306 ; *Scheufele D. A.* Framing as a Theory of Media Effects // Journal of Communication. 1999. Vol. 49, № 1. P. 107.

10 См.: *Fiske S. T., Taylor S. E.* Social cognition. N.Y. : McGraw-Hill, 1991 ; *Van Gorp B., Graber, D. A.* Processing the news : How people tame the information tide. N.Y. : Longman, 1988 ; *Wicks R. H.* Understanding audiences : Learning to use the media constructively. Mahwah, NJ, 2001.

11 См.: *Van Gorp B.* Op. cit. P. 64.

12 См.: *Nisbet M. C., Brossard D., Kroepsch A.* Framing Science : The Stem Cell Controversy in an Age of Press/Politics // Press/Politics, 2003. Vol. 8, № 2. P. 38–39 ; *Scheufele D. A.* Agenda-Setting, Priming, and Framing Revisited : Another Look at Cognitive Effects of Political Communication. P. 307.

13 См. *Nisbet M. C., Brossard D., Kroepsch A.* Op. cit. P. 43.

14 См.: *Entman R. M., Matthes J., Pellicano L.* Op. cit. P. 181–182 ; *Scheufele D. A., Iyengar S.* The State of Framing Research : A Call for New Directions // Kenski K., Jamieson K. H. (eds.). The Oxford Handbook of Political Communication Theories. N.Y., 2013. P. 5.

15 См.: *Nisbet M. C., Brossard D., Kroepsch A.* Op. cit. P. 59.

16 См.: *Entman R. M.* Framing : Toward Clarification of a Fractured Paradigm. P. 54.

17 Подробнее о повестке дня второго уровня см.: *Казаков А.* Западная коммуникативистика об установлении информационной повестки дня : анализ основных подходов // Политэкс. 2013. № 3. С. 55–61.

18 См.: *McCombs M. E.* New Frontiers in Agenda-Setting : Agendas of Attributes and Frames (paper presented at the

annual convention, AEJMC, Chicago, IL, 1997. P. 6) ; *Weaver D. H., McCombs M. E., Shaw D. L.* Agenda-Setting Research : Issues, Attributes, and Influences // Kaid L. L. (ed.). Handbook of political communication research. Mahwah, NJ, 2004. P. 259–263.

19 См.: *Kim S-H., Scheufele D. A., Shanahan J.* Think About It This Way : Attribute Agenda-Setting Function of the Press and the Public's Evaluation of a Local Issue // Journalism and Mass Communication Quarterly. 2002. Vol. 79, № 1. P. 8 ; *Van Gorp B.* Op. cit. P. 70.

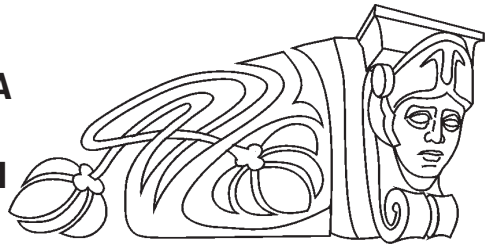
20 См.: *Entman R. M.* Framing Bias : Media in the Distribution of Power // Journal of Communication. 2007. Vol. 57, № 1. P. 163.

21 См.: *Scheufele D. A.* Framing as a Theory of Media Effects. P. 103–122.

22 Ibid.

УДК 32.019.51

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ВАЦЛАВА ГАВЕЛА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ИСПОЛНЕНИЯ ИМ ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕЗИДЕНТА ЧЕХОСЛОВАКИИ (1989–1993 гг.)



Ю. П. Суслов, А. С. Толкалов

Саратовский государственный университет
E-mail: suslovsgu@mail.ru; aleksei.tolkalov@gmail.com

В статье идет речь о процессе формирования имиджа Вацлава Гавела в 1989–1993 гг. Выделяются основные направления развития имиджа в указанный период. На основании анализа публичных выступлений Гавела показаны особенности формирования политического имиджа чехословацкого президента.
Ключевые слова: политический имидж, Вацлав Гавел, демократический транзит.

Features of Formation of Vaclav Havel's Political Image during the First Period of His Presidency of Czechoslpvakia (1989–1993)

Yu. P. Suslov, A. S. Tolkalov

The article discusses the process of formation of Vaclav Havel's image in 1989–1993. Highlights the main directions of development of the image in the specified period. Based on the analysis of public speaking Havel shows the features of the formation of the political image of the Czech president.
Key words: political image, Vaclav Havel, democratic transition.

Феномен политического имиджа обладает поистине непреходящей актуальностью. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что помимо основной функции «маски», надеваемой поверх личности своего носителя, имидж выполняет важнейшую функцию медиатора, проводника от закрытой политической элиты к широким слоям населения. Удачно сформированный имидж создает ощущение открытости политического лидера, его особой близости с народными массами, налаживая тем самым информационный канал для формирования общественного мнения, управления им и сбора обратной связи для актуализации образа лидера[1].

Особо остро необходимость в таком канале ощущается в период, когда общество и государство находятся в стадии трансформации, когда старое на глазах очевидцев сменяется новым, когда ломаются стереотипы и культурные установки, а на их месте воздвигаются новые, когда информационное пространство переполнено образами, идеями, идеологиями и политическими программами, когда истончается грань между правящей элитой и оппозицией. Речь в данном случае идет о процессе демократического транзита, который в конце XX в. ощутило на себе не только Советское государство, но и ряд государств Центральной и Восточной Европы, входящих в состав Организации Варшавского договора – военно-политического блока европейских социалистических государств под «предводительством» СССР.

В рамках настоящего исследования нашей задачей является анализ методов и технологий формирования политического имиджа одного из ярчайших представителей плеяды национальных лидеров демократического движения, названного С. Хантингтоном «третьей волной демократизации» – чехословацкого общественно-политического деятеля, а впоследствии Президента Чехословакии (а позднее – Чешской Республики) Вацлава Гавела.

Несмотря на то, что фигура Гавела в чехословацком информационном и общественно-политическом пространстве была представлена задолго до непосредственного начала демократизационных процессов конца 1980-х гг., известных как Бархатная революция, с нашей точки зрения, его имидж именно как политического лидера (а не диссидента) начал формироваться только в период активного развития транзитных процессов. Бесспорно, диссидентское прошлое Гавела сослужило хорошую службу при конструировании его политического имиджа, но именно в конце 1980-х гг. образ чехословацкого драматурга Вацлава Гавела начал обретать ярко выраженные лидерские очертания, превращаясь в политический имидж.

© Суслов Ю. П., Толкалов А. С., 2014

Рассуждая о критериях оценки эффективности имиджевой конструкции, отметим, что, на наш взгляд, одним из основных требований, предъявляемых к имиджу в целом и к политическому имиджу в частности, является его адекватность и соответствие не только социально-политическим реалиям, но и задачам, предъявляемым к политическому имиджу на том или ином этапе его «жизненного пути».

Так, на первоначальном этапе происходит формирование основной направленности, вектора имиджа, его укоренение в массовом сознании. Исходя из этого, основным приоритетом политических технологов на данном этапе является создание яркой, запоминающейся, привлекательной имиджевой конструкции, способной с нуля собрать большую армию последователей[2]. С нашей точки зрения, именно на данном этапе имидж имеет наибольшее сходство с товаром, а потенциальная целевая аудитория данного имиджа – с покупателями, которые должны за относительно короткий временной промежуток сделать выбор в пользу того или иного «имиджевого товара».

Ярким подтверждением вышеприведенной точки зрения является начальный этап демократического транзита в России и Чехословакии. Несмотря на то, что лидеры демократического движения в обеих странах на момент начала транзитных процессов уже присутствовали в информационном поле и были известны как публичные личности (Б. Н. Ельцин – как Председатель Верховного Совета РСФСР, Вацлав Гавел – как диссидент и драматург), их политический имидж как лидеров зарождающегося демократического движения формировался фактически с нуля, и на этом этапе было особенно важно, чтобы «покупатели» среди массы таких же новых лидеров выбрали именно их. Такая необходимость и обусловила тактику формирования политического имиджа данных лидеров на первоначальном этапе демократического транзита. Эффективность же сконструированных таким образом имиджей отчасти доказывается тем, что оба вышеуказанных политических деятеля стали впоследствии главами государств. Бесспорно, не следует списывать со счетов и другие факторы, которые так или иначе были задействованы для достижения подобного результата, но как бы то ни было, доля имиджевой составляющей в данном процессе представляется нам весьма значительной.

Естественно, что за изменением политическим лидером своего статуса непременно должна последовать и смена конфигурации его имиджа. На смену имиджа «лидера-товара» приходит имидж легального и легитимного главы государства. Таким образом, наступает следующий этап развития имиджа.

В данную стадию своего жизненного пути политический имидж входит уже прочно закрепившимся в массовом сознании, он узнаваем и имеет достаточно высокий рейтинг среди большинства избирателей. Однако, чтобы не потерять с таким трудом завоеванные голоса и очки политического рейтинга, имиджу жизненно необходима корректировка в соответствии с изменяющейся социально-политической реальностью и перманентная актуализация, которая, в свою очередь, должна основываться на сформированной на первоначальном этапе основе, продолжая заданный вектор развития.

На наш взгляд, именно такая стратегическая задача является основной в рамках данного этапа развития имиджа. В этом отношении этапы формирования политического имиджа можно сравнить с социализацией, на первом этапе которой закладываются основы общественной жизни человека (первичная социализация), а в дальнейшем происходят их постоянная актуализация и обновление (вторичная социализация). Таким образом, можно с большой долей уверенности рассуждать о феномене социализации имиджа – процессе встраивания имиджевой конструкции в общий социально-политический контекст.

В качестве объекта настоящего исследования нами был избран «президентский» этап развития политического имиджа Вацлава Гавела, формирующегося на основе «транзитной» платформы.

Выше нами была проведена своеобразная параллель между «жизнью» политического имиджа и социализацией человека. В таком контексте мы рассматриваем вышеуказанный период развития имиджа чехословацкого президента как вторичный этап его социализации, на котором осуществляется его обновление и подстраивание под изменяющуюся социально-политическую действительность, происходит его актуализация.

Примечательно, что на протяжении данного этапа формирование имиджа основывается на каркасе, сконструированном на этапе его первичной социализации. Имидж дополняется новыми деталями, видоизменяет свою форму, но при этом содержание, основной стратегический вектор его развития, остается неизменным. Неизменное следование в изначально заданном направлении позволяет сохранить преемственность имиджа в разные периоды его «жизненного пути», что оказывает несомненно позитивное влияние на общую эффективность имиджевой конструкции.

В основу политического имиджа Вацлава Гавела на первоначальном этапе его становления было заложено несколько базовых направлений и характеристик. Краеугольным камнем становится традиционная для лидеров демократических движений периода «третьей волны демократизации» антикоммунистическая составляющая. Более подробно ключевые характеристики, заложенные в основу политического имиджа чехословацкого лидера, проанализированы в на-

ших предыдущих исследованиях, посвященных первоначальному этапу формирования имиджа политических лидеров в условиях демократического транзита[3]. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка анализа развития данных характеристик на протяжении вторичного этапа социализации политического имиджа Вацлава Гавела.

В качестве источниковой базы для исследования нами были избраны стенограммы публичных выступлений главы Чехословацкого государства. Подобный выбор обусловлен рядом обстоятельств. Прежде всего, публичный образ Вацлава Гавела с самого начала своего существования складывался посредством политических текстов, начиная от выступлений на демонстрациях и акциях протеста и заканчивая очерками и статьями политической направленности. Также немаловажную роль в выборе именно политических текстов в качестве основного источника для исследования сыграл тот факт, что стенограммы всех публичных выступлений Вацлава Гавела в систематизированном виде представлены на официальном интернет-ресурсе Президента Чешской Республики «Пражский Град»[4]. Данный факт способствует складыванию единой и полной картины текстовой составляющей медийного образа чешского президента, тем самым значительно повышая репрезентативность выборки из вышеуказанного массива.

Однако, несмотря на отмеченную выше полноту и систематизированность представленного в данном источнике материала, неизбежно возникает вопрос отбора конкретных текстов для исследования и анализа из общего массива. В контексте настоящего исследования в качестве основного источника для анализа нами были избраны новогодние обращения Вацлава Гавела к гражданам Чехословакии и его предвыборные речи. Подобный выбор предопределен рядом факторов.

Прежде всего, следует обратить внимание на специфику новогодних обращений главы Чехословацкого государства и их отличия от аналогичных выступлений его российских коллег. При упоминании словосочетания «предновогоднее обращение Президента РФ» в голове практически каждого россиянина незамедлительно складывается приблизительно такая его характеристика: это непродолжительная (не более 10 минут) речь главы государства, которая транслируется 31 декабря непосредственно перед наступлением Нового года и, как правило, содержит крайне поверхностное подведение итогов уходящего года и обстоятельное поздравление граждан с годом наступающим.

Новогоднее выступление Вацлава Гавела коренным образом отличается от вышеупомянутого российского аналога. Оно произносилось главой чехословацкого государства не под занавес уходящего года, а в начале года наступившего – как правило, 1 января. Причем «праздничная» часть данного выступления зачастую ограничивается поздравительной фразой «С Новым годом, дорогие сограждане!», которая завершала речь. Выступления, в отличие от аналогичных речей российских президентов, содержали обстоятельный анализ результатов работы главы государства и иных высших органов государственной власти в прошедшем году и представляли вниманию общественности план действий на ближайший год. Естественно, преподносимая аудитории информация не была лишена имиджформирующей направленности, так как повествование происходило от первого лица и в центре выступления находилась фигура президента. Если озадачиться поиском российского аналога такого рода выступлений, то с высокой долей уверенности можно констатировать отсутствие оного. Задействовав фантазию, подобные речи можно встроить в дискурс российского главы государства как смесь предновогоднего обращения Президента РФ к гражданам и ежегодного послания Президента РФ Федеральному собранию РФ.

Помимо обозначенного выше довода в пользу выбора новогодних выступлений в качестве источника для анализа процесса формирования политического имиджа чехословацкого президента Вацлава Гавела важным фактором является также и то, что подобные речи являются строго периодическими и выдержаны в одной и той же форме, а также имеют одинаковую структуру. Данные особенности значительно расширяют возможности для анализа этих выступлений и делают такой анализ более объективным, а его результаты – более репрезентативными.

Что же касается предвыборных выступлений чехословацкого политического лидера, то в рамках настоящего исследования они выполняют роль дополнительного источника для анализа процесса формирования его имиджа. В данном отношении такие выступления рассматриваются нами как основные вехи развития политического имиджа Вацлава Гавела в период исполнения им полномочий Президента Чехословакии, а впоследствии – и Президента Чешской Республики. Исходя из этого, нами рассматривались следующие этапы развития медийного имиджа Вацлава Гавела, разделяемые избирательными кампаниями 1989–1993 гг., 1993–1998 гг. и 1998–2003 гг. В рамках данной статьи нами будет представлен анализ начального этапа формирования «президентского» политического имиджа Вацлава Гавела, хронологически очерченного периодом с декабря 1989 г. по 1993 г.

Данный период, который в контексте формирования президентского политического имиджа Гавела можно обозначить как период становления, во многом копировал и являлся, таким образом, продолжением направлений, заложенных в условиях Бархатной революции 1989 г. Особое место среди них занимает антикоммуни-

стический вектор. Методика полного противопоставления себя правящей элите Чехословакии и чехословацкому коммунистическому режиму в целом успешно перекочевала из речей Гавела – лидера Гражданского форума в выступления президента Гавела.

В данном отношении знаковым является предвыборное обращение кандидата в президенты Вацлава Гавела к гражданам Чехословакии от 16 декабря 1989 г. Обратившись к избирателям «milí přátelé» (чеш. – «дорогие друзья») вместо традиционного для его предшественников «soudruzi» (чеш. – «товарищи»), Гавел с самого начала своего выступления провел черту между собой и свергнутым меньше месяца назад политическим режимом, между старым и новым, которое, по сути, являлось для чехов и словаков хорошо забытым старым.

Начав свое предвыборное выступление с максимального дистанцирования себя и своей политической платформы от предшествующего политического режима, Гавел старательно поддерживал эту тему на протяжении всей своей речи. Примечательно, что такая граница была приведена как в поле политическом, так и в личностном. На наш взгляд, именно с этой целью Гавел как бы невзначай упомянул, что предпочитает читать с листа, так как «не любит обманывать людей, как это делали коммунистические лидеры, читающие текст выступлений со скрытых от глаз зрителей устройств и делающие вид, что выступают не по бумажке»[5]. Упомянул Гавел и о некоторых подробностях своей биографии, связанных с его отношениями с коммунистической партией Чехословакии, – о годах диссидентства, о репрессиях и преследовании со стороны властей.

Примечательно, что выступление было структурировано таким образом, чтобы основная его часть, касающаяся непосредственно политической программы Вацлава Гавела, была обрамлена имиджформирующей информацией. Если начал свое выступление Гавел обозначением своей позиции по отношению к коммунистической идеологии и к Коммунистической партии Чехословакии, то завершение речи было весьма неожиданным и в то же время чрезвычайно, на наш взгляд, удачным в плане повышения популярности имиджа чехословацкого лидера: он заявил, что он не желает и никогда не желал становиться президентом, что он прежде всего писатель и карьера политика его никогда не прельщала. Однако если чехословацкий народ сочтет нужным, чтобы именно он занял президентское кресло, то он готов поступиться своей позицией и послужить на благо своей Родины. Данная технология, которая в предвыборных кампаниях обычно является редкостью, тем не менее, содержала колоссальный рейтинговый и имиджевый потенциал, так как очищала лидера в глазах людей от жажды власти и от всех пороков, которыми обычно обладали профессиональные политики.

Таким образом, в рамках предвыборного выступления Вацлава Гавела от 16 декабря 1989 г. была выполнена важнейшая имиджмейкинговая задача – отграничить его образ от негативного наследия прежнего политического режима, упрочнив тем самым в массовом сознании ассоциацию между фигурой Гавела и демократическим будущим, ожидающим Чехословацкое государство.

Через пятнадцать дней, 1 января 1990 г., в своем новогоднем обращении Вацлав Гавел продолжил заданный вектор формирования своего политического имиджа, но уже будучи наделенным статусом Президента Чехословакии. В рамках данного выступления, на наш взгляд, целью технологов выступала, прежде всего, актуализация другого важного направления развития образа Гавела, а именно противопоставление себя не только коммунистическому режиму в целом, но и коммунистической политической элите, и в частности, лидерам Коммунистической партии Чехословакии.

Подобная имиджевая направленность, облеченная в словесную форму жесткой критики коммунистического руководства, заявляется буквально с первых слов выступления Гавела: «Дорогие сограждане, сорок лет вы в этот день слышали из уст моих предшественников в различных вариациях, как наша страна процветает, сколько миллионов тонн стали мы произвели, как мы все счастливы, как верим своему правительству и какие радужные перспективы перед нами открываются. Полагаю, что вы выбрали меня не для того, чтобы и я вам лгал»[6]. Следует отметить, что данный информационный посыл явно ощущался на протяжении всего выступления чехословацкого президента. Однако особенно явно данный вектор прослеживался в первой половине речи: именно первая часть выступления Вацлава Гавела была наполнена наиболее интересным с точки зрения политического имиджмейкинга содержанием. Повествуя о том бедственном положении, в котором находилась Чехословацкая Республика, Гавел не только возлагал ответственность за это на своих предшественников, но и остро критиковал их, обвиняя коммунистических лидеров во лжи и нежелании внимать проблемам, которые имеют место в их зоне ответственности. Для придания данным критическим заявлениям большей имиджформирующей направленности они преподносились аудитории в сравнении с позицией самого Гавела по тому или иному затрагиваемому вопросу. В частности, одним из наиболее примечательных критических заявлений был упрек Гавелом своих предшественников в том, что они, в отличие от самого Гавела, «не смотрели в окна самолетов, поездов и автомобилей во время совершения служебных поездок, а довольствовались чтением статистических данных, отчетов и прочих документов»[7]. Между тем в выступлении Вацлав Гавел отмечал, что никакая статистика не скажет

так красноречиво об упадке во всех сферах общественной жизни Чехословакии, как то, что он увидел собственными глазами, взглянув в окно президентского самолета во время официального визита в Братиславу.

Таким образом, в рамках данного выступления, на наш взгляд, весьма удачно была выполнена задача по актуализации другого важнейшего направления формирования политического имиджа Вацлава Гавела, а именно противопоставления его образа не только коммунистической идеологии и в целом чехословацкому коммунистическому политическому режиму, но и его верхушке – политической элите, своим предшественникам и, учитывая президентский статус Гавела, в некотором роде – коллегам. Но в то же время, отграничиваясь от коммунистической элиты, в выступлении не было упомянуто ни одной конкретной фамилии. Вкупе с тем фактом, что в своей предвыборной речи от 16 декабря 1989 г. Гавел активно призывал к сотрудничеству с рядом «хороших» коммунистов, подобный ход наводит на мысли о том, что объектом для нападения Гавела было избрана абстрактная, неперсонифицированная политическая элита, которую можно расценивать как одно из зол предшествующего политического режима. Данная имиджмейкинговая технология представляется нам весьма эффективной и удачной, так как, указывая на вполне конкретную на первый взгляд цель, не затрагивает напрямую политической фигуры, в адрес которой направлена критика. Подобное абстрагирование от персонификации объекта нападения, возведение его до уровня символа, позволяет эффективно решать задачу по отделению носителя политического имиджа от критикуемого объекта (в данном случае – от своих предшественников на внутриполитической арене) и в то же время не разрывать связь с людьми, которые были в той или иной степени причастны к объекту нападения, но в силу определенных обстоятельств рассматриваются как потенциальные члены команды демократического политического лидера. Примечательно, что подобная технология прослеживалась и при анализе политического имиджа Б. Н. Ельцина, немалая доля непосредственных сподвижников которого имели партийное прошлое.

Примечательно также, что вышеупомянутый нами «антикоммунистический» вектор в контексте процесса формирования имиджа Вацлава Гавела не выходил за внутриполитические рамки. Обрушиваясь с критикой на верхушку Коммунистической партии Чехословакии, Гавел воздержался от каких бы то ни было комментариев в адрес коммунистических партий других восточно-европейских государств и в адрес СССР – сверхдержавы, распространявшей свое влияние на всю территорию Центральной и Восточной Европы. Подобная «внешнеполитическая» тематика не была затронута Гавелом ни в одном его выступлении. На наш взгляд, причиной тому является дальновидность чехословацкого президента, который прекрасно осознавал стратегическую важность партнерства обновленной Чехословакии с этими государствами. Следовательно, при выборе антагониста для имиджа президента Гавела предпочтение было отдано внутриполитической сфере, а не ставшему к тому моменту традиционным концепту «СССР – империя зла».

Бесспорно, что формирование политического имиджа на платформе политических процессов, протекающих в рамках демократического транзита, непосредственно связано с активностью протекания самих вышеуказанных процессов. Иными словами, использование «транзитного» фундамента носит временный характер и является актуальным лишь во время активных демократических преобразований и определенного периода времени после данных преобразований. Таким образом, любой имидж политического лидера-борца за демократические свободы и ценности рано или поздно или захлебывается в волне реставрационных процессов, или трансформируется в имидж представителя новой политической элиты или главы нового государства.

В данном отношении знаковым стало новогоднее выступление чехословацкого президента Вацлава Гавела 1 января 1991 г. Оно стоит особняком по отношению к предыдущим речам Гавела, так как не содержало в своем составе части, посвященной критике коммунистического политического режима. Впервые основное внимание в отчетном выступлении чехословацкого президента было приковано к тому, насколько были решены задачи, поставленные перед руководством Чехословацкого государства им же год назад[8]. При этом традиционный для предыдущих выступлений Гавела пласт с критикой политики Коммунистической партии Чехословакии и коммунистической политической элиты в выступлении отсутствует. На наш взгляд, данный факт позволяет сделать вывод о снижении роли «транзитной платформы» в процессе формирования политического имиджа Вацлава Гавела. Подобное предположение подтверждается тем, что за 1989–1990 гг. в Чехословакии были сформированы демократические органы государственной власти, проведены выборы Президента Чехословацкой Республики (29 декабря 1989 г.) и парламентские выборы (июнь 1990 г.)[9].

Таким образом, можно сделать вывод о переходе процесса демократического транзита в его завершающую стадию. Логичным следствием такого перехода стала и смена вектора формирования имиджа политических лидеров нового государства, и имидж Вацлава Гавела в данном отношении отнюдь не был исключением. Примечательно, что данная тенденция, усиливаясь, продолжалась в последующих выступлениях чехословацкого президента, что позволяет судить об окончательной переориентации политическо-

го имиджа Вацлава Гавела с «транзитного» вектора на «посттранзитный».

Итак, в период 1989–1993 гг. в политическом имидже чехословацкого президента Вацлава Гавела выделяются два этапа его развития: на начальном этапе, 1989–1990 гг., политический имидж Гавела формировался в соответствии с четко прослеживаемым демократизационным вектором, являющимся логическим продолжением образа Гавела в период Бархатной революции 1989 г. и событий, непосредственно ей предшествующих. Позднее, по мере осуществления Гавелом полномочий Президента Чехословацкой Республики, вектор развития его политического имиджа изменяет свое направление, в конечном итоге трансформируясь в «посттранзитный», ориентированный на формирование имиджа главы государства, перешагнувшего в завершающую фазу демократического транзита. Прежде всего, такой переход заключается в резком снижении доли критики предыдущего политического режима в речах и выступлениях. К примеру, если в отчетных выступлениях Гавела в 1989–1990 гг. критика в адрес Коммунистической партии Чехословакии занимала почти треть, то в более поздних речах отдельный пласт критических заявлений отсутствует, проявляясь лишь в точечных замечаниях.

В начале настоящего исследования мы упоминали об одном из критериев эффективности имиджа демократического лидера – избрании на пост главы государства. В связи с этим возникает проблема оценки эффективности имиджа политического лидера на «президентском» этапе его существования. На наш взгляд, в обоих вышеуказанных случаях данный критерий может приобретать различные формы, но по своей сути остается неизменным – легитимность, которую часто характеризуют как народную любовь, признание, доверие, политический рейтинг и т.д. В данном контексте процесс формирования имиджа Вацлава Гавела сопровождался высоким уровнем поддержки со стороны как широких слоев населения, так и общественных объединений и политических партий. Так, в 1989 г. Гавел был избран в качестве главы Гражданского форума – основной оппозиционной силы, сыгравшей определяющую роль в осуществлении демократического транзита в Чехословакии. 29 декабря 1989 г. Вацлав Гавел на совместном заседании обеих палат чехословацкого парламента был единогласно избран Президентом Чехословакии. При этом свои голоса за него отдали и парламентарии-коммунисты, что свидетельствовало о поддержке Гавела не только со стороны оппозиционных политических сил, но среди всего чехословацкого политического спектра. 2 февраля 1993 г. Вацлав Гавел стал первым президентом независимой Чешской Республики, в 1998 г. был переизбран на второй срок. Даже после смерти Гавела его имя не было забыто: 5 октября 2012 г. Пражский международный аэропорт «Ruzyně» был переименован в Пражский аэропорт имени Вацлава Гавела[10]. Исходя из данных свидетельств, можно с достаточной долей уверенности сделать вывод о высокой степени признания имиджа Гавела как общественностью, так и общественно-политическими объединениями и политическими партиями, а следовательно, и о высокой эффективности методов и технологий, с помощью которых данный политический имидж формировался.

Рассуждая в целом об особенностях формирования политического имиджа главы государства в условиях демократического транзита, следует отметить крайнюю его зависимость от успешности и скорости протекания транзитных процессов в стране. Из отдельных эпизодов новейшей политической истории Чехословакии видно, что демократический транзит в этом государстве прошел сравнительно быстро и безболезненно. Следовательно, и в сфере развития политического имиджа главы Чехословацкого государства «транзитный» этап, по сути, хронологически очерчен периодом в два года: с 1989 по 1990 г. Однако даже на протяжении данного временного промежутка четко прослеживается основная особенность формирования политического имиджа главы государства в условиях демократического транзита – преемственность по отношению к своему предыдущему образу демократического политического лидера и острая критика в адрес предшествующей политической элиты и отдельных ее представителей. В то же время доля подобной критики в политическом дискурсе главы государства определяется успешностью демократизационных процессов, протекающих в стране, и это является второй особенностью развития президентского имиджа в данных условиях. Как видно из выступлений Вацлава Гавела, быстрый переход государства на демократический путь развития вкупе с формированием демократических органов государственной власти предопределяет полное сворачивание «антикоммунистической» составляющей политического имиджа главы государства. Таким образом, подобное переконфигурирование политического имиджа может служить дополнительным индикатором, свидетельствующим о переходе транзитного процесса в его завершающую фазу.

Примечания:

1 См.: *Вилков А. А.* Имиджевые технологии в контексте трансформации политической системы в современной России // Современные социально-политические технологии : материалы 13-й Всерос. науч.-практ. конф., 15–16 мая 2008 г. Ижевск, 2008. С. 130–139.

2 См.: *Горчакова В. Г.* Прикладная имиджелогия. Ростов н/Д, 2010. С. 216.

[3] См., например: *Толкалов А. С.* Сравнительный анализ особенностей использования имиджевых технологий на начальном этапе демократического транзита в России и Чехословакии // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 115–118.

[4] См.: Václav Havel // Pražský hrad – Prague Castle. URL: https://www.hrad.cz/cs/prezident-cr/prezidenti-v-minulosti/vaclav-havel.shtml (дата обращения: 25.08.2014).

[5] См.: Václav Havel : Projev k občanům před volbou prezidenta republiky // Vaclav Havel : [offic. website]. URL: http://www.vaclavhavel.cz/showtrans.php?cat=projevy&val=923_projevy.html&typ=HTML (дата обращения: 25.08.2014).

[6] Novoroční projev prezidenta ČSSR Václava Havla 1. ledna 1990 // Pražský hrad – Prague Castle. URL: http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html (дата обращения: 25.08.2014).

[7] Novoroční projev prezidenta ČSSR Václava Havla 1. ledna 1991 // Pražský hrad – Prague Castle. URL: http://old.hrad.cz/president/Havel/speeches/index.html (дата обращения: 25.08.2014).

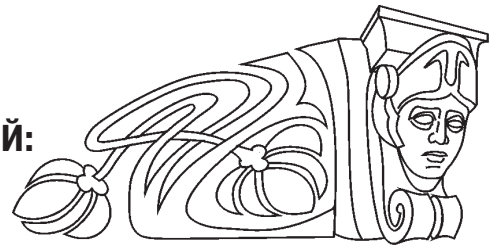
[8] Там же.

[9] См.: *Suk Jiří.* Labyrintem revoluce – Aktéři, zápletky a křižovatky jedné politické krize (Od listopadu 1989 do června 1990). Český Těšín, 2003. S. 153.

[10] См.: *Heřman J., Košťálová M.* Václav Havel. Vzpomínková kniha : prezident, disident, dramatik. Ostrava, 2012. S. 75.

УДК 328.36

ПРОБЛЕМА ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: СТАРЫЕ СЮЖЕТЫ И НОВЕЙШИЕ ДИСКУССИИ



Г. А. Бударин, А. К. Магомедов

Ульяновский государственный университет
E-mail: filon@yandex.ru; armagomedov@gmail.com

В статье анализируются ключевые аспекты исследования региональной идентичности в современной России в зеркале новейших академических дискуссий. Рассматриваются три ракурса интерпретации избранной темы: концептуальные дебаты о характере региональных исследований; взлет российского регионализма в 1990-е гг., а также связанная с этим взлетом роль региональной идентичности как фактора развития территорий.

Ключевые слова: региональная идентичность, локальные исследования, децентрализация, факторы идентичности, характер и потенциал регионоведения.

The Problem of Local Identity in Post-soviet Russia in Context of Development of Regional Studies: Old Issues and New Debates

G. A. Budarin, A. K. Magomedov

The article analyze the key issues of regional identity in modern Russia in terms of new academic discussions. Scrutinize three aspects of this topic: the conceptual debates on nature of current regional studies; rise of Russian regionalism of 1990s and role of regional identity as a factor of local progress.

Key words: regional identity, local studies, de-centralization, factors of identity, nature and potential of identity.

Политика имеет не только глобальный и национальный формат, но и локальное измерение. Такая постановка проблемы дает возможность описывать ту или иную проблему через региональные призмы и локальные уровни. Эти уровни могут оказаться не менее важными, чем традиционный уровень государственной политики в переходном обществе, каким является Россия. Локальные исследования помогают создать и пересоздать видение общенациональной политики, поскольку, как показали российские региональные практики 1990-х гг., взаимоотношения между центром и периферией являются симбиотическими и диалектическими. Задолго до этой дискуссии данную мысль весьма красноречиво изложил известный американский антрополог Клиффорд Гирц: «Величие мышления, без которого объективность превращается в самодовольство, проистекает из более трудного достижения, состоящего в умении видеть себя среди других – в качестве локального примера форм местной жизни»[1].

Однако одна из основных трудностей регионального прочтения данных процессов и явлений была связана с тем, что крайне проблематичной оказывалась ситуация с доказательством «типичности» или «репрезентативности» того или иного региона. В научных кругах развернулась дискуссия о концептуальных рамках, в пределах которых можно реализовать успешные региональные исследования. По сути, данная постановка проблемы есть вопрос о характере и потенциале регионоведения. Одни исследователи настаивают на том, что для того чтобы получить широкую картину явления, локальные исследования непременно должны носить сравнительный характер. Так, в своей работе о субнациональных территориях России американская исследовательница Сьюзан Смит-Питер определила региональные исследования как «изучение

© Бударин Г. А., Магомедов А. К., 2014

регионов в пределах теоретических и сравнительных рамок». Такой подход, по ее мнению, «позволит избежать того вида близорукости, которая появляется тогда, когда ученый рассматривает только свой регион, игнорируя при этом такие факторы, как другие провинции»[2].

Однако академик О. С. Шмидт еще раньше раскритиковал подобную абсолютизацию сравнительного подхода, отметив, что упор на междисциплинарный подход, который нацелен на изучение источников и более углубленное изучение локальных «кейсов», куда более продуктивен, нежели сравнительная методика. Аналогичным образом известный американский историк Доналд Рейли подверг сомнению возможности сравнительного подхода, обозначив свою книгу «Революция на Волге: 1917-й год в Саратове» как локализованную версию национальной истории. Он продемонстрировал тот факт, что локальное исследование даже на примере одного региона способно ускорить пересмотр событий более широкого национального формата[3].

Зафиксировав данный факт, перейдем к рассмотрению ключевых моментов российского регионализма в 1990-е гг., обусловивших значимость фактора региональной идентичности для развития территорий. Для начала отметим, что в советское время локальные исследования (носившие обобщенное название «краеведение») были наукой второго сорта. В 1990-е гг., с подъемом регионализма, эти исследования начали становиться жанром первого порядка, хотя некоторые столичные исследователи характеризуют политическое регионоведение как «политологию для бедных». Взлет российского регионоведения был частью более широкой проблемы постсоветской России – хаотической регионализации и неуправляемой децентрализации государства. Вкратце рассмотрим ключевые проявления общей атмосферы драматической фрагментации российского общества в 1990-е гг., в контексте которой получили свое развитие региональные исследования.

После коллапса СССР важнейшей особенностью российской постсоветской истории стало то, что традиционно сильная центральная власть все больше «перетекала» в нижние горизонты управления. Число участников политического процесса при этом возрастало. Указанные моменты объективно проявились на фоне упадка государственных ценностей и деградации созидательной политической воли федерального центра. События двух чеченских войн стали иллюстрацией того, какие экстремальные сценарии возможны в подобной ситуации. В результате того, что Россия в этот период переживала бурный процесс группообразования на региональном уровне, провинциальные лидеры не только приобрели значительную автономию по отношению к центру, но и усиливали опеку над обществом. Их идеологические позиции, политические стимулы и эгоизм представляли собой решающий фактор поведенческих норм в политических системах регионального типа[4]. Усиливавшиеся местные правящие группы укрепляли региональное самосознание и создавали закрытые «губернаторские экономики» (выражение профессора МГУ Н. Зубаревич). Следовательно, региональные политические процессы в посткоммунистической России можно рассматривать как четко различающиеся единицы политического анализа.

Подобная атмосфера стала питательной средой для рефлексии региональных интересов и формирования локальных идентичностей. В условиях общероссийского идеологического коллапса 1990-х гг. многие региональные политики осуществили в своем мышлении качественный скачок, суть которого – переход к действиям в идеологических и геополитических категориях. Это означает, что локальные элиты и вырабатываемые ими идеологии выступали как силы развития, актуализировавшие разнонаправленность векторов российского политического устройства. Это помогало им консолидировать свою политическую базу, поскольку население обращало свои ожидания к региональным властям. Тесная корреляция понятий «субъект» – «идентичность» представлена в работах В. М. Суханова и А. А. Вилкова[5]. Принципиальным здесь оказывается то, что легитимность и организационная оформленность региональных администраций способствовали координации ожиданий и в конечном счете консолидации населения вокруг руководства регионов на основе локальных символов и смыслов.

Прежде чем говорить о роли региональной идентичности в развитии территорий, необходимо уточнить само понятие «региональная идентичность». Российский географ М. П. Крылов дал определение региональной идентичности как системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием «малая родина»[6]. Исследования региональной идентичности включают в себя аспекты самосознания и конструирования локальной самобытности. Региональная идентичность является специфическим видом и ключевой стадией самоорганизации, а также формой культурной, политической и экономической активности. Локальные идентичности могут служить в качестве форм культурного и политического капитала. Слабость региональной идентичности приводит к деградации локальных сообществ.

На сегодняшний день проблема региональной идентичности становится все более популярной и модной. Она рассматривается как нечто желательное и уместное при формировании региональной политики – как своего рода эквивалент «качества жизни» в том или ином локальном сообществе. Под региональной идентичностью понимается системная совокупность

культурных отношений, связанная с понятием «малая родина». В региональной идентичности сочетаются аспекты собственно географии (пространство и топонимика, например, ульяновская, самарская и т. д.) и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности (в качестве которой приводят термин «местный патриотизм»). М. П. Крылов предлагает считать равнозначными обе стороны региональной идентичности: «культуру укоренённости» и «культуру мобильности»[7]. Иными словами, он рассматривает региональную идентичность как «волю к жизни и развитию на данной территории». Культурные антропологи доказали, что конфигурации знания всегда являются локальными, они культурно закодированы и исторически конструированы в рамках территорий.

Таким образом, региональный фокус обладает значимым эвристическим потенциалом для понимания более масштабных явлений и процессов. Локальные проблемы помогают в определении более широкой политической повестки дня. Как образно описал Алан Уилдман, «региональный фокус применяется как элемент конкретики к важным взаимоотношениям, которые не могут быть легко установлены на национальном уровне; это подобно увеличению разрешающей способности микроскопа и внедрению в исследования того вида возбуждения, которое должен был чувствовать Галилео Галилей, когда он впервые увидел кольца Сатурна»[8].

Примечания

1 *Geertz C.* Local Knowledge : Further Essays in Interpretive Anthropology. N.Y. : Basic Books, 1983. P. 16.

2 *Smith-Peter S.* Bringing the Provinces into Focus : Subnational Spaces in the Recent Historiography of Russia // Kritika. 12, 4 (Fall 2011). P. 835, 848.

3 См.: *Raleigh D.* Doing Local History or, from Social History to Oral History : Some Autobiographical Reflection on Studying Russia's Saratov Region // «Region». Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Seoul : Hankuk University of Foreign Studies. 2013. Vol. 2, № 1. P. 33–34.

4 См.: *Магомедов А. К.* Мистерия регионализма. Региональные элиты и региональные идеологии в постсоветской России : модели политического воссоздания «снизу». М. : МОНФ, 2000. С. 3–4.

5 См.: *Суханов В. М.* Региональная политическая идентичность в современной России. Саратов : Изд. центр «Наука», 2008. С. 6 ; *Вилков А. А.* Идеологический фактор формирования российской политической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (ИМЭМО РАН, 21–22 октября 2010 г.) / редкол.: И. С. Семененко (отв. ред.), Л. А. Фадеева (отв. ред.) и др. М. : ИМЭМО РАН, 2011. С. 157–162.

6 См.: *Krylov M.* The Regional Identities in the Central and Some Boundary Territories of European Russia : the main concepts and research results // «Region». Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. Seoul : Hankuk University of Foreign Studies. 2013. Vol. 2, № 1. P. 45.

7 См.: *Крылов М. П.* Феномен региональной идентичности в Европейской России : концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития / под ред. Ю. Г. Липеца. М. : Ин-т географии РАН, 2002. С. 104–117.

8 *Wade R. A., Seregny S. J.* Politics and Society in Provincial Russia : Saratov, 1590– 1917. Columbus : Ohio State University Press, 1989. P. 326.

УДК 329.059470+571

ИНВЕРСИИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А. В. Головченко

Саратовский государственный университет
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

В статье рассмотрена инверсия либеральной трактовки патриотизма в постсоветской России, выявлены основные особенности и алгоритм эволюции места и ранга патриотизма среди других либеральных ценностей, рассмотрен результат его использования в политической деятельности праволиберальных партий. Особое внимание уделено раскрытию позиций либеральных лидеров по вопросу об украинском кризисе и российско-украинских взаимоотношениях.

Ключевые слова: инверсия, политическая инверсия, инверсия либерального патриотизма, праволиберальные партии, украинский кризис, позиция по украинскому кризису.

Inversion of Liberal Patriotism in Contemporary Russia

A. V. Golovchenko

The author considers an inversion of liberal approach to patriotism in post-soviet Russia, reveals main features and scheme of evolution of the place and range of patriotism among other liberal values, and describes results of its implementation within right-liberal parties' activities. Special attention is accorded to liberal leaders' stance on the issue of crisis in Ukraine and Russian-Ukrainian relations.

© Головченко А. В., 2014

Key words: inversion, political inversion, inversion of liberal patriotism, right-liberal parties, crisis in Ukraine, stance on crisis in Ukraine.

В связи с трагическими событиями на Украине особую остроту и злободневность в политическом дискурсе современной России приобрела проблема патриотизма. Для большинства российских партий эта ценность стала интегрирующим началом, заставившим отодвинуть на задний план стратегические расхождения по целям, формам и принципам модернизации всех сфер общественной жизни. Совершенно особую позицию в данном вопросе заняли праволиберальные партии. Обусловлено это позиционирование совокупностью многих внутренних и внешних факторов и приводит к серьезным последствиям для политического расклада на либеральном партийном фланге современной России.

Либеральная трактовка патриотизма на протяжении всего постсоветского периода была подвержена критике со стороны не только коммунистов, но и многих других национально и патриотически ориентированных политических сил России. Либералы отвечали тем же, заявляя о себе как об «истинных патриотах», противостоящих российским «лжепатриотам». Суть трактовки состояла в том, что сторонники либерализма не акцентировали внимания на публичной стороне патриотизма, подчеркивая, что любовь к Родине должна носить «интимный» характер и выражаться не в словах о беззаветной преданности к ней, а в своей деятельности во благо интересов граждан. Эта любовь не должна носить безоглядного характера и проявляется, прежде всего, в критической позиции по отношению к своему государству, в последовательной защите общества и отдельных граждан от посягательств государства на их естественные права и свободы. Либеральная трактовка патриотизма подразумевает отсутствие изоляционизма и нацеленность на воспитание «граждан мира», которые полагают, что «свою страну можно любить в том случае, если государство обеспечивает комфортные условия жизни для своих граждан»[1].

Данный тезис предопределяет двойственность и противоречивость либеральной трактовки. С одной стороны, либералы подчеркивают, что нельзя отождествлять любовь к Родине и любовь к своему государству, что последняя представляет собой «лжепатриотизм», беззастенчиво эксплуатируемый властными структурами для сохранения своей власти над обществом и контроля над распределением всевозможных его ресурсов. Поэтому «истинный» патриотизм состоит в том, чтобы критиковать и разоблачать «лжепатриотов-государственников» и вести последовательную борьбу за расширение возможностей индивидов раскрывать свой потенциал во всех сферах общественной жизни, независимо от государства, в рамках деятельности институтов гражданского общества. Фактически тем самым они выступают за деятельностную трактовку патриотизма в рамках схемы взаимодействия, определяемой политологами как модели с «преобладанием объект-субъектных» отношений. В соответствии с ней «гражданское общество выступает доминирующим субъектом регулирования и контроля за государством»[2].

С другой стороны, многие либеральные партии акцент делают на значимости в современных условиях социальной функциональности государства. На это обращают внимание не только представители РОДП «Яблоко», но и многие другие праволиберальные партии[3]. Однако социальная функциональность государства невозможна без его активной регулирующей роли и без определенного вмешательства во все сферы общественной жизни. Возникает своеобразный парадокс либералов в отношении патриотизма, который, перефразировав общеизвестное высказывание, условно можно обозначить как «любить нельзя критиковать» (смысл которого меняется в зависимости от места поставленной запятой). Однако для либералов патриотизм в отношении государства неприемлем по определению. Поэтому они руководствуются преимущественно негативным к нему отношением, одновременно требуя выполнения сложных социальных обязательств перед гражданами. Наиболее открыто и откровенно либеральное отношение к официальному патриотизму в России сформулировал Е. Лотош (инженер-писатель, публицист, страшно завидующий патриотизму американцев): «Быть патриотом у нас означает отнюдь не тихо и беззаветно любить свою страну. Нет – быть патриотом означает в первую очередь ненавидеть чужаков… основные параметры российского патриота – ненависть, двуличие, невежество и показная религиозность»[4].

Оставим эти обобщающие характеристики российского патриотизма на совести автора, скорее всего опирающегося в своих оценках на личный круг общения и на ту призму ненависти, через которую он воспринимает полное драматизма и героизма историческое прошлое и настоящее собственной страны. Он отказывает ей и в будущем, так как, по его мнению, «печально, но факт – на самом деле в России нет настоящих патриотов. А без патриотов нет и самой страны под названием “Россия” – есть лишь территория под названием “Российская Федерация”. И будущее этой территории представляется весьма печальным»[5]. Автором забыты десятки миллионов россиян и советских граждан, положивших жизнь на защиту Отечества. Им проигнорированы сотни миллионов рядовых представителей различных российских народов разных вероисповеданий, которые столетиями без ненависти друг к другу соседствовали и продолжают мирно жить рядом на российской земле. Они ежедневно без громких слов и патриотического пафоса своим тру-

дом, своими делами демонстрируют искреннюю любовь к своей малой и большой Родине. Периодические вспышки и конфликты между российскими народами действительно имели место, но происходили они именно в периоды ослабления Российского государства.

Поэтому отношение к государству, на наш взгляд, является определенным маркером, позволяющим оценить траекторию инверсии либерального патриотизма в постсоветской России. В начальный период радикальных реформ проблема патриотизма и основные механизмы его формирования были отодвинуты на задний план, так как первоочередной задачей была провозглашена демократизация всех сфер общественной жизни и вхождение России в семью «цивилизованных» западноевропейских народов. Завоевание доверия США и их союзников требовало жертв, на которые либерал-реформаторы шли легко с расчетом на стратегический выигрыш в будущем. Однако уже в 1990-е гг. стало очевидно, что после устранения СССР как своего геополитического противника в холодной войне США вовсе не собираются выстраивать равные партнерские отношения на основе учета стратегических интересов России. Более того, западную поддержку получали те направления реформирования России, которые существенно ослабляли ее военный, индустриальный и интеллектуальный потенциал, превращали ее в сырьевой придаток высокотехнологичных держав мира. Процедуре «откачки мозгов» из России в западноевропейские страны также соответствовала либеральная установка на то, что «патриотизм – последнее прибежище негодяев». Поэтому активно внедрялась идея, что Родина человека там, «где ему хорошо», где ему создают нормальные условия для научной работы и жизни, где зарплата позволяет жить достойно и т. д.

Однако результаты либеральных преобразований в социально-экономической области оказались настолько негативными для большинства населения, что идеи и ценности либерализма стали вызывать отторжение. Результатом явилось неуклонное падение уровня поддержки праволиберальных партий на выборах, несмотря на их разнообразные организационные и технологические усилия сохранить свое влияние в российской политике. Активное и успешное использование ценностей патриотизма конкурирующими партиями (прежде всего «Родины», «Справедливой России» «Патриотов России» и многих других) заставило лидеров правых партий также обратиться к обоснованию либерального понимания патриотизма.

Наиболее очевидно оно проявилось на практике в связи с кризисными событиями на Украине. Еще до обострения отношений в своем пространном интервью украинской газете «День» одна из идеологов и популяризаторов либеральных ценностей на постсоветском пространстве Л. Шевцова обосновывала необходимость европейской интеграции Украины и активно продвигала идею о необходимости разрыва отношений с «имперской Россией». При этом она сетовала на то, что среди российских либералов «очень много либералов-“империалистов”. Эти люди достаточно либеральны по отношению к российским проблемам: они – за рынок, за демократию, за право собственности, за достоинство человека, но, тем не менее, они считают, что им позволительно указывать украинцам на их ошибки, говорить, куда украинцам идти, позволительно давать оценку и советовать Януковичу, Тимошенко или кому-либо другому. И они до сих пор полагают, что спасение Украины – исключительно в партнерстве с Россией»[6]. То что Л. Шевцова сама при этом дает оценки и антироссийские советы украинцам – видимо, в порядке вещей для космополитичной представительницы «Московского центра Карнеги», присвоившего себе право указывать любой стране ее «правильный выбор».

Насильственный переворот на Украине на основе проевропейских и антироссийских лозунгов, который произошел в феврале 2014 г., и последующая конфронтация Киева с русскоязычными регионами привели к обострению отношений с Россией по поводу Крыма, не пожелавшего остаться в составе Украины. В этой связи представляет интерес анализ позиции праволиберальных партий по кризису российско-украинских отношений на примере РОДП «Яблоко» как одной из старейших политических сил постсоветской России.

19 марта 2014 г. было принято резкое заявление РОДП «Яблоко» по поводу межгосударственного договора о вхождении Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации. В заявлении подчеркивалась недопустимость такого решения для России, которое свидетельствует о нарастании тоталитарно-репрессивных тенденций в политике правящего режима, о нагнетании в общественном мнении ненависти ко всему западному, о возрождении имперских комплексов и конфронтации с Западом как важнейшего средства мобилизации российского общества на безоговорочную поддержку режима[7]. Тем самым российскими либералами было проигнорировано мнение большинства жителей полуострова, проявленное на референдуме 17 марта 2014 г. по вопросу о вхождении в состав России.

В связи с присоединением Крыма партия «Яблоко» не просто заявила о своей оппозиции «агрессивному неоимперскому курсу Владимира Путина», но и подчеркнула особую актуальность своей цели – «демонтаж сложившегося в России криминально-олигархического режима ненасильственным, мирным, конституционным путем»[8].

После начала Киевом силовой акции по подавлению сепаратистских движений на юго-востоке Украины, которая фактически превратилась в войну прежде всего против мирных граждан, РОДП «Яблоко» неоднократно выступало с за-

явлениями, в которых призывали «российскую власть, СМИ, всё общество отказаться от призывов к войне и пропаганды войны», от пропаганды «ненависти к Украине», от «какой бы то ни было поддержки разрастания гражданской войны на востоке Украины. Необходимо прекратить бросать в это пламя людей, разжигать его поставками оружия и спонсорской помощью! Это не в интересах России и смертельно для тех людей, защиту которых Россия декларирует как свою цель»[9]. В качестве одного из аргументов контрпродуктивности конфликта, по мнению С. Митрохина, является тот факт, что России все равно не удалось предотвратить подписание Украиной договора об ассоциации с ЕС. Тем не менее антиправительственная риторика и призывы к демонтажу «путинского режима» отошли на второй план. Обусловлено это скорее всего тем, что уровень поддержки Президента Российской Федерации в этот период неуклонно возрастал.

В октябре 2014 г. Г. А. Явлинский, участвуя в дискуссии на конференции «Форум 2000» в Праге, однозначно повторил: «…мы против войны России с Украиной. Мы не согласны с аннексией Крыма, и для нас неприемлемо все то, что происходит сейчас на юго-востоке Украины»[10]. В качестве стратегического направления разрешения конфликта между Россией и Украиной Явлинский видит отказ от «имперской» российской политики и переход к интеграции с Европой, созданию единого экономического пространства «от Лиссабона до Владивостока». Однако возникает резонный вопрос, почему в 1990-е гг., когда Россия последовательно демонстрировала свою готовность следовать рекомендациям (даже в ущерб собственным интересам) западноевропейских стран, Европа не захотела идти на реальную интеграцию с Россией? Почему именно в это время военно-политическая организация НАТО неуклонно продвигалась к границам России? Где гарантии того, что процесс интеграции с Европой теперь вдруг будет осуществим и станет основываться на равноправии и учете законных интересов России?

Примечательно, что, несмотря на сохранение разногласий по вопросам социально-экономического и социально-политического развития страны, в вопросе о кризисе на Украине основные партии праволиберального спектра продемонстрировали удивительное единогласие. Так, лидеры РПР-ПАРНАС М. Касьянов и Б. Немцов публично выразили свое одобрение того, что “Яблоко” занимает однозначную позицию по основному вопросу политической повестки, осуждая аннексию Крыма и военную агрессию путинского режима на Украине»[11]. Подобное отношение проявил бывший эсер Д. Гудков, который вместе с псковским яблочником Л. Шлосбергом акцент сделал на разоблачении участия российских военнослужащих в боевых действиях на Украине[12]. Но особенно радикальную позицию занял Г. Каспаров, который открыто призвал США к использованию военной силы для подавления пророссийских регионов на Украине[13].

Таким образом, подводя итог, можно заключить, что эволюция либерального патриотизма в последние два с половиной десятилетия происходила на основе перераспределения его места в структуре других либеральных ценностей с периферии ближе к базовому ядру. Обусловлено это было тем, что на первоначальном этапе постсоветских преобразований, проводимых под либеральными лозунгами, ценность патриотизма представлялась либералам не функциональной в контексте масштабных задач по демократизации общества по западноевропейским лекалам. Приоритет отдавался ценностям свободы, плюрализма, открытости, конкуренции, толерантности. Патриотизм вместе с ценностью социальной справедливости оказался на второстепенных позициях практически у всего либерального партийно-идеологического спектра.

Однако после снижения политического влияния и фактического превращения праволиберальных партий в маргинальные политические силы ценность патриотизма в риторике либералов в начале 2000-х гг. вновь была актуализирована в связи с ее очевидной востребованностью в российском обществе. Но ниша была уже занята, патриотизм активно использовался не только ведущими оппозиционными партиями различной идеологической направленности, но и самой «Единой Россией». Поэтому разъяснение содержательных различий официального, националистического и либерального патриотизма не принесло большого успеха праволиберальным партиям (особенно с учетом их непрекращающейся борьбы друг с другом).

Позиция праволиберальных партий по текущему кризису на Украине позволяет констатировать, что их космополитичный патриотизм по сути своей идентичен интернациональному патриотизму большевиков периода Первой мировой войны, обусловленному их пораженческой стратегией: «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Подобная логика прослеживается и у современных либералов: поддержим санкции против России, призовем к более жесткому их применению. Чем хуже в результате будет социально-экономическая ситуация для России, тем выше будет уровень недовольства населения действующим режимом, тем лучше будет для либералов. Они смогут наконец-то получить внутреннюю поддержку электората и приобрести власть для проведения политики интеграции с Западом.

Тем не менее, организационная фрагментация данного партийно-идеологического спектра прослеживается и в вопросе о патриотизме. Условно можно выделить несколько направлений трактовки данной ценности, обусловленной идеологическими различиями. К первому можно

отнести откровенно антироссийские политические силы, которые последовательно ведут борьбу за внедрение в России западноевропейской модели демократии, невзирая на колоссальные издержки и возможную утрату суверенитета, не считаясь с мнением большинства населения. Ко второму можно отнести грантозависимые НКО и политические партии, которые вынуждены отрабатывать поддержку, которая им была оказана со стороны различных западноевропейских центров «продвижения» демократии. Наконец, достаточно большую группу представляют «наивные» либералы, которых привлекает совокупность либеральных ценностей в целом как основа общественно-политического мироустройства. В то же время они не желают видеть, что в мировой политике идет жесткая конкурентная борьба за реализацию национальных интересов ведущих держав мира, и любые попытки встать «над схваткой» есть не что иное, как пораженческая стратегия, которая ведет к ослаблению позиции России.

Можно предположить, что именно последняя группа может стать основой для переформатирования существующего праволиберального сектора и формирования либеральной партии, ориентированной на национальные интересы России. Как представляется, иного выхода у сегодняшних либералов, лишенных поддержки в обществе, просто не существует. Иначе либеральные ценности останутся лишь на уровне более или менее интегрированного или компилятивного включения в программы большинства российских партий, но не в качестве самостоятельного политического позиционирования.

Примечания

1 *Жолобов С. И.* Образ патриота в современной России (анализ интернет-материалов либеральной направленности // Вестн. Нижегород. гос. лингв. ун-та им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 13. С. 240.

2 *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып 4. С. 66.

3 См.: «Капитализм для всех». Программа Всероссийской политической партии «ПРАВОЕ ДЕЛО». URL: http://minjust.ru/ru/node/2269 (дата обращения: 27.07.2013).

4 *Лотош Е.* Об особенностях российского патриотизма. URL: http://zhurnal.lib.ru/l/lotosh_e/patriotism.shtml (дата обращения: 23.10.2014).

5 Там же.

6 *Шевцова Л.* Позиция российского либерала. URL: http://www.day.kiev.ua/ru/article/panorama-dnya/poziciya-rossiyskogo-liberala (дата обращения: 22.10.2014).

7 См.: Неоимперский курс ведет к катастрофе. URL: http://www.yabloko.ru/news/2014/03/19 (дата обращения: 22.10.2014).

8 Там же.

9 Политкомитет «ЯБЛОКА» : Международная конференция – необходимое начало мирной политики в отношении Украины. URL: http://www.yabloko.ru/2014/06/29 (дата обращения: 22.10.2014).

10 Выступление Г. Явлинского в дискуссии «Украина : перспектива демократического будущего в Европе». URL: http://www.yabloko.ru/news/2014/10/15_2 (дата обращения: 22.10.2014).

11 РПР-ПАРНАС поддерживает «Яблоко» за позицию по Украине. URL: http://newsland.com/news/detail/id/1426028/ (дата обращения: 22.10.2014).

12 См.: Против тайной войны России в Украине. URL: http://www.yabloko.ru/publikatsii/2014/10/02 (дата обращения: 22.10.2014).

13 См.: Каспаров назвал отказ США от использования военной силы в Украине «ошибкой». URL: http://www.golos-ameriki.ru/content/kasparov-sees-mistake-in-us-ruling-out-force-in-ukraine/1876038.html (дата обращения: 26.10.2014).

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК [32:316.334.3] (470.4)

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПАЛАТ (на примере Приволжского федерального округа)

М. Н. Концыбовская

Саратовский государственный университет
E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru

В статье представлены некоторые аспекты функционирования общественных палат в регионах современной России. На основании анализа законов об общественных палатах, находящихся на территории Приволжского федерального округа, и материалов с их официальных сайтов автором выделяются некоторые проблемы и особенности формирования политической субъектности региональных общественных палат. Делается вывод о решающем влиянии государственного фактора в данном процессе.

Ключевые слова: политическая субъектность, институты гражданского общества, региональные общественные палаты.

© Концыбовская М. Н., 2014

Features of Political Subjectivity of the Regional Public Chambers (Exemplified by the Volga Federal District)

M. N. Koncybovskaya

The article presents some aspects of the Public Chambers in the regions of present-day Russia. Based on the analysis of the law on Public Chambers in the Volga Federal District and materials from their official websites, the author identifies some particular problems and features of the formation of political subjectivity of the regional Public Chambers. The conclusion is made that state factor plays a pivotal role in this process.

Key words: political subjectivity, institutions of civil society, regional Public Chamber.

Вопрос об особенностях формирования политической субъектности институтов гражданского общества является важным и показательным в контексте демократического развития современной России. На их взаимосвязь и взаимозависимость указывают многие исследователи, подчеркивая, что «конкретное воплощение политической сущности государства, характер его взаимоотношений с обществом определяются, прежде всего, особенностями взаимоотношений с институтами гражданского общества»[1]. Новейшие мировые тренды эволюции политики, с точки зрения А. В. Зайцева, убедительно демонстрируют, что качество управления государством и перспективы развития социума напрямую зависят от степени и характера вовлеченности его граждан и институтов гражданского общества в процесс управления государством[2].

Проблема политической субъектности общественных организаций в современной России является многоаспектной и системной и требует тщательного рассмотрения и анализа. При этом на сегодняшний день исследователи выделяют такие противоречия в формировании политической субъектности, как «мнимость», иллюзорность политических субъектов[3], преобладание государственного влияния на их деятельность[4], неактивность современных граждан и их нежелание принимать участие в политической деятельности («смерть субъекта»)[5].

Проблему мнимости политических субъектов как частей коммуникативной политической среды выделяет в своей работе Т. А. Догадина. Политика как важнейшая сфера жизни общества, с точки зрения автора, невозможна «вне коммуникационных процессов, связывающих, направляющих и инновациирующих политическую жизнь»[6]. Следовательно, изучая политические взаимоотношения различных субъектов в современной России, необходимо затрагивать совокупность процессов их информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение.

Согласимся с мнением И. Н. Гомерова, согласно которому политическая субъектность – «это такая субъектность, которая возникают по поводу государственной власти, её институтов, органов, учреждений, организаций, по поводу её формирования (обретения), сохранения (удержания), изменения (преобразования), регулирования или использования людьми для реализации присущих им интересов, так же как и политика в целом, включая политическую деятельность и политические отношения»[7]. Следовательно, для определения особенностей политической субъектности региональных общественных палат необходимо определить их место в поле политики, статус и функции.

Затрагивая вопрос политической субъектности региональных общественных палат, необходимо оценить их место в политическом пространстве относительно других политических субъектов, например, таких как Общественная палата РФ, региональные органы государственной власти и НКО; проанализировать степень их взаимодействия с населением регионов; проследить влияние и роль региональных общественных палат в процессе принятия политических решений.

Принцип формирования Общественной палаты РФ был трансформирован в 2014 г., на сегодняшний день из 166 ее членов половина формируется общественными палатами регионов[8], что говорит о новом этапе в ее функционировании и росте статуса данного института в регионах России. В процессе функционирования региональных общественных палат в современной России намечаются некоторые тенденции, позволяющие их представителям работать и на федеральном уровне. Однако не все оценивают их как положительные. Например, по мнению Б. Альтшулера, Россия – уникальная, единственная страна в мире, где общественные институции, которые призваны контролировать власть, формируются самой властью, следовательно, палаты субъектов РФ формируются для того, чтобы общественники не беспокоили власть и не лезли в дела, особенно финансовые[9]. С точки зрения Б. Альтшулера, согласно новым правилам формирования Общественной палаты РФ, ее половина будет фактически сформирована региональными властными элитами, потому что независимых от губернаторов общественных палат в субъектах Федерации уже не существует[10].

Импульсом к созданию общественных палат в регионах стало появление данного института на федеральном уровне в 2005 г. В Приволжском федеральном округе процесс законодательного оформления региональных общественных палат проходил с 2005 по 2011 г., в субъектах принимались соответствующие законы, регламенты и кодексы этики.

Общественные палаты в регионах России были изначально созданы для согласования общественно значимых интересов граждан и общественных объединений, региональных органов

государственной власти и органов местного самоуправления для решения наиболее важных вопросов экономического и социального развития, защиты прав и свобод человека и гражданина, демократических принципов организации гражданского общества. В задачах их деятельности прописаны взаимоотношения с такими субъектами, как Общественная палата РФ (взаимодействие на условиях партнерства, половина состава – представители региональных общественных палат), органы государственной власти (проведение общественной экспертизы законопроектов, осуществление общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления, выработка рекомендаций органам государственной власти), НКО и население региона (привлечение граждан и общественных объединений к реализации задач социально-экономического развития региона, выдвижение и поддержка гражданских инициатив, направленных на реализацию конституционных прав, свобод и законных интересов граждан и общественных объединений). При этом важно отметить, что общественные палаты в регионах призваны обеспечивать открытое и гласное обсуждение общественно важных проблем и доводить общественное мнение жителей до органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Основополагающим аспектом в деятельности региональных общественных палат выступает принцип их формирования, а точнее, специфика субъектов, принимающих участие в данном процессе. Изначально часть кандидатов утверждается органами региональной государственной власти – главой исполнительной власти (президентом республики, губернатором области), законодательными органами государственной власти региона, а затем, как правило, новые члены общественных палат выбирают других представителей из общественных объединений региона. Первые общественные палаты в Приволжском федеральном округе появились в качестве консультативных, экспертных площадок при региональных органах государственной власти еще до существования Общественной палаты РФ в Саратовской области (1997 г.) при губернаторе, в Пензенской области (2004 г.) при правительстве, причем они функционировали на основании подзаконных правовых актов.

Существует несколько механизмов формирования состава общественных палат, характерных для Приволжского федерального округа: в *Кировской области* губернатор определяет кандидатуры двадцати пяти граждан, которые путем конкурсного отбора осуществляют выбор еще двадцати пяти кандидатов[11]; в *Пермском крае* общественная палата формируется из тридцати шести человек: шесть назначаются губернатором, шесть – Законодательным собранием, двадцать четыре избираются на краевой конференции общественных объединений и иных некоммерческих организаций из числа делегатов, выбранных на собраниях общественных объединений и иных некоммерческих организаций, проводимых в городских округах и муниципальных районах[12]; в *Республике Мордовия* Общественная палата состоит из 51 члена и формируется из 17 граждан, утверждаемых главой Республики Мордовия, имеющих особые заслуги перед Республикой Мордовия и обществом, и 34 представителей организаций (17 представителей организаций включаются в состав Общественной палаты по установленным квотам, 17 представителей организаций избираются путем голосования на общем собрании представителей организаций)[13].

По нашему мнению, вхождение в состав Общественных палат Республики Мордовия и Республики Удмуртия граждан, не включенных в состав общественных объединений, но имеющих особые заслуги перед регионом в различных социальных сферах, таких как, например, здравоохранение и образование, делает данный институт более квалифицированным и эффективным в плане экспертизы законопроектов и защиты прав граждан.

Отличительной особенностью функционирования общественных палат в регионах России является недопустимость к выдвижению политическими партиями своих кандидатов в члены, а также непозволительность объединения членов по принципу партийной принадлежности. Решения общественных палат носят рекомендательный характер и принимаются в форме заключений, предложений и обращений, однако законодатель предусмотрел некоторые обязательства для региональных органов государственной власти: предоставлять информацию по запросам общественной палаты, давать ответы на запросы, в обязательном порядке рассматривать заключения общественной палаты по законопроектам, оказывать содействие ее членам в исполнении ими своих полномочий, причем предусматриваются также четкие временные рамки для исполнения всех указанных обязательств.

Юридическое, организационное, научно-аналитическое, информационно-справочное и иное обеспечение деятельности общественных палат осуществляют их аппараты, причем они являются государственными казенными учреждениями, финансируемыми отдельной строкой в региональном бюджете на соответствующий финансовый год. Членам региональных общественных палат возмещаются расходы, связанные с осуществлением ими своих полномочий, что производится также из регионального бюджета.

Качественным показателем формирования политической субъектности общественных палат в регионах России можно считать обретение ими права законодательной инициативы. В При-

волжском федеральном округе из 14 субъектов правом законодательной инициативы обладают Общественные палаты Оренбургской, Самарской, Саратовской и Ульяновской областей, данное обстоятельство позволяет сделать диалог между властью и гражданским обществом более конструктивным и дискуссионным, став важным шагом формирования политической субъектности.

Становление и формирование институтов гражданского общества в современной России изначально предполагает их информационную открытость и доступность для всех граждан, интересующихся политикой и неравнодушно относящихся к окружающему нас миру. Главным ориентиром для общественных палат в регионах является благополучие граждан, защита их прав и свобод. В связи с этим необходимо обозначить потенциальные возможности взаимодействия граждан с органами государственной власти через институт общественных палат. Гражданин имеет право отправить обращение или позвонить на телефоны горячих линий с любыми вопросами, затрагивающими права и свободы заявителей, интересы общества, с целью обратить внимание властей, однако сделать это он может также без участия общественной палаты, напрямую связавшись с тем или иным органом региональной государственной власти. Следовательно, помимо информационной открытости деятельности общественных палат в регионах и работы некоторых каналов обратной связи в сети Интернет, не существует действенных механизмов учета общественного мнения граждан, обсуждение различных вопросов жизни региона, как правило, проходит в тесном кругу, состоящем из членов общественной палаты, представителей законодательных и исполнительных органов власти, а также некоторых заинтересованных сторон. Политическую повестку дня определяет власть, а общественные палаты как государственные учреждения лишь служат некой площадкой для ее раскрытия и обсуждения, причем в основном в социальных сферах. Взаимодействуя с НКО, общественные палаты регионов предлагают информационное обеспечение и поддержку, в том числе в сфере возможностей государственного финансирования, на базе некоторых проводятся конкурсы и фестивали для НКО.

При анализе политической субъектности региональных общественных палат необходимо обратить внимание на их участие в создании системы общественного контроля, формировании общественных советов на федеральном и региональном уровнях. В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», региональные общественные палаты являются субъектами общественного контроля, который осуществляется в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений[14].

В качестве целей создания механизмов общественного контроля в современной России, помимо защиты прав и свобод граждан, законодатель также указывает учет общественного мнения при принятии политических решений и общественную оценку деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия[15].

Формами общественного контроля названы общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественное обсуждение, общественное слушание и другие формы взаимодействия. Данные нововведения – это важный этап в формировании политической субъектности региональных общественных палат, так как предполагается создание более эффективного механизма обратной связи между государственными органами власти и институтами гражданского общества, а также осуществление между ними честного и открытого диалога о стратегических целях и тактике политического и социально-экономического развития современной России.

По мнению саратовских политологов, «для субъектности необходима способность влиять на устойчивость происходящих вокруг процессов и формировать собственную оригинальную стратегию и тактику жизненного поведения»[16], на сегодняшний день региональные общественные палаты не обладают такими качествами. Благодаря созданию условий существования, общественные палаты в регионах начинают выступать в роли диалоговых площадок при рассмотрении различных проблем и конфликтных ситуаций, но политическую повестку дня задает власть, и общественные палаты все еще не являются полноценными и коммуникативно компетентными субъектами диалога.

Таким образом, проведенный анализ показал, что общественные палаты регионов России в процессе своего развития и взаимодействия с окружающим миром постепенно обретают свою политическую субъектность. В процессе формирования качеств политического субъекта региональные общественные палаты приобрели определенный статус, свое место в политическом поле и были наделены особыми функциями, среди которых можно выделить важнейшие – право введения членов региональных общественных

палат в палату федерального масштаба, статус субъектов законодательной инициативы и общественного контроля. При этом следует обратить внимание на важную роль государственного фактора в процессе формирования политической субъектности региональных общественных палат, начиная от введения самой идеи существования данного института, продолжая их финансовым и организационным обеспечением и заканчивая приобретением общественными палатами своего статуса, новых функций и ролей в политическом пространстве.

Общественные палаты в регионах России были созданы в целях развития институтов гражданского общества как государственные учреждения, финансируемые из регионального бюджета. На современном этапе для функционирования данных институтов созданы все формальные условия, законодательно закреплены их статус и механизмы влияния на общественно-политическую обстановку в регионах. Однако их потенциал не реализован на практике в качестве института гражданского общества, так как граждане регионов не включены в полной мере в их работу, недостаточно внимания уделено повышению политической культуры населения, привлечению рядовых жителей к обсуждению социально-значимых вопросов.

Примечания

1 *Вилков А. А.* Политическое управление и гражданское общество в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2010. Т. 10, вып. 4. С. 62.

2 См.: *Зайцев А. В.* Институционализация диалога государства и гражданского общества : компаративный анализ. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. С. 323.

3 См.: *Догадина Т. А.* Мнимые политические субъекты как часть коммуникативной политической среды // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 8. С. 293–295.

4 См.: *Жминда М. Н.* Политико-правовая субъектность русской православной церкви в советский период (1917–1991 годы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2008. Т. 8, вып. 2. С. 67–72.

5 См.: *Козлова О. Н.* Манипуляция сознанием и субъектность в XXI веке // Вестн. Рос. гос. гуманитарного ун-та. 2010. № 3. С. 113–130.

6 *Догадина Т. А.* Указ. соч. С. 293.

7 *Гомеров И. Н.* Политическая субъектность в структуре политических отношений : теория и российские реалии. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2011. С. 56.

8 См.: Об Общественной палате Российской Федерации : федер. закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 27.12.2005 № 195-ФЗ, от 30.06.2007 № 121-ФЗ, от 10.06.2008 № 78-ФЗ, от 25.12.2008 № 283-ФЗ, от 23.07.2010 № 177-ФЗ, от 03.05.2011 № 89-ФЗ, от 06.12.2011 № 411-ФЗ, от 30.12.2012 № 326-ФЗ, от 23.07.2013 № 235-ФЗ, от 02.11.2013 № 294-ФЗ, от 28.12.2013 № 439-ФЗ, от 20.04.2014 № 82-ФЗ). URL: https://www.oprf.ru/about/1391/law/418/ (дата обращения: 12.08.2014).

9 См.: *Альтшулер Б.* Настоящие борцы уже не попадут в Общественную палату РФ. 06. 02. 2014. URL: www.corrupcia.net/aboutnews/item-810.html (дата обращения: 12.02.2014).

10 Там же.

11 См.: Об Общественной палате Кировской области : закон Кировской области от 04 июня 2009 г. № 375-ЗО (в ред. Закона Кировской области от 02.10.2012 № 191-ЗО). URL: www.opko43.ru/documents/s38/402/ (дата обращения: 23.08.2014).

12 См.: Об Общественной палате Пермского края : закон Пермского края от 13 января 2009 г. № 381-ПК (в ред. Законов Пермского края от 30.06.2009 № 464-ПК, от 06.10.2009 № 512-ПК, от 22.12.2010 № 734-ПК, от 06.03.2012 № 1-ПК, от 18.12.2012 № 149-ПК, от 28.10.2013 № 241-ПК). URL: www.oppk.permkrai.ru/docs/2012-03-22-10-32–43 (дата обращения: 23.08.2014).

13 См.: Об Общественной палате Республики Мордовия : закон Республики Мордовия от 20 февраля 2006 г. № 7-З. URL: http://oprm.e-mordovia.ru/normact/view/10280 (дата обращения: 23.08.2014).

14 См.: Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ. URL: www.rg.ru/2014/07/23/zakon-dok.html (дата обращения: 23.09.2014).

15 Там же.

16 *Вилков А., Шестов Н.* Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 188.

УДК [329.15(470+571)]:172.1.5

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КПРФ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В. А. Калинин

Саратовский государственный университет
E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

В статье изучается использование элементов русского национализма в дискурсе Коммунистической партии Российской Федерации. Анализируются причины «поворота» КПРФ в сторону национальной тематики, основные особенности её реализации в партийной деятельности, идеологическое содержание партийного дискурса, а также возможные последствия данного националистического «дрейфа».
Ключевые слова: национализм, социализм, дискурс, партия, идеология.

Nationalist Discourse in The Activities of the Communist Party in Modern Russia

V. A. Kalinin

The article explores the use of elements of Russian nationalism in the discourse of the Communist party of the Russian Federation. Analyzes the reasons for «rotation» of the Communist party in the direction of the national subjects, the main features of its implementation in the activities of the party, the ideological content of the party's discourse, as well as the possible consequences of this nationalist «drift».
Key words: nationalism, socialism, discourse, party, ideology.

В условиях роста разнообразных националистических настроений изучение элементов национализма в дискурсе ведущих политических партий, представленных в Государственной думе, необходимо для понимания вектора всего политического процесса в современной России. Важно выявить связь между использованием националистического дискурса и практической деятельностью парламентских партий, характер и функциональность данной тематики в партийном дискурсе.

Ещё одним фактором, обусловливающим необходимость пристального изучения националистических тенденций, является фундаментальный кризис социалистических идей, возникший после развала СССР. Данное обстоятельство, как и борьба с нелегальной иммиграцией, повысили востребованность национализма и возможность актуализации его радикальных вариаций.

Необходимо отметить, что полноценный социалистический запрос в современной России так и не оформился: широко распространённые идеи, связанные с социальной справедливостью, постоянно совмещаются с призывом к сильному государству, индивидуальная свобода и социальная справедливость оказались в значительной степени разведены.

В целом можно с уверенностью говорить о том, что на условно «левом» фланге российских парламентских фракций наблюдается государственно-патриотический рефрен. Прежде всего, это относится к Коммунистической партии Российской Федерации, которая всё интенсивнее эксплуатирует тему «помощи русскому народу».

Однако важно учесть, что в риторике данной партии предпочтение отдаётся термину «патриотизм», «национализм» имеет ярко выраженные негативные коннотации, а лидер партии Г. А. Зюганов не видит какого-либо противоречия между «патриотизмом» и «интернационализмом». Поэтому диагностика того, является ли национальная проблематика, разрабатываемая КПРФ, существенным креном в сторону национализма, вызывает затруднения и представляет исследовательский интерес.

В этом ключе стоит принять во внимание, что националистический дискурс в той или иной мере присутствует в программных установках и в деятельности практически всех российских политических партий и движений. Соответственно, возникает необходимость выявления разновидностей националистического дискурса, что может быть осуществлено через анализ программ и деятельности партий, выяснение их позиции по вопросам административно-территориального устройства страны, внешней политики, проблеме иммиграции и т. д.

Также необходимо оговориться, что мы оперируем понятием «национализм» исходя из того, что родственное ему понятие «патриотизм» носит скорее личное, эмоционально окрашенное отношение конкретного индивида к территории, на которой он проживает, без оформленных программных установок, что, в свою очередь, говорит о его ненаучном характере. «Национализм» отражает именно политическую специфику идей такого рода, предполагает конкретные требования и достаточно целостное видение настоящего и будущего национального сообщества.

Стоит отметить, что КПРФ изначально имела некоторую направленность в сторону национальной тематики в силу специфики своего зарождения: часть националистически ориентированного актива, вышедшая из Фронта национального спасения в 1993 г., вступила в КПРФ и впоследствии сформировала основной партийный аппарат[1].

В области идеологии важным фактором стали не только программные документы и решения

© Калинин В. А., 2014

партийных органов, но и взгляды самого лидера партии Геннадия Зюганова, которые оформились по образу так называемого «русского социализма» и постепенно начали находить всё большее отражение в официальной позиции партии.

Свидетельством этого стало Постановление Пленума ЦК КПРФ 1998 г., в котором ощутимо выделялась «выдающаяся роль русского народа» в объединении остальных национальностей в СССР.

Более отчётливый поворот КПРФ к «русскому вопросу» стал наблюдаться после 2000 г. В ходе предвыборной кампании в 2003 г. националистические и явно антисемитские лозунги стали более заметными в пропагандистской работе партии. В интервью газете «Русь Православная» лидер партии, излагая свою позицию, указал на «антирусскую» и «антиславянскую» направленность власти. Русский народ и народы, исторически составляющие основу государственности России, оказались «обездоленными и униженными», а «сионизация государственной власти» стала одной из причин «катастрофического состояния страны, массового обнищания и вымирания её населения»[2].

Принятая в 2004 г. на X съезде КПРФ резолюция «Коммунисты и русский вопрос» обозначила спасение русского народа главной целью партии. А в предвыборной кампании КПРФ 2011 г. в агитационной работе уже имели место активные «заигрывания» с националистами: Компартия организовала и провела «Русский марш» в Краснодаре, в котором приняли участие члены националистических организаций. Среди выдвинутых кандидатов в краевую думу от КПРФ был и лидер Союза славянских организаций Ставропольского края В. Нестеров. Ранее Самарский городской комитет Коммунистической партии организовал с местными речниками «Русский марш» по реке Волге. На корабле были установлены плакаты «КПРФ! Мы за!», «С нами Богъ!».

В предвыборной программе КПРФ 2011 г. подчеркивалось, что для решения русского вопроса необходимо, в частности, активное противодействие попыткам духовной агрессии против национально-культурных традиций народов России, наказание по всей строгости закона за любые проявления русофобии как экстремистской формы разжигания межнациональной розни, достижение реального равенства всех народов России в области государственного управления, деловой активности и получения природной ренты[3].

В качестве ответа «Народному фронту» летом 2011 г. было объявлено о создании «Народного ополчения», которое выступает за возвращение в паспорт графы «национальность», ужесточение наказания за незаконное проникновение на территорию РФ и отмену 282-й статьи УК РФ («экстремизм»). Данные идеи давно эксплуатировались националистами.

В декабре 2012 г. при содействии партии было создано движение «Русский Лад», целью которого стало объединение граждан для участия в работе, направленной на «сохранение самобытности и идентичности России, в современном мироустройстве как общества коллективистского типа, ядра русской цивилизации и евразийской державы». Среди прочих, направлением деятельности также было обозначено содействие государственным органам «в организации и проведении целенаправленной работы по укреплению связи времён и поколений, сохранению лучших традиций Ведической и Святой Руси, Имперской и Советской России, современной Российской Федерации»[4].

Заметную медийную активность КПРФ проявляла и после трагических событий в Бирюлёво. А в рамках предвыборной кампании на пост мэра г. Москвы в 2013 г. партия организовала сбор подписей в поддержку законопроектов о введении визового режима со странами Средней Азии и за увеличение страховых взносов, уплачиваемых работодателями за мигрантов.

На сегодняшний момент внешнеполитическая проблема на Украине также не остаётся без внимания КПРФ. В агиткампании 2014 г. она постаралась максимально использовать эту тему на фоне иных партий.

Заместитель председателя ЦК КПРФ, депутат Госдумы В. Ф. Рашкин выступал с такими предложениями, как пригласить представителей организации «Репортёры без границ» на Украину[5], создать международный трибунал по Украине[6], закрыть бизнес украинского олигарха И. Коломойского в России. Также депутаты Госдумы В. Рашкин и С. Обухов предложили прекратить сотрудничество России с НАТО в ответ на решение альянса увеличить количество военных баз в Восточной Европе[7]. Кроме того, коммунисты провели Чрезвычайный съезд депутатов и кандидатов в депутаты Москвы всех уровней. Среди целей форума было и создание единого патриотического фронта помощи Донбассу и Новороссии «Красная Москва». Перечисленные акции сопровождались националистической риторикой.

В целом при анализе партийных материалов были выявлены существенные теоретические противоречия в идеологии КПРФ, дающие повод говорить о попытках осуществить маскировку проводимого партией курса в сторону усиления националистических тенденций, а также скрыть степень её реального радикализма:

1) критика и отвержение цивилизационной парадигмы и одновременное использование соответствующей терминологии. Под «научные основания» идеологии часто подводятся мифологемы, не имеющие отношения к социализму в его марксистско-ленинской трактовке. Используются мифы об особой роли русских, о том, что им присущ коллективизм и чужд национализм. Кол-

лективизм социалистической идеи рассматривается как разновидность «соборности». Исходя из этого, партия видит свою задачу в соединении социального и национального движений. Подчёркивается мессианизм России, используются идеи космизма. Советский период связывается с русскими историческими традициями, рассматривается в качестве закономерного продолжения российской государственности и провозглашается цивилизацией. Высшим выражением русской культуры рассматривается советская культура. От решения русского вопроса, по мнению руководства партии, зависит судьба всех народов и страны, так как русские составляют в ней большинство;

2) частичный переход с материалистических на клерикальные позиции. В книгах и выступлениях Зюганова и его единомышленников проводится мысль о внутренней гармонии социалистических и христианских идей. Предполагается мирное сосуществование церкви и советской власти, гарантируется свобода совести среди коммунистов. Лидер партии также отмечает, что необходимо забыть старые обиды, а коренные взгляды РПЦ и КПРФ на суть и будущее человека, всей земной цивилизации в решающей степени совпадают. Более того, Зюганов подчёркивает, что именно КПРФ стала в современной России партией, наиболее последовательно выражающей и отражающей интересы верующих граждан[8];

3) критика ликвидаторства и одновременные заявления о необходимости исключительно мирных форм протеста.

В силу архаичности и следования марксистско-ленинской терминологии дискурс КПРФ в наибольшей степени отличается от дискурса остальных парламентских партий. В целом партия предлагает использовать старые советские приёмы в новой реальности. Выводы о ситуации в стране опираются на труды В. И. Ленина и И. В. Сталина. Их догматизация позволяет уходить от конкретики в предложениях по решению национального вопроса. Социализм понимается как фундаментальный и универсальный принцип, способный ликвидировать все противоречия в обществе. Довольно часто используется понятие «обновлённый социализм», однако его суть не раскрывается.

Партийная пропаганда построена на некритичной идеализации советского прошлого. Обходится вниманием то обстоятельство, что многие проблемы современной России, в том числе и этнонациональные, были заложены в советский период: национальная политика советской власти фактически культивировала и спонсировала этнонации.

Присутствует тенденция к нагнетанию обстановки, обострению эмоционального накала. Стоит отметить, что как в партийной риторике, так и в документах образ внешнего «врага» – объединённого Запада и капиталистов – используется достаточно активно и часто, «педалируется» образ «страны – осаждённой крепости». СССР, а затем и Россия противостоят космополитическому Западу, который нацелен на уничтожение отечественной, в первую очередь русской, культуры. Активно используются ностальгические пассажи об утрате сверхдержавы, её индустриальной и военной мощи.

Контент-анализ показывает, что в Программе КПСС слово «русский» упоминалось 2 раза, в Программе КПРФ – 7. У КПСС слово «интернационализм» и его производные присутствовали 24 раза, у КПРФ – 5 (программа 1993 г.), 2 (редакция программы от 2013 г.)[9]. Данное обстоятельство говорит о серьёзных трансформациях в партийном дискурсе.

Вместе с тем необходимо отметить, что в агитационных материалах партии преимущественно делается акцент на социально-экономических сюжетах, касающихся сырьевого характера российской экономики, приватизации 1990-х гг., вступления в ВТО и др. Используются антиглобалистские призывы. Широко применяются обобщения и мифы, характерные именно для социалистических движений: «мировая олигархия», «империализм», «буржуазия», «пролетариат» и т. д.

Решение «русского вопроса», как и спасение всей человеческой цивилизации в целом, лидер КПРФ видит прежде всего в восстановлении социалистической собственности и советской власти. Призывы к сепаратизму Зюганов предложил наказывать лишением свободы.

Несомненно, большее пространство для использования национальной тематики в агитации и пропаганде партия имеет в публичных акциях её членов, в деятельности подконтрольных движений.

Однако проведённый анализ партийной литературы и выступлений лидеров позволяет заключить, что ядро программных заявлений партии – социал-популистское, доминирующий дискурс КПРФ – социалистический/коммунистический, использующий соответствующий пафос и символику. Присутствующий националистический дискурс является дополняющим, в нём русский этнический национализм сочетается с евразийством, имперским национализмом.

С точки же зрения избирателя идентификатором КПРФ, безусловно, является советский социалистический бренд. Партия не прибегала в полной мере к националистической пропаганде в качестве средства идентификации[10], формально отвергая уклон в сторону какого-либо национализма. На этом основании она не может рассматриваться как полноценно националистическая. Соответственно, КПРФ не является активным поставщиком националистического контента, равно как и силой, формирующей национальную повестку дня.

Говоря о месте и роли данной партии в современной России, необходимо также признать, что на сегодняшний момент действующая власть интегрировала в себя и монополизировала подавляющее большинство идей. Одним из недавних и наиболее красноречивых примеров является поддержка депутатами Государственной думы РФ от «Единой России» предложения депутатов КПРФ о переименовании Волгограда в Сталинград.

В силу непосредственной связи первых лиц государства с украинскими событиями и их абсолютным доминированием в СМИ главный «бонус» от украинской темы также получает сама власть, а не оппозиция.

Вынашиваемая КПРФ идея о воссоздании СССР и реинтеграции постсоветского пространства также перекрывается созданием Таможенного союза, в результате чего партии приходится поддерживать все инициативы власти и на данном направлении.

Член президиума ЦК Компартии С. П. Обухов заявил, что на фоне роста патриотических настроений периферия электората КПРФ перешла к правящей партии, хотя его ядро осталось[11]. Партия также признавала, что имеет низкую способность к абсорбции «чужих» электоратов[12].

К 2011 г. КПРФ привыкла получать бонус от искусственно ограниченной партийной конкуренции. Однако годом позднее, после изменения партийного законодательства, появились новые партии, и вынужденно голосовавший ранее за КПРФ «умеренный» избиратель стал от неё уходить, а «консервативного» начали отнимать спойлеры и сама федеральная власть.

Видимо, поэтому КПРФ взяла курс на радикализацию риторики. Любая актуальная тема используется КПРФ в качестве повода для присутствия в медийном пространстве. Партия постепенно переходит к информационной всеядности и эпатажу в борьбе за голоса избирателей. К примеру, на выборах в Московскую городскую думу 2014 г. лидеры партии водили по избирательным участкам ряженых Ленина и Сталина, чтобы проконтролировать ход голосования. Кроме этого, КПРФ устроила театрализованную акцию с куклой Барака Обамы.

Руководство КПРФ располагает весьма ограниченным пространством для присвоения националистического дискурса. Привлечение большего числа этнонационалистических элементов в дискурс партии потребовало бы проведения значительного ребрендинга, в чём Центральный Комитет, на наш взгляд, не заинтересован, так как подобные мероприятия могли бы оттолкнуть базовый электорат. Потому кардинальных сдвигов в электоральной поддержке партии такой уклон вряд ли бы обеспечил. Помимо этого, трансформации в позиции партии по «национальному» и «религиозному» вопросам сопровождались многочисленными внутрипартийными конфликтами, и, соответственно, дальнейший «дрейф» в эту сторону усилил бы нестабильность внутри самой партии.

Более того, представляется, что и существующие попытки трансформировать партийный дискурс приводят к размытию идеологической идентификации, что в перспективе может оказаться причиной снижения электоральной поддержки.

Ключевой и наиболее эффективной идеологемой, разыгрываемой на протяжении ряда избирательных кампаний, остаётся идея о том, что КПРФ – единственная реально оппозиционная сила в стране, представляющая и улавливающая интересы и требования народных масс, что многократно подчёркивалось во всех партийных материалах и риторике.

Однако в условиях сомнительного успеха на внешнеполитическом и национальном поле трансформация партийного дискурса выглядит не как борьба за новые голоса избирателей, а как переориентация базового электората и партийной массы на тренды, господствующие в политическом поле России. Дискурс и деятельность партии скорее направлены на определённый сегмент общества и способствуют созданию общего информационного поля, в котором происходит радикализация настроений граждан, их канализация в определённое русло.

Таким образом, КПРФ преимущественно находится в рамках существующих «правил игры», объективно выступает на стороне сохранения существующего порядка, формально не поддерживая нынешнюю власть. Исходя из этого, можно говорить о том, что КПРФ в значительной степени является проводником государственной политики, направленной на определённый сегмент общества.

Реальные последствия использования националистического дискурса «системными» политическими силами, и в частности КПРФ, можно усмотреть в дроблении националистического электората. В силу этого потенциал русского национализма не актуализировался полностью, а организованные и сплочённые политические движения, проповедующие радикальный национализм и обладающие большой численностью, отсутствуют в настоящее время.

Примечания

1. См.: *Вайнманн У., Тупикин В.* Левые и национализм в России. URL: http://www.apn-nn.ru/diskurs_s/273.html (дата обращения: 14.09.2014).
2. Интервью Г. А. Зюганова газете «Русь Православная». URL: http://russoc.info/Doctrina/Zuganov2.htm (дата обращения: 14.09.2014).
3. См.: Предвыборная программа КПРФ. Политика большинства призвана побеждать. Вернуть украденную у нас Родину! URL: http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html (дата обращения: 12.09.2014).

[4] Устав Общероссийского общественного движения по возрождению традиций народов России «Всероссийское созидательное движение «Русский Лад». Псков: ООО «Псковское возрождение», 2014. С. 5–7.

[5] См.: Валерий Рашкин позвал «Репортёров без границ» на Украину. URL: http://www.vzsar.ru/news/2014/07/01/valerii-rashkin-pozval-reporterov-bez-granic-na-ykrainy.html (дата обращения: 01.07.2014).

[6] См.: Валерий Рашкин требует создать международный трибунал по Украине. URL: http://www.vzsar.ru/news/2014/09/12/valerii-rashkin-trebyet-sozdat-mejdynarodnyi-tribynal-po-ykraine.html (дата обращения: 12.09.2014).

[7] См.: Коммунисты предлагают прекратить сотрудничество России с НАТО. URL: http://ria.ru/defense_safety/20140904/1022662875.html (дата обращения: 05.09.2014).

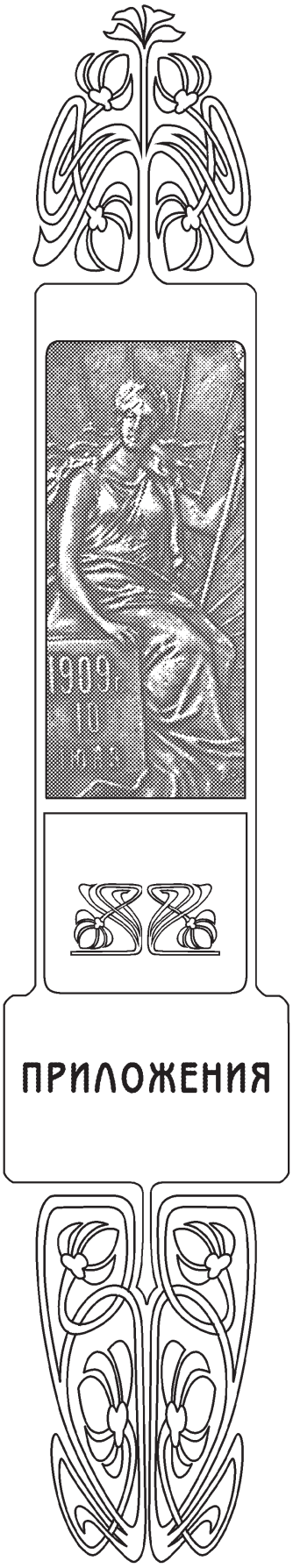
[8] См.: *Зюганов Г. А.* Смотреть вперёд. X Съезд КПРФ и «трудные вопросы» российского коммунистического движения. М. : ИТРК, 2004. С. 107.

[9] См.: *Николенко К.* КПРФ и «русский вопрос». URL: http://comstol.info/2013/05/politika/6632 (дата обращения: 15.09.2014).

[10] См.: *Михайловская Е.* Фракция «Родина» в контексте националистического дискурса в Государственной Думе. URL: http://www.orodine.ru/Doklad/diskurs.html (дата обращения: 14.09.2014).

[11] См.: *Перцев А., Хамраев В.* Думские партии теряют места. Поддержка коммунистов, справороссов и ЛДПР в регионах падает. URL: http://www.kommersant.ru/doc/2567886 (дата обращения: 14.09.2014).

[12] См.: Об итогах участия КПРФ в выборах в Государственную Думу ФС РФ и законодательные представительные органы власти 27 субъектов РФ // Вестн. организационно-партийной и кадровой работы. ЦК КПРФ. 2011. Вып. 21 (171). С. 20–21.



ХРОНИКА

ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ САРАТОВСКОГО ОБЩЕСТВОВЕДА В. Б. ОСТРОВСКОГО

Жизненные вехи Владимира Борисовича Островского

В этом году исполняется 90 лет со дня рождения известного советского ученого-обществоведа Владимира Борисовича Островского (03.11.1924 –27.11.1990).

Многие годы его преподавательской, научной и общественной жизни были связаны с Саратовским государственным университетом им. Н. Г. Чернышевского и кафедрой истории КПСС, которой он руководил долгие годы в качестве заведующего, в том числе и будучи уже директором созданного его усилиями Института социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса РАН.

Жизненный путь В. Б. Островского представляет собой яркий образец целеустремленности, трудолюбия и самоотверженности в реализации своего природного таланта.

Его родители – рядовые сельские учителя на Тамбовщине – привили сыну любовь к знаниям и увлечение учебой. Начавшаяся Великая Отечественная война помешала ему получить образование – школьную парту он вынужден был сменить на штурвал трактора. После призыва в армию и зачисления в учебно-стрелковый полк в 1944 г. В. Б. Островский был направлен для учебы в Ульяновское танковое училище, где сразу проявились его организаторские способности и умение работать с людьми. Он становится вначале комсоргом батальона, а затем секретарем политотдела училища. Несмотря на такую быструю военную карьеру, его тяга к учебе и к гуманитарным знаниям не ослабевала. Используя любую свободную от службы минуту, В. Б. Островский сумел окончить среднюю школу и поступить на заочное отделение исторического факультета Ульяновского педагогического института. После демобилизации из армии в1947 г. его дальнейшая судьба оказалась связана с Саратовским государственным университетом и с обществоведческой наукой. Его происхождение и партийная биография предопределили интерес к истории КПСС и аграрной проблематике.

Кандидатская диссертация В. Б. Островского была посвящена роли комсомола в проведении коллективизации. Уже в этом исследовании он не следовал слепо идеологическим канонам в анализе этого масштабного, противоречивого и драматического процесса преобразования страны, но в пределах возможного обращал внимание на те трудности и проблемы, которые имели место в российской деревне в этот период.

Вскоре после успешной защиты диссертации В. Б. Островский становится одним из самых молодых в стране заведующих общеуниверситетской кафедрой истории КПСС. Эта должность в советский период свидетельствовала о наличии у руководителя совокупности самых высоких организационных, деловых и моральных качеств. Свидетельством тому была не только успешная деятельность в данной должности в Саратовском университете на протяжении почти трех десятилетий, но и его признание в качестве ведущего обществоведа Нижнего и Среднего Поволжья. В течение всего данного периода В. Б. Островский постоянно и активно участвовал в республиканских и всесоюзных совещаниях заведующих кафедрами общественных наук высших учебных заведений.

Его научные публикации и доклады на научно-практических конференциях снискали ему заслуженную славу ведущего обществоведа и специалиста по аграрной проблематике в Саратове и Поволжье. В 1966 г. В. Б. Островский одним из первых в стране стал использовать социологические методы для изучения проблем советской деревни. Проведенное под его руководством обследование ряда районов Саратовской области привело к появлению историко-социологической книги «По старым саратовским трактам», вызвавшей интерес историков и широкой общественности страны приведенными фактическими материалами не только о достижениях, но и о разнообразных социально-экономических проблемах и трудностях колхозной деревни. Данная книга нашла отражение в ряде дискуссионных публикаций по сельской проблематике в центральных газетах страны. В 1967 г. в издательстве Саратовского госуниверситета вышла книга «Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее социально-экономические результаты», в которой он окончательно заявил о себе как о крупнейшем специалисте социально-политических и социально-экономических проблем развития деревни. В 1977 г. в московском издательстве вышла еще одна знаковая монография В. Б. Островского – «Новый этап в развитии колхозного строя», которая также быстро стала классикой для всех аграрников страны.

Использование комплексного подхода впоследствии получило развернутое и аргументированное обоснование В. Б. Островского в проекте о целесообразности открытия в Саратове академического Института социально-экономических проблем аграрно-промышленного комплекса (ИСЭП АПК), в котором могли бы соединиться теоретические и прикладные направления исследования проблем села. Данный проект получил поддержку на уровне ЦК КПСС и президиума Академии наук СССР и в 1980 г. такой институт в Саратове был открыт. Его деятельность до самой своей смерти возглавлял В. Б. Островский, продолжая оставаться ведущим авторитетом кафедры истории КПСС и соответствующего диссертационного совета Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Успехи и заслуги В. Б. Островского на педагогическом и научном поприще были отмечены орденами Дружбы народов и «Знак почета» и медалью «За доблестный труд».

Он оставил большое количество учеников и последователей, заложив тем самым саратовскую научную школу комплексного изучения российской деревни. В современных условиях она находит свое продолжение и развитие не только в деятельности сотрудников созданного им ИСЭП АПК (сегодня это Институт аграрных проблем РАН), но и в исторических, социологических, политологических направлениях исследований проблем российской деревни многих саратовских ученых и его учеников, работающих в других регионах России.

А. А. Вилков,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой политических наук
Саратовского государственного университета

У истоков академической науки Саратова

Время летит с космической скоростью. В круговороте событий трудно остановиться, чтобы вспомнить былое, воскресить в своей памяти наиболее яркие события и лица людей, с кем по воле судьбы выпало счастье встретиться в прошлом. Вот и сейчас, в годовщину девяностолетия прекрасного человека, крупного ученого и организатора, профессора Владимира Борисовича Островского, перед глазами встает его образ.

Судьба свела меня с ним в конце шестидесятых годов минувшего века в связи с моим переходом из мединститута на работу в университет с целью организации в СГУ лаборатории биохимии и биофизики. Случилось так, что, не знаю уж за какие заслуги, коллектив биологического факультета спустя два года работы предложил мою кандидатуру на должность декана. По тогдашним требованиям кандидат в будущие деканы проходил собеседование в парткоме. Там я и встретился впервые с Владимиром Борисовичем – секретарем парткома и заведующим кафедрой истории КПСС Саратовского госуниверситета.

Бывает так, что с первого взгляда человек привлекает к себе манерой общения, внешним видом, умением общаться с собеседником и даже голосом. Так сложились и у меня отношения с новым человеком, а на мои слова о моем молодом возрасте и об отсутствии организационного опыта такой работы он сказал просто: «Опыта наберешься, я тоже был самым молодым деканом в свое время».

С тех пор встречи и личные симпатии сохранились у нас на всю жизнь, а умение вести дискуссию и его убежденность в отстаивании своей точки зрения во многом послужили мне уроком. Более тесно судьба свела нас в период, когда по решению Академии наук СССР и с поддержки Саратовского обкома КПСС и молодого энергичного первого секретаря обкома Владимира Кузьмича Гусева в Саратов прибыла комиссия Академии наук для оценки возможности организации в нашем поволжском городе научных баз академии. Тогда обсуждались перспектива и пути реализации принятого еще в 50-е гг. решения Академии наук расширить географию своих научных

баз на регионы Среднего и Нижнего Поволжья, уступивших в свое время Уралу, Сибири и Дальнему Востоку. После тщательной ревизии возможностей организовать институты АН СССР в Саратове вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28 августа 1979 г. о создании в Саратове Института биохимии и физиологии растений и микроорганизмов АН СССР, а Постановлением от 6 ноября 1979 г. – Института социально-экономических проблем развития агропромышленного комплекса АН СССР.

Функции директора первого научно-исследовательского института были возложены на меня, а второго – на Владимира Борисовича. С этих пор наши пути стали неразрывными в связи с необходимостью выполнять огромный по масштабу и разнообразию самых непредсказуемых дел организационный план. Тут без согласованных действий обойтись было просто нельзя. Создание юридической основы существования институтов, выбор помещения, набор кадров, «выбивание» средств на ремонт, приобретение элементарных средств превратилось в нечто невообразимое. Владимир Борисович был старше и опытнее меня, к тому же по своему опыту он хорошо знал людей из административной и партийной номенклатуры и тактику поведения с нею, будучи университетским профессором. Его авторитет и опыт во многом помогал нам в решении общих задач, за что я очень благодарен ему и его верному помощнику и заместителю Федору Ивановичу Гущину, бывшему первому заместителю председателя областного Совета народных депутатов.

Ко всему прочему, нам, как заведующим кафедрами, никто не отменял педагогической работы, потому что мы рассматривали подготовку кадров из числа студентов университета и других вузов Саратова как обязательной элемент, да и в традиции академии всегда была тесная связь с высшей школой. Надо сказать, что большую помощь в организационной работе мы постоянно получали от отдела науки и образования Саратовского обкома КПСС – от заведующего отделом Юрия Павловича Суслова и его заместителя Александра Федоровича Резчикова.

Как бы то ни было, но крутиться в круговороте событий приходилось нам с Владимиром Борисовичем постоянно. Обычными были чуть ли не еженедельные визиты в Москву. Иногда эти визиты происходили следующим образом: рано утром вылет в столицу самолетом, а вечером – обратно в Саратов.

От городских властей Владимиру Борисовичу с боем досталось здание бывшей редакции областной газеты «Коммунист» (большое, запущенное, с печатными машинами и типографской краской, пропитавшей все вокруг). А мне – разбитое, размороженное здание школы без окон и дверей, но с большим садом, под перспективу строительства нового лабораторного корпуса. Поскольку мне хронически не везло с заместителями по общим вопросам, которых приходилось регулярно менять, я постоянно обращался за советом и помощью и к Владимиру Борисовичу, и к Федору Ивановичу, неизменно чувствуя дружескую поддержку моих старших коллег.

С образованием филиала Института радиотехники и электроники АН СССР во главе с чудесным, скромным, талантливым Геннадием Тимофеевичем Казаковым возникла необходимость создания координационного совета или Совета директоров институтов АН СССР в Саратове. Владимир Борисович на эту должность порекомендовал меня, оказывая постоянную помощь в решении общих для всех нас проблем. Все мы работали очень дружно и творчески с целью создания на академической базе школы саратовских ученых из числа студентов и аспирантов Саратовского университета и других вузов.

Огорчала нас только меньшая возможность больше встречаться в непринужденной обстановке – в беседе о культурных, социальных и других событиях.

Сейчас, когда изредка приходится к вечеру выйти на набережную Волги, поневоле вспоминаешь все наши прогулки и встречи с Владимиром Борисовичем, Лидией Дмитриевной и их сыном Коленькой (ныне известным хирургом, ученым, профессором Николаем Владимировичем Островским). Кажется, что это было так недавно, а с другой стороны, думаешь, а было ли все это и как это можно было выдержать.

Институты (теперь уже Российской академии наук) стоят, в них работают и растят новую смену наши дети и внуки.

Хочется верить, что все, что мы сделали с Владимиром Борисовичем и нашими коллегами, послужит науке и обществу нашей страны и родному городу.

В. В. Игнатов,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор биологических наук, профессор,
с 1980 по 2007 год возглавлял Институт
биохимии и физиологии растений
и микроорганизмов АН СССР
(впоследствии Российской академии наук)

Масштаб личности

Говорят, человек жив, пока жива память о нем. В этом смысле личностям ярким, неординарным, которым к тому же довелось общаться с широким кругом людей (будучи, к примеру, университетским профессором), уготована долгая жизнь в памяти более молодых друзей и коллег, в памяти многочисленных учеников. Это в полной мере относиться к Владимиру Борисовичу Островскому. Понятно, что у каждого его знавшего свое восприятие этого человека, своя память о нем, «свой Островский».

Судьба свела меня с В. Б. Островским в начале моей студенческой поры, в сентябре 1970 г. Не помню, какой была первая лекция. Но зримо представляю первую лекцию В. Б. Островского в 10-й аудитории прежнего 4-го корпуса. Тогда я его впервые и увидел. Молодым он мне не показался (вот что значит взгляд семнадцатилетнего парня), а ведь ему было всего 45 лет. Профессоров такого возраста, как теперь осознаешь, в то время во всей стране было очень мало, а в Саратове – вообще единицы. И он оказался нашим преподавателем. Островский покорил аудиторию, что называется, с первой попытки, и это впечатление о его непревзойденном владении устным словом останется у меня на всю жизнь. А ведь нашему курсу читали лекции такие крупные ученые и яркие личности, как В. Г. Борухович, Л. А. Дербов, И. В. Синицын, В. В. Пугачев, Н. А. Троицкий. Но влияние на студентов Владимира Борисовича Островского было особенно велико. Он воспринимался многими как блестящий лектор, ему удавалось невероятное – заставить аудиторию с неподдельным интересом воспринимать идеологически выверенные, порой скучноватые перипетии партийной истории.

Излишне говорить, что лекции Островского старался не пропускать (прогулял одну, и до сих пор помню ее тему – ленинская книга «Что делать?»). Семестр пролетел быстро. Началась сессионная пора. Я со своим приобретенным в школе синдромом отличника штудировал сдаваемые предметы со всей тщательностью. Особенно готовился к первому экзамену, им была история КПСС. Экзамен должен был принимать Владимир Борисович. Поскольку лектор, как правило, семинарские занятия не вел, это была наша первая возможность познакомиться лично. Экзамен удивил меня своей непривычной формой. Собственно, это был даже не экзамен в традиционном его понимании, в виде ответов на вопросы в билете. Это была скорее дискуссия двух историков – маститого и начинающего. Доброжелательность экзаменатора позволила довольно быстро преодолеть понятную робость и скованность, что, в свою очередь, дало возможность студенту полнее продемонстрировать свои возможности. Все прошло прекрасно. Экзамен я не просто выдержал. По итогам сессии профессор Островский дал интервью университетской газете, в котором особо отметил ответы на экзамене студентов Ю. Голуба и П. Редкозубова. Конечно, я был горд не только тем, что успешно сдал сессию, но и тем, что был отмечен самим Островским, о научном авторитете и политическом весе которого я получил уже определенные представления. А главное, Владимир Борисович меня запомнил и, поскольку я выбрал специализацию по истории КПСС, следил за моим становлением в качестве историка. Мне это стало понятным потом, когда в конце пятого курса он пригласил меня в аспирантуру по своей кафедре. В наше время это было пределом мечтаний выпускника. С одной стороны, предложение было ожидаемо, поскольку я был лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих научных работ, «круглым» отличником и первым по распределению, но с другой – был беспартийным, а практики приема в аспирантуру по истории КПСС беспартийных к тому моменту, в общем-то, не было. Все кандидатуры подлежали согласованию в обкоме КПСС. Как решил эту проблему Владимир Борисович, не знаю, но она была решена.

Пишу об этом так подробно не для того, чтобы, пользуясь моментом, рассказать о себе. Случай со мной – скорее маленькая картинка для иллюстрации больших вопросов, как любил говаривать сам Островский, повторяя ленинскую фразу. Своим предложением и последующей поддержкой Владимир Борисович определил мою дальнейшую судьбу и профессиональную карьеру. Вроде бы все просто: заметил способного студента и открыл ему путь в науку, но далеко не у всех профессоров это получалось и получается. Вот пример настоящего Учителя. Тем более эпизод со мной был отнюдь не единичным за десятилетия работы В. Б. Островского в университете. Можно вспомнить и В. В. Всемирова, и В. А. Динеса, и других.

С 1 октября 1975 г. я стал аспирантом кафедры истории КПСС и, присутствуя на ее заседаниях, мог познакомиться со стилем руководства Островским кафедрой, едва ли не самой многочисленной в университете. Я застал уже период, когда Владимир Борисович являл собой не только признанного научного авторитета, известного в профессиональной среде во всем Советском Союзе (за его плечами были выступления на Всесоюзных совещаниях и конференциях самого крупного уровня), но и опытного организатора. Он уже почти два десятилетия руководил кафедрой, несколько лет был секретарем парткома университета, в тогдашней табели о рангах – вторым человеком в вузе. Причем, учитывая масштаб его личности и, как сейчас принято говорить, харизму, партийным лидером он был уважаемым и успешным. Настолько успешным, что ходила молва о том, что его кандида-

тура рассматривалась на должность ректора. Но в последний момент по каким-то причинам «не срослось». Сам уже не один срок отработав заведующим кафедрой, понимаю, какая это была школа для всех нас. И для преподавателей, и для аспирантов. Вообще, из двадцати лет, проведенных мною на кафедре (аспирантом, ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором), половина пришлась на «время Островского», но и потом кафедра долго двигалась по направляющим, заложенным им.

Владимир Борисович был невероятно востребован и чрезвычайно загружен делами не только в университете. Председатель специализированного совета по защитам диссертаций, член экспертного совета ВАК, многочисленных других советов, комитетов и редколлегий. Все это было важно, но Островский давным-давно перерос масштаб кафедры и, думаю, испытывал от этого душевный дискомфорт. Судя по всему, размолвка с областной властью, стоившая ему ректорства, сказывалась на его дальнейшей карьере. Тем не менее, Островский не впал в апатию, не опустил рук. Отклонил предложения перебраться в Москву. Он с головой ушел в науку, наладил тесные связи с Академией наук. И это дало свой результат. В какой-то момент, кажется в 1979 г., мы на кафедре узнали, что в университет, а точнее, к Островскому, едет представительная группа академиков во главе с тогдашним вице-президентом АН СССР, курирующим общественные науки, П. Н. Федосеевым. Беседы шли и в кабинете Владимира Борисовича, и в кафедральной аудитории на четвертом этаже 9-го корпуса. После отъезда высоких гостей по настроению своего заведующего мы поняли, что визит прошел успешно. Для нас его последствия оказались неоднозначными. Довольно скоро стало известно, что Островский покидает кафедру. Правда, потом выяснилось, что будет какое-то время руководить ею по совместительству, постепенно передавая дела своему ученику и единомышленнику В. В. Всемирову. Но зато В. Б. Островский стал директором Института социально-экономических проблем развития агропромышленного комплекса АН СССР, созданного по его инициативе.

Начался новый виток его научной и административной карьеры, но с родной кафедрой Владимир Борисович продолжал поддерживать тесные связи, помогал, советовал, вообще старался не упускать из вида всех, из кого он ее сформировал. Был по-прежнему доброжелателен, приветлив, словоохотлив. Сейчас мне кажется, что, общаясь с нами, он испытывал приливы своеобразной ностальгии по кафедральной, шире – университетской жизни. В связи с этим в памяти всплывает наш с Владимиром Борисовичем ночной разговор в поезде весной 1982 г. Возвращаясь из Москвы, мы оказались в соседних купе. Вместе пили чай, а большую часть времени провели за разговорами в тамбуре, где Владимир Борисович мог курить. Беседовали о многом: о кафедре, моей будущей докторской, об его институте. Островский с понятной гордостью поделился со мной новостью о том, что ему удалось в академии решить вопрос со строительством жилого дома для своих сотрудников, рассказал и о месте предполагаемой стройки: дом должен был располагаться по улице Вавилова, аркой нависая над Пугачевской. Особенно сохранилась в памяти та часть разговора, которая касалась внутренних процессов в стране. Напомню, на дворе была весна 82-го, незадолго до этого ушел из жизни главный партийный идеолог М. А. Суслов, другие руководители на верхних этажах власти были не намного моложе. Общество напряглось в преддверии возможных перемен. Владимир Борисович был со мной весьма откровенен. Обладая немалыми объективными данными о ситуации в стране, он критически отзывался о неповоротливости партийно-государственной машины, не скрывал своей обеспокоенности судьбами страны, считал более чем назревшим обновление подходов в идеологической и экономической сферах, в которых разбирался как мало кто еще. Излишне говорить, насколько эмоциональным был наш разговор. Тем более что наши взгляды и оценки полностью совпали. Мы ведь не спорили, мы по-человечески переживали за страну, думали, что делать. В русле традиций русской интеллигенции – разумная критичность действительности и мечты о некоем идеальном устройстве жизни.

Собственно, это и стало с началом перестройки основным мотивом неформального общения наиболее близких по взглядам членов кафедры. Сложился даже своеобразный «дачный клуб». Кажется, в году 87-м кто-то предложил отметить окончание учебного года на природе. В. И. Ткачев предложил собраться у него на даче в Шумейке. Все дружно согласились. И вот В. В. Всемиров, А. И. Аврус, В. М. Долгов, я и кто-то еще отправились на речном трамвайчике в гости к Вениамину Ивановичу. Поездка удалась. Наговорились всласть, и о многом. Время было, что называется, духоподъемное, и, понятно, что у нас, профессионально занимавшихся изучением истории и политики партии, все разговоры в конечном счете свелись к обсуждению набиравших силу процессов обновления страны. Условились на следующий год собраться у Всемирова. Так и сделали.

Впоследствии встречались и у меня, и у Долгова. Когда об этом узнал Владимир Борисович, он не только примкнул к «клубу», но и сразу предложил собраться у него на даче. Излишне говорить о том, что согласие было единодушным. Дача Островского располагалась в университетском дачном массиве, в тихом и очень красивом месте. Меня сразу удивил своей необычностью дачный домик, о чем я и сказал хозяину. Влади-

мир Борисович не без удовольствия заметил, что проект он сделал сам по мотивам увиденного когда-то в Болгарии. Так, неожиданно, раскрылась еще одна грань таланта этого человека. Это было в конце июня 1990 г., а в ноябре Островского не стало. Известие о его кончине ошеломило всех. Неожиданность, нелепость, несправедливость случившегося не могли не поразить нас, его коллег и учеников.

Эти заметки – лишь фрагменты воспоминаний, сразу всплывшие на волнах памяти. Еще можно многое рассказать. И о празднованиях 50- и 60-летия Островского, ставших явлениями общественной жизни, Островском – знатоке и ценители литературы, о его поездках за рулем автомобиля по памятным местам страны и многом другом. И, конечно, об Островском как об одном из основоположников отечественной экономической социологии. И, надеюсь, что так и будет.

…Года два назад я участвовал в одном из мероприятий в Москве вместе с профессором Н. В. Островским – известным ученым-медиком, сыном Владимира Борисовича, с которым мы дружим не одно десятилетие. В момент его выступления я прикрыл глаза. И вдруг мне показалось, что я слушаю Владимира Борисовича. Настолько не только голос, но и манера говорить, аргументировать, убеждать оказались унаследованы сыном. Уже потом я не удержался и сказал об этом Николаю. И мы еще долго говорили об его отце. Так что память об Островском жива, и в этом смысле он наш современник.

Ю. Г. Голуб,
доктор исторических наук, профессор,
директор Института дополнительного профессионального образования
Саратовского государственного университета

Воспоминания о Мастере

Я не буду рассказывать о том, каким руководителем был Владимир Борисович Островский, когда он возглавлял кафедру, а затем академический институт. Я напишу свои студенческие даже не воспоминания, а впечатления.

Владимир Борисович Островский был из числа тех профессоров Саратовского университета, которых называли корифеями (без кавычек). Этот неформальный титул давали сами студенты, которые видели в преподавателе не только ученого и педагога, но в первую очередь личность. Несмотря на то что Владимир Борисович возглавлял общеуниверситетскую кафедру истории КПСС, для истфака он был человеком культовым, знаковым. Таким как, например, профессора той эпохи (1970–1980 гг.) Л. А. Дербов, В. Г. Борухович, С. М. Стам, Н. А. Троицкий, И. В. Порох.

Мне посчастливилось быть его студентом. Наш курс (истфаковский набор 1979 г.) был последним, на котором Островский читал лекции в первом семестре первого курса 1979–1980 учебного года. Принято называть уже давно умершую вместе с КПСС дисциплину «История КПСС» одиозной, официозной, ненаучной и, в конце концов, скучной. Дело вкуса, спорить не буду. Но в руках такого Мастера, как Островский, этот официальный и суховатый курс играл всеми цветами радуги. У меня, вчерашнего выпускника сельской школы, только что ставшего студентом истфака, его лекции оставили огромное впечатление. Во-первых, Владимир Борисович очень много знал. Казалось, знания его были неисчерпаемы. Во-вторых, он был харизматичен, интеллектуально обаятелен и, естественно, без проблем очаровывал аудиторию. Его лекции по истории КПСС напоминали интеллектуальный театр. Дух захватывало от полемического дара, иронии, заразительной улыбки, победного блеска очков Мастера. Например, когда он рассказывал о драматических эпизодах внутрипартийной борьбы, то его голос вздрагивал и замирал, падал в бездну горечи и вновь взлетал под потолок. Я считаю его стиль чтения лекций образцовым. Знания, убедительность и интеллектуальная страсть – самые впечатляющие характеристики не только его лекций и публичных выступлений, но всей его личности как профессионала. Думаю, не только у меня, но и у многих студентов, которым он читал лекции, появлялась мечта «быть как Островский» – умным, неотразимым и всемогущим.

Возможно, это совпадение, но спустя два года после окончания университета я стал аспирантом кафедры истории КПСС, а еще спустя три года защитил кандидатскую диссертацию по этой специальности.

А. К. Магомедов,
доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы
Ульяновского государственного университета,
почетный профессор университета Тоньгжи,
Шанхай (Китай)

Пример беззаветного служения своей Родине, академической науке и университетскому образованию

Наша совместная работа с профессором В. Б. Островским по организации первых академических институтов в Саратове, их становлению и развитию проходила в 80-е годы прошлого века, в последнее десятилетие его яркой жизни. Практически еженедельно мы контактировали на заседаниях Совета директоров институтов АН СССР в Саратове, Поволжского регионального координационного и научно-методического совета АН СССР и Минвуза РСФСР, на научных семинарах и конференциях, рабочих совещаниях.

Вспоминается, как мы с ним «рисовали» организационную структуру, определяли контуры будущего Института социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса АН СССР. Совместными усилиями мы формировали кадровый корпус института из числа молодых, перспективных экономистов, философов, социологов, ученых-аграрников, работавших в Саратовском госуниверситете им. Н. Г. Чернышевского, политехническом, экономическом, юридическом и сельскохозяйственном институтах.

Владимир Борисович очень много сделал для координации академической науки в Саратове, был постоянным активным членом Совета директоров институтов АН СССР в Саратове, а затем членом президиума Саратовского научного центра РАН. По его инициативе были разработаны комплексные целевые программы «Стабилизация сельских трудовых коллективов», «Мелиорация», «Производство продуктов питания», «Твердая пшеница», получившие одобрение президиума Саратовского научного центра РАН и руководящих органов Саратовской области. Свыше 20 лет Владимир Борисович возглавлял всю координационную работу научных исследований обществоведов Среднего и Нижнего Поволжья.

Несомненно, это был очень интересный собеседник, с ним можно было говорить на самые разные темы. Владимир Борисович был прекрасным оратором, можно сказать, проповедником академической аграрной науки, истории российского крестьянства.

Владимир Борисович Островский, несмотря на колоссальную занятость в академическом институте и классическом университете, большую общественную деятельность, сумел воспитать замечательного сына – профессора, доктора медицинских наук Николая Владимировича Островского. Сын унаследовал все прекрасные качества отца: интеллигентность, преданность науке, огромное трудолюбие.

Помнят Владимира Борисовича и все сотрудники Института аграрных проблем РАН. Каждый год в институте проходят научные чтения, посвященные памяти профессора, заслуженного деятеля науки В. Б. Островского (Островские чтения).

Жизнь Владимира Борисовича Островского – это яркий пример беззаветного служения своей Родине, академической науке и университетскому образованию.

А. Ф. Резчиков,
уполномоченный президиума РАН
по Саратовскому научному центру,
член-корреспондент РАН

Институт Островского

Лично с Владимиром Борисовичем я познакомился в середине апреля 1980 г. Тогда я работал и.о. заведующего кафедрой экономики и управления промышленностью и строительством Саратовской высшей межобластной партийной школы. В это время были решены все формальности по командировке меня в докторантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, которая намечалась на начало сентября 1980 г. Был уже определен мой научный руководитель – известный советский экономист Р. А. Белоусов.

И вдруг звонок. Слегка хриповатый голос: это профессор Островский: «Мне необходимо с Вами встретиться и переговорить по очень важному вопросу. Если можно, то сегодня, в СГУ на кафедре истории КПСС».

Конечно, я догадывался о теме предстоящего разговора. Еще в 1978 г. на День науки, в театре им. Н. Г. Чернышевского секретарь обкома КПСС В. А. Родионов впервые озвучил решение о предстоящем создании в Саратове академического центра, объединяющего ряд институтов, в том числе и института гуманитарного профиля по отделению АН СССР по экономике.

Незадолго до этого звонка со мной по поводу перехода во вновь создаваемый институт разговаривали ректор Саратовской высшей партийной школы профессор И. П. Демидов, который категорически был против моего перехода из школы («Ты там будешь портфель Островскому носить»), а также секретарь обкома КПСС В. А. Родионов, курирующий учебные заведения и науку, и Ю. П. Суслов – заведующий отделом науки и вузов обкома партии.

Владимира Борисовича я знал только по его выступлениям на важнейших собраниях активов области да по рассказам тех, кто его знал лично. Многие говорили о нем как о знающем, толковом, энергичном и активном ученом и общественном деятеле. Говорили также о том, что он

готовил руководителям области тексты их важнейших речей и выступлений…

Встретил меня Владимир Борисович очень приветливо. Попросил своего заведующего кабинетом кафедры приготовить чай. Так, за чашкой чая, мы провели в дружной беседе часа два. Он спрашивал буквально обо всем в моей жизни, я отвечал. Вынув из своей папки довольно большую картотеку на ученых города, предполагаемых к приглашению в создаваемый институт, он поинтересовался моим мнением об этих кандидатурах. Рассказав о своем видении будущего института, он попросил изложить мою концепцию. Учитывая, что я являюсь специалистом в области управления, он пожелал сделать акцент в своих предложениях именно на аспектах межотраслевого управления АПК и особенно на управлении научно-техническим прогрессом и качеством в АПК. Говорил, что с интересом смотрит все телевизионные передачи «Экономического телеклуба», где я долгое время являюсь ведущим. Я, в свою очередь, пригласил его на очередную передачу, на что он любезно согласился. Так начиналась наша десятилетняя трудная и счастливая совместная работа.

Мне посчастливилось очень часто бывать с В. Б Островским в командировках в г. Москву, особенно в период становления нового института. Приходилось вникать и решать многочисленные вопросы в отделах науки и сельского хозяйства ЦК КПСС, Президиуме АН СССР, отделениях экономики и философии и права, которым институт подчинялся, Госпланах СССР и РСФСР, ГКНТ СССР, ВЦСПС, Госстрое СССР и РСФСР, СОПСе (Совете по изучению производительных сил), институтах экономики, философии и права, социологии АН СССР и др.

Рассматривались и согласовывались многочисленные вопросы жизнедеятельности института: финансирования, кадрового обеспечения, планов НИР, координации, информационного обслуживания, международных связей, открытия аспирантуры и докторантуры, издательской деятельности и др. Часто возвращались поездом из Москвы и при длительных остановках в Тамбовской области Владимир Борисович закуривал в тамбуре вагона, начинал с грустью вспоминать свое крестьянское детство, прошедшее в этих местах.

Вспоминаю, как на одной из таких остановок поезда Владимир Борисович, вглядываясь в окрестный тамбовский ландшафт, вдруг неожиданно для меня завел разговор о своей фамилии: «Вы знаете Сергей Николаевич, меня многие из-за фамилии считают евреем. И евреи тоже стараются сблизиться со мной… А ведь я исключительно русский. Мои дальние предки происходили из служителей русской православной церкви. Есть даже предание, что мой род связан с родом великого русского драматурга А. Н. Островского, дед которого был дьяконом при церкви Покрова в Замоскворечье. Мой двоюродный брат, который работает сейчас дипломатом на Кубе, уже исследовал историю нашей семьи. Я тоже займусь этим вопросом, когда выйду на пенсию. Хочу в этой связи посетить Кинешму, в районе которой, в Щелыково, было поместье отца А. Н. Островского и где великий драматург похоронен…»

Я одобрял Владимира Борисовича в его попытках поиска своих родовых корней. Как-то я ему сказал, что он очень похож на А. Н. Островского и пошутил: «У Вас с ним общая судьба. Об Александре Николаевиче писатель И. А. Гончаров говорил: “…После Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: у нас есть свой русский, национальный театр, он по справедливости должен называться «Театр Островского»”. А мы тоже с гордостью говорим: у нас есть свой, единственный в СССР институт, он по справедливости должен называться “Институт Островского”».

Выслушав меня, Владимир Борисович рассмеялся и сказал: «Ну, Вы уж очень сильно загнули. Во-первых, мой предполагаемый великий родственник происходил из дворян, а я начинал свою трудовую деятельность трактористом колхоза. Во-вторых, знаменитый драматург сам создавал свои произведения, а у нашего института очень много “отцов–создателей”, в том числе и Вы к ним относитесь…». На эти слова я заметил: «У Вас не только внешнее сходство с А. Н. Островским. Многое в его жизни, характере удивительно совпадает с Вашей деятельностью. Так, тематика произведений Островского отражает характерные черты развития общества той эпохи. Вы делаете то же самое, но применительно к нашей эпохе. А. Н. Островский много ездил по стране и за рубеж, участвовал в научной экспедиции по Волге, изучая быт и условия труда жителей, особенности народной культуры Поволжья… Вы же написали уникальную книгу: “По старым саратовским трактам”, руководили первыми в стране экспедициями по изучению жизни крестьянства…»

Вопрос о фамилии Владимира Борисовича возник еще при одном малоизвестном событии. Как-то во время празднования 1000-летия крещения Руси ему позвонил управляющий Саратовской епархией архиепископ Пимен, известный своими дальними родственными узами с А. С. Пушкиным. Владыка очень просил Владимира Борисовича выступить с лекцией об аграрной политике КПСС перед руководящими священнослужителями епархии и гостями из других епархий страны. Владимир Борисович вызвал меня и попросил совета, как поступать в этой ситуации: «Ведь я член обкома КПСС, историк партии…» Я посоветовал выступать и проводил Владимира Борисовича до резиденции Пимена на улице Первомайской. На следующий день Владимир Борисович был в приподнятом настроении и подробно рассказал о том, что лекция прошла очень успешно, было

много вопросов и выступлений. Его попросили сфотографироваться с руководителями приходов епархии, а архиепископ наградил его орденом и медалью в честь 1000-летия крещения Руси. Затем архиепископ Пимен пригласил Владимира Борисовича на праздничный обед, угощая своими «фирменными» грибами.

В разговоре с Пименом Островский поделился с ним своей принадлежностью к предкам – служителям церкви. Архиепископ, улыбаясь, ответил: «А это заметно по Вашим убедительным словам, произнесенным во время лекции, и ответам на вопросы…»

В одном из разговоров со мной Владимир Борисович интересно рассказывал о связях его семьи в тамбовский период жизни с видным советским государственным деятелем и дипломатом Г. В. Чичериным, который был родом из села Караул Тамбовской губернии…

С первого знакомства с этим умным, знающим, интеллигентным и всесторонне талантливым человеком я проникся к нему большим уважением и признательностью. Я многому научился у него и с благодарностью использовал его опыт в своей работе. Я считал и считаю, что выбор его на руководство новым академическим институтом был единственно верным.

У В. Б. Островского был богатый послужной список. Он являлся заместителем председателя Поволжского научно-методического совета МВ и ССО РСФСР и председателем секции общественных наук (с 1961 г.), членом Всесоюзного совета ИМЛ при ЦК КПСС по координации научно-исследовательской работы в области истории КПСС и партийного строительства, членом головных советов МВ и ССО СССР и РСФСР по истории КПСС, членом экспертного совета ВАК при Совете министров СССР по истории КПСС и партийному строительству, членом научного совета ВАСХНИЛ по социальному развитию села.

С 1981 г. он избирается членом научного совета АН СССР по социально-экономическим и правовым проблемам АПК СССР.

Неоднократно избирался в руководящие партийные и советские органы. С 1981 г. – кандидат в члены Саратовского обкома КПСС.

С 1982 г. – депутат Саратовского городского совета народных депутатов. С 1980 г. – член партбюро Института. В 1984 г. избран членом Саратовского обкома КПСС.

Награжден орденом «Знак почета» (1967 г.), пятью медалями, рядом почетных знаков и многими грамотами. В 1984 г. Президиум Верховного Совета СССР наградил В. Б. Островского «За многолетнюю плодотворную деятельность, вклад в развитие социально-экономических наук» и в связи с шестидесятилетием со дня рождения орденом Дружбы народов. Он был награжден иностранными медалями, Большой серебряной медалью ВДНХ СССР, наградами РПЦ.

Постановлением Президиума АН СССР от 21 февраля 1980 г. № 257 «Об организации института социально-экономических проблем развития АПК» (ИСЭП АПК АН СССР) исполняющим обязанности директора назначен заслуженный деятель науки РСФСР, доктор исторических наук, профессор Островский Владимир Борисович.

Директором ИСЭП АПК АН СССР Островский был назначен Постановлением Президиума АН СССР от 18 сентября 1980 г. № 776 после избрания на эту должность общим собранием Отделения экономики АН СССР и общим собранием Академии наук СССР.

Я много писал о В. Б. Островском, выступал на конференциях, посвященных его памяти. Но полагаю, что его творчество и его жизненный путь остаются малоисследованными. Считаю, что и память об этом великом человеке земли саратовской должна быть более весомой. Я и многие мои товарищи поддерживают мое предложение о присвоении созданному им институту имени В. Б. Островского…

С. Н. Семенов,
профессор, доктор экономических наук,
заслуженный экономист РФ, главный научный
сотрудник Института аграрных проблем РАН

Эпизоды из встреч с В. Б. Островским

Из моего многолетнего общения с В. Б. Островским наиболее памятны два кратких эпизода, которые ярко характеризуют его как личность.

Из студенческой жизни.

Как-то случилось после его очередной и как всегда интересной лекции идти по пути с ним в другой корпус университета. Завязался разговор. Он всегда охотно беседовал со студентами, особенно с так называемыми взрослыми. Например, однокурсник мой Борис Карпачев до поступления в университет успел окончить строительный техникум и поработать прорабом на стройках в городе Темиртау. Паша Моспан несколько лет добывал уголь в Донбассе. Ну, а я после школы отслужил три года в армии, где закончил вечернюю партийную школу (были такие в конце 50-х – начале 60-х годов в некоторых воинских частях), после армии отработал год инструктором ГК, РК ВЛКСМ и т. д.

Идёт общий разговор. И вдруг Владимир Борисович спрашивает: «Ну, как лекция?» Я сказал, что лекция интересная, содержательная. Но при этом посмел высказать сомнение по поводу одного положения Карла Маркса из цитаты, приведенной лектором. Мне показалось, что сейчас

последует настоящий погром типа: да кто ты такой, чтобы подвергать сомнению учение Маркса, да как ты можешь, студентик-первокурсник. Подчеркну, что это был 1962 год, а не 90-е или 2000-е годы.

Каково же было мое удивление, когда ничего подобного не произошло. Владимир Борисович без каких-либо эмоций, весьма спокойно, рассудительно стал доказывать научность названного положения Маркса. И хотя я остался при своем мнении, я был поражен его педагогическим тактом. Это было хорошим уроком в моей последующей преподавательской деятельности.

Из учебной практики.

После защиты кандидатской диссертации мне было доверено читать курс лекций на философском факультете. Вполне объяснимо мое волнение как молодого лектора. Прочитал первую лекцию. Вроде бы, все нормально. Через неделю прихожу читать вторую. Захожу после звонка (тогда они давались) в аудиторию. Осматриваю ее и, о Боже, на последней скамье сидит заведующий кафедрой. Подчеркну, что о своём посещении лекции он меня не предупреждал. Не видел я его и непосредственно перед лекцией.

Что делать? Ну, была не была. Читаю так, как и задумывал. Кончилась лекция, студенты вышли. Подходит ко мне, поздоровались за руку. Не страдая робостью, я начал первым:

– Владимир Борисович, а не слишком ли рано?

– В каком смысле?

– Ведь всего вторая лекция в моей жизни, да и со студентами по-настоящему не познакомился.

– Знаешь, Валерий (он тогда, да и потом, называл меня только по имени), лучше сразу обратить внимание молодого преподавателя на те или иные недостатки при чтении лекций, чем исправлять их, когда они войдут в его привычку.

Одобрив в целом теоретический уровень лекции, методику чтения, весьма тактично высказал и некоторые замечания. Кстати, больше у меня на лекциях он никогда не был. По прошествии многих лет считаю, что он был прав: гнуть нужно тогда, когда гнется, а не ломается.

Дорофеев В. И.,
доктор исторических наук, профессор

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бударин Г. А. – аспирант кафедры связей с общественностью и рекламы, Ульяновский государственный университет. E-mail: filon@yandex.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: vil57@yandex.ru

Галихузина Р. Г. – кандидат исторических наук, доцент кафедры конфликтологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: garezeda@yandex.ru

Головченко А. В. – кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии, Саратовский государственный университет. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Голуб О. Ю. – заведующая кафедрой связей с общественностью, Саратовский государственный социально-экономический университет; доктор социологических наук, профессор, Саратовский государственный университет. E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

Гусев В. В. – кандидат экономических наук, доцент кафедры антикризисного управления, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: vladgus2006@yandex.ru

Ершов Д. О. – адъюнкт Саратовского военного института внутренних войск МВД России. E-mail: dima.ersh80@mail.ru

Казаков А. А. – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: champy@yandex.ru

Калинин В. А. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

Каримова Л. Ф – аспирант кафедры социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет. E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Концыбовская М. Н. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru

Кошарная Г. Б. – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии и управления персоналом, Пензенский государственный университет. E-mail: k-galina1@yandex.ru

Магомедов А. К. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, Ульяновский государственный университет. E-mail: armagomedov@gmail.com

Макаров С. Н. – кандидат социологических наук, доцент, докторант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва. E-mail: snmak75@mail.ru

Марданшин М. М. – кандидат исторических наук, Учреждение среднего профессионального религиозного образования медресе «Фанис», Уруссу, Татарстан. E-mail: maratmardanshin@rambler.ru

Мирошниченко И. В. – доктор политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар. E-mail: mirinna78@mail.ru

Монтаев А. Б. – аспирант кафедры прикладной социологии, Саратовский государственный университет. E-mail: elim_menim@mail.ru

Поликарпов П. Б. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: 264364@mail.ru

Русанов В. А. – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю. А. E-mail: anovrus @ bk.ru

Ситникова С. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, Саратовский государственный университет. E-mail: skareva@yandex.ru

Скворцова А. А. – аспирант кафедры государственного управления и социологии региона, Пензенский государственный университет. E-mail: finep63@mail.ru

Суслов Ю. П. – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: suslovsgu@mail.ru

Толкалов А. С. – соискатель кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

Шабанов В. Л. – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Института аграрных проблем РАН, Саратов. E-mail: vic35@inbox.ru

Шедловская М. А. – аспирантка кафедры социологии регионов, Саратовский государственный университет. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский государственный университет. E-mail: nikshestov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Budarin G. A. – graduate student, Chair of PR, Ulyanovsk State University. E-mail: filon@yandex.ru

Ershov D. O. – associate, Saratov Military Institute of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. E-mail: dima.ersh80@mail.ru

Galikhuzina R. G. – candidate of historical sciences, associate professor of conflict studies, Institute of social and philosophical sciences and mass communications of the Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: garezeda@yandex.ru

Golovchenko A.V. – candidate of political science, assistant professor of the Chair of criminal law, penal law and criminology, Saratov State University. E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Golub O. Yu. – head of the Chair of public relations, Saratov State Social-Economic University; doctor of sociology, professor, Saratov State University. E-mail: Golub@ssea.runnet.ru

Gusev V. V. – candidate of economic science, associate professor of Crisis Management Institute, Stolypin Volga Region Institute of Administration – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov. E-mail: vladgus2006@yandex.ru.

Kalinin V.A. – graduate student, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: slaffka.kalinin@yandex.ru

Karimova L. F. – graduate student, Chair of sociology and management personnel, Penza State University. E-mail: lyudmila_vyargizova@mail.ru

Kazakov A. A. – candidate of political science, associate professor, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: champy@yandex.ru

Koncybovskaya M. N. – graduate student, Chair of political science, Saratov State University. E-mail: mkoncybovskaya@mail.ru

Kosharnaya G. B. – doctor of social sciences, professor, head of the Chair of sociology and personnel management, Penza State University. E-mail: k-galina1@yandex.ru

Magomedov A. K. – professor of politics, Chair of PR, Ulyanovsk State University. E-mail: armagomedov@gmail.com

Makarov S. N. – candidate of sociology, associate professor, PhD, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: snmak75@mail.ru

Mardanshin M. M. – candidate of historical sciences, Institution of secondary professional religious education madrasah «Fanis», Urussu, Tatarstan. E-mail: maratmardanshin@rambler.ru

Miroshnichenko I. V. – doctor of political science, assistant professor of the Chair of public policyand public administration, Kuban State University, Krasnodar. E-mail: mirinna78@mail.ru

Montaev A. B. – graduate student, Chair of applied sociology's professorial, Saratov State University. E-mail: elim_menim@mail.ru.

Polikarpov P. B. – postgraduate student, Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: 264364@mail.ru

Rusanov V. A. – candidate of philosophy, associate professor, Chair of humanities, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: anovrus@bk.ru

Schedlowski M. A. – postgraduate student, Chair of sociology regions, Saratov State University. E-mail: shedlovskaya.margo@yandex.ru

Shabanov V. L. – candidate of science, associate professor, Institute of agricultural problems RAS, Saratov. E-mail:vic35@inbox.ru

Shestov N. I. – doctor of political science, professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Sitnikova S. V. – candidate of sociology, assistant professor of the Chair of social informatics, Saratov State University. E-mail: skareva@yandex.ru

Skvortsova A. A. – postgraduate student, Chair of public administration and sociology of the region, Penza State University. E-mail: finep63@mail.ru

Suslov Yu. P. – doctor of historical science, professor of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: suslovsgu@mail.ru

Tolkalov A. S. – graduate student, Chair of politology, Saratov State University. E-mail: aleksei.tolkalov@gmail.com

Vilkov A. A. – doctor of political science, professor, head of the Chair of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru